

Чингиз Акифович Абдуллаев

Цена бесчестья

Дронго –

ACh <http://www.litportal.ru>
«Цена бесчестья»: Эксмо; 2006
ISBN 5-699-15315-2

Аннотация

Известный частный детектив Дронго, взявшись за новое дело, не ожидал серьёзных проблем. Найти сбежавшую в Европу молодую женщину — что здесь особенного? Но все оказалось гораздо сложнее. Вера Логутина, бывший сотрудник аппарата правительства, имела доступ к секретным материалам о преступной «прихватизации» народной собственности алчными чиновниками. И теперь за ней охотятся киллеры, которые уже убрали нескольких её сотрудников. Дронго с трудом нашёл женщину в маленьком испанском городке, но как теперь уберечь Веру от киллеров, которые уже идут по следу?..

Чингиз АБДУЛЛАЕВ ЦЕНА БЕСЧЕСТЬЯ

«И последнее, чему они меня научили, — это владеть шпагой и кинжалом, поверьте, Ваша милость, одного аркебуза недостаточно, чтобы отправиться в Индийские земли. Цыган, который обучал меня самообороне, разбирается в этой премудрости лучше самого Педро Мунсио, хотя никогда его трактатов не читал, потому как читать не умеет. Этого моего наставника по холодному оружию зовут Каноник, — Боже правый, сколь непочтительны цыгане! Он открыл мне секрет своего коронного выпада шпагой, заставил тысячу раз повторить обманные движения, пока они не стали у меня инстинктом. Каноник фехтует искусно и всерьёз, он не тратит времени на выкрутасы и пируэты, его цель — не поразить противника своим мастерством, а смертельно ранить. Лучшие всего царапнуть противника по лбу, кровь зальёт глаза и ослепит его, а слепому гораздо проще воздать по заслугам, говорит Каноник. Самое главное — смотреть не отрываясь в глаза врагу, угадывая каждое его движение,

его страх, его намерения, говорит Каноник.

Но все эти познания ни к чему Лопе де Агирре, пока ты лицом к лицу не встретился с врагом в плоти и крови. Неизвестно, чего стоит шпага в твоей руке, пока ты не используешь её, чтобы ранить взаправду. Сражаться на уроках, для упражнения или на праздниках — не значит сражаться. А вот когда в бою ты рискуешь жизнью, когда в первый раз понимаешь: чтобы спасти собственную жизнь, нужно лишить жизни другого, — дай Бог, чтобы в этот миг рука у тебя не дрогнула.

И клянусь Вашей милостью, она у меня не дрогнула...

Мигель Отеро Сильва «Лопе де Агирре, Князь Свободы»

Кто не готов умереть ради собственной чести, тот обретает бесчестье.

Блез Паскаль

Двенадцатое сентября

Телефонный звонок разбудил его в половине десятого утра. Он недовольно открыл правый глаз. Телефонный аппарат лежал на тумбочке рядом с кроватью. Но кто мог позвонить в такое раннее время? Все его знакомые хорошо знали, что он встаёт не раньше одиннадцати утра. Какое хамство звонить творческому человеку в столь раннее время. Телефон продолжал звонить. Он открыл и второй глаз. Они его разбудили. Если выяснится, что это позвонил посторонний, он пошлёт его к чёртовой матери. А если кто-то из своих, тем более пошлёт. Ещё дальше. Он протянул руку и поднял трубку.

— Здравствуйте, — услышал он незнакомый голос, — это квартира господина Оглобина?

Кажется, да, но вы позвонили слишком рано. Господин Оглобин ещё спит, — зло проворчал он, собираясь положить трубку.

— Мы боялись не застать вас дома, — сказал позвонивший, даже не извинившись.

— Застали, ну и что дальше? — Он поморщился.

— Мы хотим с вами встретиться, господин Оглобин, по интересующему вас вопросу, — сказал позвонивший, — вы ведь опубликовали две статьи об одном государственном деятеле.

Сон сразу пропал. Он сел на кровати. Посмотрел на часы. Кто это может быть? Кто ему позвонил? Когда журналисту говорят такую фразу, профессионал обязан среагировать.

— По какому вопросу? — на всякий случай переспросил он, уже не сомневаясь в ответе. Две статьи — это слишком ясный сигнал, чтобы его не понять.

— Вы знаете, по какому. У нас есть интересующие вас сведения конфиденциального характера. И мы собираемся передать их лично вам для последующего опубликования в печати. Разумеется, вы не должны сообщать, кто передал вам эти документы.

— У вас есть документы?

— Да. И настоящие подлинники.

— Понимаю. Сколько вы за них хотите?

— Вы не понимаете. Нас не интересуют ваши деньги. Мы готовы предоставить вам материалы бесплатно, на условиях полной анонимности.

Очевидно, политические противники, понял Оглобин. И они хотят передать документы для их опубликования. Все правильно. Им важнее денег уничтожение своего политического конкурента. Все правильно. Так и должно быть. Он усмехнулся.

— Когда мы можем с вами увидеться? — спросил Оглобин.

— Сегодня вечером. В восемь часов у станции метро «Измайловский парк». Там будет наша машина. Джип «Ниссан» чёрного цвета. Можно подойти и сесть в автомобиль. Мы будем вас ждать.

Хорошо. Обязательно приеду. Только я буду на своей машине.

Нет. Приезжайте на метро. За вашей машиной могут следить...

— Да, конечно. Я приеду на метро. Я все понимаю.

— До свидания, господин Оглобин.

Он положил трубку и радостно растянулся на кровати. Если все будет нормально, то уже завтра утром он опубликует сенсационный материал, который сделает его одним из самых известных журналистов в Москве. Или в России. А может быть, даже в Европе? Его материал наверняка станут комментировать все ведущие газеты. Он уже видел заголовки о сенсационных фактах в статьях журналиста Оглобина. Нужно будет сменить газету и потребовать себе гораздо больший гонорар.

Он закрыл глаза, но уже не мог заснуть. Самые радужные перспективы рисовались в его воображении. Этот день был одним из самых счастливых в его недолгой жизни. Словно судьба решила напоследок сделать ему подарок. В восемь часов вечера он вышел на станции метро «Измайловский парк» и почти сразу увидел ожидавший его джип. Он сделал последние двадцать шагов и уселся в салон автомобиля рядом с водителем. На заднем сиденье сидел ещё один неизвестный. Оглобин вежливо поздоровался с обоими. И машина тронулась. Его труп так никогда и не нашли.

Шестнадцатое сентября

Он выехал из Апрелевки несколько минут назад. По Киевскому шоссе можно добраться до центра города достаточно быстро, если не будет этих проклятых пробок. Денис Викторович Репников сидел за рулём своего роскошного «Пежо» шестьсот седьмой модели, который он приобрёл всего два месяца назад. Репников обычно не чувствовал себя за рулём достаточно уверенно, сказывалось отсутствие практики.

Он получил автомобильные права ещё четверть века назад, но почти сразу был избран первым секретарём райкома комсомола и «заслужил» персональную служебную «Волгу» с водителем. Затем карьера шла по нарастающей. Через некоторое время его перевели в горком комсомола, потом избрали третьим секретарём в одном из райкомов партии. Он считался достаточно перспективным и многообещающим молодым человеком. Потом все закончилось, прежняя жизнь изменилась, страна стала другой, многие завершили карьеру, но Репников продолжал свой карьерный рост. Он к тому времени уже перешёл на ответственную работу в Министерство лёгкой промышленности. Здесь он проработал несколько лет, а затем перебрался в Министерство финансов. Карьера шла по нарастающей, и доходы росли соответственно служебному положению. В нестабильные девяностые годы работать в Министерстве финансов ответственным чиновником означало иметь очень неплохие дивиденды с любых сделок и договоров, находящихся в компетенции Репникова.

Ещё через несколько лет он уже работал в «Белом доме» помощником вице-премьера, а когда его шеф стал председателем кабинета министров, Репников, соответственно, получил должность помощника премьера, на которой ему также полагалась служебная машина и роскошный кабинет. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Премьера сняли с работы, и Репников был вынужден подать заявление об уходе из кабинета министров.

Он почти сразу нашёл работу в одной финансовой корпорации. Оклад был солидным, но служебные машины здесь никому не предоставляли. Ему пришлось взять водителя и посадить его на свою частную машину. Репников был не самым бедным отставным чиновником и, по скромным подсчётам, должен был иметь на своих счетах несколько миллионов, что позволяло ему иметь личного водителя. Но приезжать на работу в корпорацию со своим водителем было неудобно. На его водителя начали обращать внимание. В конце концов Репников занимал в корпорации не самую высшую должность, а был всего лишь советником. Поэтому он вспомнил прежние навыки и решил сам пересесть за руль машины. Так было гораздо удобнее. Водитель обслуживал его семью, а Репников приезжал в город на своём новом автомобиле.

Правда, его раздражали частые пробки, но он уже привык к ним, прослушивая по дороге последние новости, передаваемые по радио. В этот день у него должна была состояться важная встреча с представителем зарубежной компании. У Дениса Викторовича было хорошее настроение. Для своих пятидесяти двух лет он выглядел очень неплохо: красиво уложенные, почти не тронутые сединой волосы, моложавый, загорелый, подтянутый. Он любил играть в

теннис и отдыхать на побережье Лазурного Берега.

Увидев двух автоинспекторов, стоявших у обочины дороги, Репников чуть нахмурился. Он ещё не привык к тому, что был обычным водителем за рулём, которого мог остановить любой сотрудник милиции. Но послушно притормозил, с интересом наблюдая, как к нему подходит один из этих офицеров. Остановившему его старшему лейтенанту было лет тридцать или немного больше.

— Здравствуйте, — строго сказал подошедший офицер, — почему нарушаете?

— Доброе утро. Репников с интересом взглянул на сотрудника Госавтоинспекции. Он ведь точно знал, что не нарушал никаких правил. И даже пристёгивался ремнём, перед тем как выехать. Неужели у него просто хотят выудить деньги таким образом? — Что я нарушил? — спросил он. — Мне кажется, вы ошиблись.

— Нет, не ошибся. Вы ехали на недозволенной скорости. — Офицер говорил каким-то ленивым голосом, словно ему было все равно, нарушил Репников или нет. Наверное, ждал свои сто рублей в качестве взятки.

— В такой пробке — и на недозволенной скорости? — усмехнулся Репников. — Вы, наверное, шутите, лейтенант.

— Нет, не шучу. Покажите ваши документы.

— Учтите, что я буду жаловаться, разозлился Денис Викторович. В конце концов, даже вымогатели в форме должны понимать, что нельзя зарабатывать таким образом.

Он полез во внутренний карман за документами. И в этот момент быстро наклонившийся офицер кольнул его чем-то острым в шею. Репников хотел возмутиться, сказать, что это уже абсолютная наглость и ему больно. Но ничего не успел произнести, чувствуя, как теряет сознание и заваливается на правый бок. Офицер осторожно снял его левую руку с руля.

Через пятнадцать минут «Пежо», сорвавшись с моста, упал в реку, несколько раз перевернувшись в воздухе на глазах у нескольких свидетелей. Только к вечеру, используя специальную технику, удалось достать машину и тело погибшего из воды. Эксперты-патологоанатомы, исследовавшие тело, пришли к однозначному выводу, что у Репникова произошёл сердечный приступ, после которого он потерял сознание и не сумел удержать руль автомобиля.

Ещё через два дня некоторые газеты сообщили о трагической и нелепой гибели бывшего ответственного сотрудника кабинета министров Репникова Дениса Викторовича и от имени группы товарищей выражали соболезнование членам его семьи.

Двадцать третье сентября

Этот дом находился на Ленинском проспекте и являлся одним из тех зданий, которые были сооружены в последние годы начавшегося в столице градостроительного бума. В новом доме внизу дежурил традиционный консьерж, а высотка считалась достаточно элитарной, и квартиры в ней продавались ещё на стадии строительства. Вера Логутина въехала в этот дом, уплатив полную стоимость квартиры, ещё три года назад. Двухкомнатная квартира общей площадью около ста метров обошлась ей почти в двести пятьдесят тысяч долларов. И хотя она работала в кабинете министров, подобная сумма была ей явно не по карману. В таких элитных домах соседи обычно не любят общаться и не задают лишних вопросов про суммы, которые были уплачены за квартиры. Но некоторые из соседей узнали, что Вера — сестра жены известного магната, который и помог своей родственнице приобрести эту квартиру, ссудив ей необходимые деньги.

Нужно отметить, что половину суммы молодая женщина смогла внести сама. К этому времени она уже работала финансовым советником крупной корпорации и перешла в кабинет министров по приглашению самого премьера. Ей было тридцать лет, и она делала успешную карьеру, которая обещала стать просто блестящей в скором времени. Однако через несколько лет премьер покинул свой пост, новый глава кабинета явно не нуждался в советах Логутиной, и она ушла с работы, перейдя в другую корпорацию.

В этот день она возвращалась с работы чуть позже обычного, задержавшись для составления отчёта. На часах было около половины восьмого, когда она въехала на своём

«Мицубиси» в гараж, находившийся под домом. Ворота открывались автоматически. Закрыв машину, она прошла к кабине лифта, чтобы подняться на одиннадцатый этаж, где находилась её квартира. Как раз в тот момент, когда она вошла в кабину лифта, позвонил её сотовый телефон. Вера достала аппарат.

— Здравствуй, Верунчик, — услышала она голос своей подруги Зои, — как у тебя дела?

— Ничего, — устало ответила Вера, — неплохо. Как у тебя?

— Все нормально. Ты знаешь, почему я тебе позвонила? Говорят, что разбился твой бывший шеф. Тот самый. Денис Викторович. Я прочла в газетах, что несколько дней назад были похороны. Ты представляешь, какой ужас? Он погиб, свалившись на своей машине с моста. Такой молодой и симпатичный человек. Алло, ты меня слышишь? Говорят, что у него был сердечный приступ.

— Какой приступ? не поняла Вера. — Он был абсолютно здоровым человеком. Какой приступ у него мог случиться?

— Не знаю. Так написали в газетах. Я сама удивилась, когда прочла. Ты всегда говорила, что он занимался спортом, следил за своим здоровьем.

— Конечно, следил. — У Веры испортилось настроение. Они никогда не были особенно близки с Репниковым, но она проработала с ним несколько лет, и известие о его смерти её неприятно поразило.

И ещё пропал этот журналист, с которым ты встречалась, — не унималась Зоя, — тот самый, со смешной фамилией. Помнишь, он расспрашивал тебя о твоей предыдущей работе? Тот самый. Извозчиков или Телегин. Похожая фамилия...

— Оглобин?

— Да. Он исчез уже две недели назад, и его нигде не могут найти. Можешь себе представить? Я так перепугалась, когда об этом услышала, и решила тебе позвонить.

— Спасибо, — нахмурилась Вера. Она помнила настойчивого и бесцеремонного журналиста. И хорошо помнила, о чем именно он её расспрашивал. Она почувствовала лёгкий озноб испуга.

— Ты будь осторожнее, а то мало ли что, — продолжала тарыхтеть Зоя, — ты ведь знаешь моего Вову, он работает в прокуратуре, и он мне сказал, что со смертью Репникова не все понятно. Алло, ты меня слышишь?

— Слышу. — У неё окончательно испортилось настроение.

Кабина лифта остановилась на одиннадцатом этаже. Створки раскрылись.

— Я тебе перезвоню, — пообещала Вера. Она убрала аппарат в сумку, доставая ключи.

Выйдя из кабины лифта, она обернулась, словно следом мог выйти чужой. Услышав, как где-то внизу хлопнула дверь, — вздрогнула, нахмурилась, резко покачала головой, словно отгоняя неприятные мысли. В конце концов, нельзя сходить с ума из-за звонка своей болтливой подруги. Возможно, Репников действительно сорвался с моста, а журналист уехал куда-то по редакционному заданию и нарочно интригует всех своим отсутствием. Некоторые журналисты устраивали подобные трюки, чтобы привлечь к себе побольше внимания. Она подошла к своей двери, доставая ключи. Открыла первый замок, затем второй, распахнула дверь. И почувствовала чужой запах. Вера не курила, у неё была аллергия на никотин. Но в квартире явно был чужой запах. И этот незванный гость курил. Она прислушалась, не входя в квартиру. Неужели кто-то чужой мог войти? Если бы не звонок Зои, она бы не обратила внимания на этот посторонний запах. Но теперь стояла на пороге и не решалась войти.

Что нужно делать в подобных случаях? Позвонить и позвать консьержа? Но это молодой человек субтильного вида, студент лет двадцати. Он явно не поможет. Закрыть дверь и вызвать милицию? А если в квартире никого нет? Как она будет объяснять свои надуманные страхи? Или это вызовет ещё большие подозрения? Нужно что-то придумать. Она стояла на пороге и не решалась сделать ещё один шаг. Может, позвать кого-то из соседей? Но за три года она так толком ни с кем и не познакомилась. Кажется, рядом живёт семья, которая часто уезжает во Францию. Двое родителей и дети-близнецы. Или они сейчас в городе? А в другой квартире живёт пожилая женщина, мать какого-то нувориша. Он сам не появляется здесь, но водитель и домработница бывают каждый день.

Вера по-прежнему не знала, как ей поступить.

И неожиданно услышала осторожные шаги. Очевидно, незнакомцу внутри квартиры надоело ждать, и он сделал два осторожных шага. Она резко отпрянула, закрыла дверь. И услышала, как кто-то чужой бежит к двери. Вера успела вставить ключи в замок и закрыть его. Изнутри послышались удары. Она отбежала от двери, с ужасом прислушиваясь к ним. Очевидно, возможный убийца все время находился внутри. Она услышала, как он отошёл от двери и начал что-то быстро говорить, возможно, позвонив своему напарнику. Лифт пошёл вниз. Она со страхом обернулась. Вспомнила, что дверь была заперта снаружи. Значит, один убийца вошёл в квартиру, а второй его запер, чтобы она ничего не заподозрила. Даже страшно подумать, что могло случиться. Она бы вошла в квартиру, привычно разделась, прошла в душ. Вера содрогнулась. Этот негодяй мог её не просто убить. Она услышала, как кабина лифта остановилась где-то внизу, и тоже побежала по лестнице вниз. Кабина лифта начала подниматься вверх. Вера бежала, не различая ступенек и твёрдо понимая, что ей нельзя пользоваться автомобилем, чтобы не оказаться одной в подземном гараже. Когда кабина лифта остановилась на одиннадцатом этаже, она уже была на третьем. Если это сообщник убийцы, то ему понадобится некоторое время, чтобы открыть её дверь и выпустить своего напарника. За это время она успеет добраться до первого этажа. Вера спускалась, держась за перила, чтобы не упасть. Она добежала до консьержа и, задыхаясь от волнения, крикнула ему:

— Вызывайте милицию! Срочно вызывайте милицию! У меня в квартире убийцы!

Консьерж изумлённо уставился на неё, не совсем понимая, что происходит.

— Звоните, — крикнула она, — иначе они сейчас спустятся вниз и убьют нас обоих!

— Кто спустится? — недоуменно спросил консьерж. — Здесь никто не проходил.

У него на пульте было заметно, как кабина лифта пошла вниз. Вера замерла, глядя на мигающую красную точку.

— Быстрее звоните, — почти умоляла она.

Молодой человек не слишком охотно поднял трубку. Он все ещё не верил в эти непонятные крики. Ведь он находился на своём посту с самого утра и никто не проходил мимо него. Но набрал номер телефона ближайшего отделения милиции. И попросил дежурного.

— Пришлите, пожалуйста, срочно наряд по адресу... — Он не успел договорить. Створки кабины лифта открылись, а Вера, не дожидаясь, пока незнакомцы окажутся в холле, выбежала на улицу. Консьерж недоуменно оглянулся. Из кабины лифта вышли две женщины. Он изумлённо взглянул на них, они явно не были похожи на свирепых убийц.

— Алло, — услышал он голос дежурного, — вы не назвали свой адрес. Алло, вы меня слышите...

Пятое октября

Иногда наступал период непонятной депрессии. Нет, сама депрессия не была для него характерна, для этого он был слишком самодостаточным и сильным человеком. Но периоды непонятного томления духа возникали как-то сами по себе, когда вдруг он понимал, что ему не хочется вылезать из постели, разговаривать с чужими людьми и даже с близкими, куда-то перемещаться в пространстве, есть, двигаться, даже читать книги или знакомиться с новой информацией в Интернете.

В такие дни он словно проваливался в непонятное состояние перманентного сна, мозг брал своеобразный «отпуск», отключаясь от внешнего мира. Сны были цветные и достаточно интересные. Самое главное, что он помнил каждый сон, все его детали, подробности. Просыпаясь, он долго лежал, пытаясь осмыслить очередные цветные картинки, а затем снова погружался в приятную дремоту.

Однажды, проснувшись, он вдруг осознал, что не помнит, в какой именно квартире находится. В московской или в бакинской? Они были похожи друг на друга расположением комнат, одинаковыми библиотеками, схожей мебелью, техникой. Он сознательно конструировал их таким образом, чтобы ему было удобно в этом пространстве. Даже занавески и небольшой коврик перед кроватью были одинаковыми. Он нахмурился, повернулся на бок. Увидел дверь в спальню. В московской квартире двери были чуть темнее. Он улыбнулся и снова закрыл глаза, погружаясь в сон.

Но подобное состояние не может длиться вечно, тем более у такого деятельного человека, каким был Дронго. Через сутки, отоспавшись, он уже сел к своему компьютеру, звонил в Италию Джил или отправлялся на проспект Мира, где был их небольшой офис, в котором его ждали Эдгар Вейдеманис и Леонид Кружков. В этот день он работал за компьютером, просматривая поступившую почту, когда раздался звонок его сотового телефона. Дронго знал, что этот номер известен лишь небольшому числу людей.

— Добрый день, — услышал он характерный голос латыша Вейдеманиса, — как твоя депрессия?

— Ты звонил вчера, — понял Дронго.

— Конечно. Ты перевёл свой городской номер на автоответчик и не отвечал, а твой сотовый был отключён. Я понял, что у тебя опять «лёгкое недомогание». За последние два года уже в третий раз. Мне кажется, ты становишься меланхоликом.

— Спасибо за комплимент, — усмехнулся Дронго, — это все, что ты мне хотел сказать?

— Нет, не все. К нам вчера звонили. Хотят с тобой встретиться.

— Это настолько важно, что ты звонил даже на сотовый, зная, что у меня «лёгкое недомогание»? Между прочим, очень изящный термин для моего шизофренически долгого сна.

— Важно, — сказал Вейдеманис, — нам звонили по поручению самого Бориса Каплуновича...

— Каплунович, — повторил Дронго, — если я не ошибаюсь, это владелец крупнейшей телефонной компании мобильной связи и один из мультимиллионеров. Говорят, что до миллиардеров он недотягивает совсем немного. Кажется, «Форбс» нашёл у него семьсот или восемьсот миллионов долларов.

— Уже девятьсот, — подтвердил Вейдеманис, — и ещё он владеет недвижимостью, акциями крупных металлургических компаний в России и на Украине.

— Прекрасно, — кивнул Дронго, — и что хочет от нас этот кандидат в миллиардеры?

Срочно с тобой встретиться. Они звонили уже три раза. Его секретарь, кажется, искренне не понимала: как мы можем не найти тебя, если сам Каплунович хочет с тобой поговорить.

— Можно представить её недоумение, — усмехнулся Дронго, — наверное, любой чиновник от радости готов съесть собственный галстук, чтобы угодить такому богатому человеку. Она считает, что я обычный частный детектив и после такого звонка обязан немедленно перезвонить, чтобы получить важный заказ.

— Возможно. Ты хочешь с ним встретиться?

— Она говорила, по какому вопросу?

— По личному. Ничего больше не сказала.

— Ясно. Ему, кажется, лет сорок или сорок пять?

— Сорок шесть. Я знал, что ты обязательно о нем спросишь. Мы уже ищем всю информацию о Каплуновиче. Очень интересный тип. Между прочим, доктор наук, был довольно успешным учёным, защитил кандидатскую диссертацию в двадцать пять, докторскую в тридцать. А потом бросил науку и ушёл в бизнес. Говорят, что он был очень перспективным молодым человеком, подающим большие надежды.

— Он вовремя сориентировался, — заметил Дронго, — понял, что лучше идти в миллиардеры, чем оставаться бедным учёным.

— Ты становишься циничным меланхоликом, — заметил Эдгар.

— И ещё человеконенавистником, — добавил Дронго, — ладно. Хватит меня критиковать, я уже сам знаю все свои недостатки. Позвони им и скажи, что я буду ждать его сегодня в семь часов вечера у себя. Пусть приедет один. В шесть у меня появишься ты с его подробным досье. Во всяком случае, мы должны понять, что он от нас хочет, до того, как он переступит порог моей квартиры.

— Уже работаем, — доложил исполнительный Вейдеманис.

Дронго положил аппарат обратно на столик. Он успел просмотреть поступившие сообщения. Затем просмотрел сайт телефонной компании, принадлежащий Каплуновичу. Обед он заказал себе в ресторане, попросив водителя привезти его к шести вечера, чтобы не есть в одиночку. Ровно в шесть часов появился пунктуальный Вейдеманис. Через несколько минут водитель привёз заказанный обед. Эдгар не собирался есть, но не стал отказываться, присев за

столик в кухне. Они сидели друг против друга, и Вейдеманис, достав свои записи, знакомил Дронго с полученными сведениями. — Он родился в Новосибирске, — сообщил Эдгар, — родители работали в институте физики. Отец тоже был доктором наук, мать старшим лаборантом, кандидатом наук. Мать жива до сих пор, отец умер четыре года назад. Борис с отличием окончил школу, затем получил, красный диплом в институте, престижное распределение в московский институт. Почти сразу поступил в аспирантуру. В двадцать пять стал кандидатом наук. Через пять лет одним из самых молодых — доктором. Тема была как раз связана с возможностью беспроводной связи. В тридцать два ушёл в бизнес, основав свою небольшую компанию. Через четыре года они были владельцами сотовой телефонной компании, которая начала успешно работать на рынке. Во время дефолта чуть не разорились, но затем получили крупный кредит в банке и смогли поправить свои дела. Через три года они были уже самой крупной телефонной компанией в стране. Ещё через год Борис Каплунович начал скупать акции металлургических компаний.

— Типичный путь удачливого бизнесмена, — кивнул Дронго.

— Да. Он был женат, но развёлся, когда ему было двадцать девять. От первого брака детей нет. Второй раз женился в тридцать четыре. Жена — Кира Логутина, менеджер крупной туристической фирмы. У неё это был тоже второй брак. Первый брак с Игорем Журавлёвым, журналистом, распался. От первого брака у Киры есть сын Максим. Ему сейчас восемнадцать лет, он учится в Англии. От второго брака у Киры ещё двое детей. Алла и Кирилл. Девочке двенадцать, мальчику девять. Живут вместе с матерью во Франции, учатся в престижной французской школе. Отец часто проводит время рядом с ними.

— У них все в порядке?

Кажется, да. Мы даже нашли их телефон во Франции. Представились сотрудниками страховой фирмы. У них все нормально.

Интересно. Тогда такой личный вопрос. У него есть любовница?

— Возможно, есть, но мы пока ничего не знаем. У нас был для проверки только один день. Но, судя по всему, он не бабник, достаточно серьёзный человек, хотя ничего исключать нельзя. Когда у человека есть такие деньги, он начинает портиться...

— В тебе говорит твой социалистический опыт, улыбнулся Дронго, — хотя действительно Деньги обладают страшной разрушительной силой. Что ещё?

— У Бориса есть сестра. Живёт в Новосибирске вместе с матерью. Замужем. Двое детей, внук. Борис купил им большой дом, поселил всех вместе. Нормальная семья, никаких отклонений.

— Значит, вы ничего не узнали?

— Почти ничего, — загадочно ответил Эдгар.

— А конкретно?

— Каплунович в последние дни выходил на нескольких частных детективов. Встречался с сотрудниками МУРа. Об этом узнал Кружков. Видимо, ему рекомендовали именно тебя.

— Выходит, что у него есть конкретное дело, о котором вы не смогли узнать?

— Получается, что так, — подтвердил Вейдеманис, — но бизнесмены народ закрытый. Они свои тайны в Интернете на сайтах не вывешивают.

— Ты дал ему мой московский адрес?

— В семь часов он приедет. Я предложил ему приехать без охраны, он согласился. Но, может быть, охрана будет внизу, в его машине.

— Пусть будет. Если у него важное личное дело, то он обязательно поднимется один. Ты же сам говоришь, что бизнесмены — народ закрытый.

Пятое октября

Каплунович приехал ровно в семь часов вечера. Сначала позвонил снизу дежурный охранник, доложивший, что приехал гость. Затем в кабине лифта поднялся сам Каплунович. Он прибыл без охраны, очевидно оставив сопровождающих в своей машине. Дронго открыл дверь. Перед ним был высокий мужчина, почти такого же роста, как и сам Дронго: внимательный взгляд, модные очки, чуть тронутые сединой волосы, умное волевое лицо. Гость был одет в

светло-серый костюм и темно-серый плащ. Войдя в холл, он протянул руку. Рукопожатие было сильным, энергичным. Оставив плащ на вешалке, Каплунович прошёл в гостиную.

Войдя в комнату и обнаружив там Вейдеманиса, гость недоуменно обернулся и взглянул на Дронго. Очевидно, он не ожидал, что в квартире окажется кто-то ещё.

— Это мой друг и напарник Эдгар Вейдеманис, — представил гостю своего помощника Дронго, — могу вас заверить, что все сказанное вами останется здесь и никто из посторонних не узнает о нашем разговоре. Я доверяю господину Вейдеманису так же, как себе.

— В наше время иметь такого человека большая роскошь, — заметил Каплунович, усаживаясь в предложенное ему кресло. Дронго сел напротив. Эдгар устроился на диване.

— Что-нибудь выпить? — предложил Дронго.

Нет, спасибо, — отказался Каплунович, — очевидно, мне нужно представиться. Я Борис Самуилович Каплунович, руководитель холдинга КТС, ведущий акционер ряда предприятий и организаций нашей страны. И у меня есть к вам конкретное дело.

— Я вас слушаю. Думаю, что мне не нужно представляться. Вы уже навели справки обо мне, прежде чем здесь появиться. Или я не прав?

— Правы. Только я не совсем понимаю, как к вам обращаться.

— Дронго. Меня обычно так и называют.

— Очень хорошо, господин Дронго. Дело в том, что у меня к вам не совсем обычное дело. Речь идёт о моей семье. Скорее о моей супруге. Проблема в том, что исчезла её младшая сестра. У них разница в возрасте более семи лет, и моя жена Кира была для своей сестры Веры почти как мама. Опекала её, заботилась, поддерживала. В общем, вы меня понимаете...

Дронго кивнул.

— И теперь она исчезла, — продолжал Каплунович, — вот уже две недели мы не знаем, где она и что с ней происходит.

Наступило молчание. Каплунович молчал, ожидая вопросов. Дронго молчал, ожидая, когда его гость продолжит рассказ. Наконец Борис Самуилович не выдержал:

— Мы уже пытались её искать, но не смогли найти. И вообще мы не совсем понимаем, что происходит...

— Давайте по порядку, — предложил Дронго, — кем работала сестра вашей супруги?

В крупной финансовой компании. Я знаю их президента. Солидная компания, ничего необычного. Там мы уже проверяли несколько раз. Она готовила отчёт и не успела его сдать, но отчёт был почти готов и находился в её рабочем кабинете. Никакой связи исчезновения Веры с её работой мы не нашли.

— Какая компания?

— «Баркер-групп». Это филиал известной немецкой компании. Там нет ничего криминального, если можно предположить, что её искали из-за этого. Во всяком случае, я наводил справки. У неё была работа, связанная с обычными финансовыми отчётами.

— Она жила одна?

— Да. У неё был друг, но они давно расстались. Сейчас этот друг живёт в Латвии. Я звонил и ему на всякий случай. Но он ничего не слышал о Вере.

— Давно они расстались?

— Больше двух лет назад.

— И с тех пор она жила одна?

— По моим сведениям, да. Во всяком случае, она рассказывала о своих встречах с другими мужчинами своей старшей сестре. Но в последнее время у неё не было никаких связей, даже случайных. Опрошенные консьержи показали, что к ней никто не ходил.

— Как она исчезла?

Двадцать третьего сентября приехала домой после работы, оставила машину в подземном гараже и поднялась к себе. Затем вдруг спустилась вниз и стала кричать консьержу, что в её квартире находятся убийцы, которые сейчас спустятся и убьют их обоих. Консьерж вызвал милицию, но Вера не стала ждать — выбежала на улицу, и больше её никто не видел.

— Милиция приехала?

— Конечно. Они приехали, поднялись наверх, все проверили. В её квартире никого не было. И никто посторонний к ней не входил. Иначе дежурный, сидевший внизу, зафиксировал

бы появление посторонних.

— Дежурный или консьерж?

— И то и другое в одном лице. Он дежурит на входных дверях. Если отходит в туалет, то закрывает двери и включает камеру. Никто из посторонних в дом не входил, это было зафиксировано камерой.

— А подземный гараж? Вы сказали, что она оставила машину в подземном гараже. Значит, там был другой вход?

— Он тоже просматривается камерой. Никто из посторонних там не появлялся. Приезжали только автомобили живущих в доме людей, у которых были свои автоматические пульта управления механическими дверями. Если бы появились посторонние, камеры бы их зафиксировали. Двери открыть просто так невозможно. Там установлены достаточно чувствительные датчики. В общем, все как в хороших московских домах.

Как интересно. Получается, что ваша родственница просто сошла с ума и решила сбежать из дома?

— Не думаю. Она очень разумный человек. Несмотря на относительно молодой возраст, уже добилась многого. Работала в крупных компаниях, в управлении делами Совета министров. В общем, успела проявить себя с самой лучшей стороны. Она блестяще владеет английским и французским языками. Прекрасный экономист. Я давно предлагал ей перейти на работу в мою компанию, но она отказывалась, считала, что обязана добиться успеха сама.

— Сильный человек, — кивнул Дронго, — но вы пришли ко мне не поэтому. Если бы дело касалось только её исчезновения, вы бы не стали меня искать. Верно?

— Правильно. Но как вы догадались?

— Насколько я мог понять, вы уже проводили собственное расследование. И довольно тщательное, если вам удалось проверить её служебные дела и получить показания консьержа. Но вы не удовлетворены подобным расследованием. Более того, вы не удовлетворены работой тех частных детективов, которые уже работают на вас. И тогда я понимаю, что есть ещё другие факты, о которых вы умолчали и которые я должен знать, прежде чем приму окончательное решение.

Браво, — сказал Каплунович, — вы настоящий профессионал. Мне вас рекомендовали именно в этом качестве. Не скрою, что мы встревожены. Она уже почти две недели не даёт о себе знать. Но вы правы. Самые важные факты я пока не изложил. Дело в том, что, по нашим данным, она уже пересекла границу. Вылетела во Францию двадцать пятого сентября. Билет был приобретён на её имя, она прошла государственную границу, это мы установили точно. И снова исчезла. Достаточно невероятный факт, если вспомнить, что её родная старшая сестра живёт сейчас в Париже и все наши телефоны у Веры имеются.

Дронго молча слушал, никак не комментируя слова гостя.

— Она взяла странный билет, — продолжал Каплунович, — можете себе представить, как она полетела во Францию? Через Берлин самолётом монгольской авиакомпании, а затем уже оттуда «Люфтганзой» до Парижа. Такой сложный и непонятный маршрут.

— Может, ей нравится летать именно с монгольской авиакомпанией? — пошутил Дронго. — Хотя согласен, что могут появиться вопросы. Обратный билет она взяла?

— С открытой датой. — Каплунович чуть помолчал. Затем неожиданно спросил: — Вы уверены, что ваша квартира не прослушивается?

Абсолютно. У меня включён скремблер, последняя модель. Эту комнату невозможно прослушать, — пояснил Дронго, — хотя ничего исключить нельзя. Но скремблер у меня включён на всякий случай, и если кто-то захочет услышать наш разговор, то должен будет задействовать уж очень совершенную технику. Однако, если вы считаете, что есть опасность, можно воспользоваться старым методом...

Он взял пульт и включил телевизор. Прибавил громкости.

— Немного неудобно, но гарантированно просто, — добавил Дронго.

— Верно, — согласился Каплунович. Он даже улыбнулся: — У меня в компании работает целый отдел, занимающийся вопросами возможного прослушивания сотовых телефонов. Пытается решить эту проблему на современном уровне.

— Получается?

Не всегда, — честно признался Каплунович, — но мы стараемся. Я думаю, главная причина, по которой Вера так неожиданно исчезла и не пытается с нами связаться, совсем в другом. И это мне тоже удалось установить. Дело в том, что я президент той самой сотовой компании, телефоном которой пользовалась и Вера. Мне было легко установить, кому она звонила и кто звонил ей. В тот момент, когда она якобы обнаружила у себя возможного убийцу, ей позвонила подруга, муж которой работает в городской прокуратуре. Вы знаете, что именно сказала её подруга? Она рассказала, что исчез журналист Оглобин, которому давала интервью Вера за месяц до этого события. И ещё что за неделю до этого погиб бывший руководитель Веры в кабинете министров, некто Денис Викторович Репников. Нам удалось установить, что его автомобиль свалился в реку. Врачи считают, что причиной был сердечный приступ. Но я немного знал Репникова. Это был абсолютно здоровый человек, занимавшийся спортом.

— Сколько ему было лет?

— Чуть больше пятидесяти.

— В таком возрасте мужчины иногда внезапно умирают от сердечного приступа, — возразил Дронго, — тем более что Репников раньше работал в кабинете министров. Смена работы могла очень болезненно на нем сказаться.

— Возможно, вы правы, — вежливо согласился Каплунович, — но дело в том, что моя родственница успела позвонить супруге Дениса Викторовича. Мы зафиксировали все её звонки. Она позвонила в Латвию своему бывшему другу и спросила, может ли к нему приехать. Нужно было знать Веру, чтобы понять, насколько его удивил этот звонок. Через два года после их разрыва. Это было неожиданно для него, но он согласился. Возможно, решил, что она хочет помириться. Хотя вряд ли. Они были вместе достаточно долго, и он успел изучить её характер.

— Как его зовут?

— Александр. Александр Линдт. Он работал представителем латышской компании в Москве. Больше восьми лет. Очень неплохой парень. Но она ему больше не звонила. И не появлялась в Латвии.

— У неё российский паспорт?

— Да. Обычный паспорт для туристов. И ей обычно давали мультивизу в Шенгенскую зону и право на пребывание в ней обычные девяносто дней. И ещё есть виза в Великобританию. На два года.

— Она звонила только своему другу и жене Репникова?

— Нет. Она успела сделать ещё два звонка. Перезвонила к себе на работу, предупредив, что её несколько дней не будет. Собственно, поэтому мы её сразу и не искали. Но домой она больше не возвращалась, мы это установили достаточно точно. Её никто больше не видел. А последний звонок она сделала в редакцию газеты, где работал Оглобин. Все звонки мы проверили, со всеми поговорили. Её интересовало, как исчез журналист. Она говорила с заместителем главного редактора Куравлёвой. И все. Потом аппарат замолчал. Как будто она его выбросила. Во всяком случае, мы смогли проверить, где находится её телефон...

— Выключенный телефон? — переспросил Дронго.

— Этого я вам не должен говорить, — грустно усмехнулся Борис Самуилович, — но обнаружить даже выключенный аппарат вполне возможно. И технически достаточно несложно. Вы отключаете внешнюю связь, но местонахождение каждого аппарата можно легко установить.

— Вы говорили об этом своей родственнице?

— Да. Она это знала.

— И где теперь её аппарат?

— На дне Москвы-реки. Мы в этом уверены.

— И вы удивлены?

— Конечно, нет. Но моя жена хочет знать, куда пропала её младшая сестра. И почему она так внезапно исчезла. Согласитесь, что в этом есть некое противоречие. Выбросить свой сотовый аппарат, не пользоваться машиной, не возвращаться в квартиру, а потом вылететь во Францию, чтобы прилететь в Париж и не позвонить собственной сестре?

— У них были нормальные отношения?

— Более чем. Кира была ей как мать. Они очень дружили. Вера точно знала, что всегда

может положиться на старшую сестру.

Дронго взглянул на невозмутимого Эдгара Вейдеманиса. Тот молчал, не вмешиваясь в разговор.

— Вы проверяли её появление на границе? — уточнил Дронго. — Она должна была дважды предъявить свой паспорт. На российской и на немецкой границе. В Москве и в Берлине. Потом в Париж можно лететь без пограничного оформления, но и там достаточно строго проверяют документы.

— Правильно. Её паспорт был предъявлен дважды. И кто-то прошёл границу. И кто-то прилетел в Париж...

— У вас появились сомнения?

Во всяком случае, такой вариант не исключён. Кто-то похожий на Веру мог перейти границу, прилететь в Берлин, а оттуда в Париж. Невероятно, чтобы, оказавшись во Франции, она не позвонила своей старшей сестре. Это почти невозможно.

— Даже так... — пробормотал Дронго. — Это уже становится интересным. Значит, вы полагаете, что кто-то мог разработать такую сложную операцию специально для того, чтобы обмануть вашу супругу?

— Не только, — нахмурился Каплунович, — её могли убрать в Москве, а инсценировку выезда устроить специально, чтобы мы не искали её здесь. В таком случае мы будем уверены, что она в Париже.

— Жаль, что она не поехала в Америку, — задумчиво пробормотал Дронго, — там на границе снимают отпечатки пальцев, и подобная инсценировка была бы невозможной. Но я не совсем понимаю, почему вы не проверяете её кредитные карточки. Современному человеку трудно исчезнуть внезапно, растворившись в Европе. Кроме телефона, паспорта и билетов ей нужны деньги, чтобы расплачиваться за отели и рестораны. Ей нужно где-то жить и питаться. Значит, за это время где-то должны были засветиться её кредитные карточки. Вы знали, какие у неё кредитки?

Конечно, знали. У неё была карточка «Кредит ди Норд». Это французский банк. И две карточки российских банков. Три кредитные карточки, из которых одна золотая. Мы проверили оба российских банка. Она сняла десять тысяч евро наличными в разных местах Москвы в тот самый день, когда пропала. И больше её карточки ни разу не использовались. Ни разу.

— А французская?

— Они пока не ответили. Но мы отправили запрос. Через французскую полицию. Пока ждём ответа. Но я уверен, что она не использовала и эту карточку. Не знаю почему, но уверен. Она достаточно опытный финансист, чтобы так глупо подставиться. Если она действительно хочет исчезнуть.

— Как это исчезнуть? Ведь она может находиться в Шенгенской зоне не более трех месяцев. Мультивиза даётся на девяносто дней. Верно?

— Да. Но мы не можем её найти. А денег ей может хватить на месяц или два.

— Она сняла все деньги, которые у неё были?

— Нет. На одной карточке осталось около пяти тысяч долларов. Другая — кредитная. Она может тратить до двадцати тысяч. И ещё есть французская. Она была не самым бедным человеком.

— Когда она получила визу?

— В январе этого года. И была у нас на январских каникулах. Дней десять. Потом приезжала на несколько дней в апреле. И ещё отдыхала с нами летом. Почти месяц.

Тогда выходит, что у неё осталось не так много дней, — быстро подсчитал Дронго, — не больше тридцати-сорока дней с правом нахождения в Шенгенской зоне. И срок истекает к январю будущего года. Все правильно?

— Да, у неё была обычная годовая мультивиза. Только срок истекает в этом году. Тридцать первого декабря. Она должна либо выехать из зоны, либо остаться на нелегальных правах. Но до этого у неё закончится разрешение быть в Шенгенской зоне положенные девяносто дней. Закончится примерно через месяц. Или чуть больше, я не считал.

— И в милицию вы больше не обращались?

— Нет. Мы не считали нужным привлекать посторонних. Они все равно Веру не найдут.

Я задействовал службу безопасности нашей компании и нескольких частных детективов. Но результатов пока нет.

— Ясно. — Дронго снова посмотрел на молчавшего Вейдеманиса. Затем взглянул на своего гостя. — Вы хотите, чтобы я нашёл вашу родственницу? — уточнил он.

— Это был бы идеальный вариант. Или хотя бы выяснили, куда она сбежала и почему.

— Давайте договоримся. Я начинаю поиски только на условиях абсолютного доверия, — пояснил Дронго, — и поэтому задам вам ещё раз вопрос, который я уже задавал. И от искренности вашего ответа будет зависеть моё решение. Согласиться или нет.

— Такая своеобразная проверка, — усмехнулся Каплунович, — давайте ваш вопрос.

— Почему она исчезла? Вы ведь наверняка знаете главную причину, но не хотите мне о ней говорить. Не хотите сказать мне всю правду. Почему?

Каплунович растерялся, нахмурился. Взглянул на Вейдеманиса, потом на Дронго.

— Я пришёл к вам за помощью, — раздражённо начал он, — а вы...

— До свидания, — тоном, не терпящим возражений, произнёс Дронго, — я же предупредил вас, что мне нужен искренний ответ. А вы не собираетесь посвящать меня во все детали. В таком случае я вынужден вам отказать. Извините...

Он хотел подняться. Каплунович все понял. Он вообще был достаточно сообразительным человеком. Иначе не смог бы стать богатым. Решения он принимал быстро и не колеблясь.

— Подождите, — сказал он, — подождите. Вы, конечно, понимаете, что это только наши подозрения.

Дронго молча кивнул.

— Черт возьми, — вырвалось у Бориса Самуиловича, — я не думал, что вас будет двое. Как Шерлок Холмс и доктор Ватсон...

— Можете считать и так, — согласился Дронго.

— В общем, я считаю, что исчезновение Веры связано с её бывшей работой в кабинете министров. Они работали вместе с Репниковым. И были достаточно близки к бывшему премьеру. Вы меня понимаете?

Дронго кивнул, но было понятно, что он ждёт дальнейших объяснений.

— Черт возьми, — снова сказал Каплунович. Он достал из кармана миниатюрный аппарат «Моторолла», вытащил батарею, разрядил телефон. Затем достал второй аппарат, «Сименс», и также разрядил его.

— Сделайте звук телевизора ещё громче, — попросил он.

Дронго прибавил звук.

— Я почти уверен, что её исчезновение связано с работой в аппарате бывшего премьера, — тихо сообщил Каплунович, — я уже предпринял некоторые шаги и по ряду достаточно веских фактов убедился в том, что Вера каким-то образом связана с этими событиями. А вы прекрасно знаете, какие у нас сейчас времена. Меня могут прослушивать. Я даже не уверен, что нас сейчас не слышат. Если это так, то вы можете не найти Веру никогда, а её возможный выезд во Францию — всего лишь обычная инсценировка, которую провели спецслужбы, чтобы нас обмануть. Иначе просто невозможно поверить в то, что она не позвонила нам, как только прилетела. Хотя бы для того, чтобы мы смогли её защитить. Но говорить об этом я не могу, пока не буду точно знать, что с ней случилось. И не могу обращаться ни в ФСБ, ни в милицию. А тем более доверять обычным частным детективам. Мне говорили, что вы достаточно независимый эксперт и к тому же у вас большой опыт подобных расследований.

Каплунович чуть ослабил узел галстука.

— Вы хотели, чтобы я был искренним до конца, — добавил он после некоторого раздумья, — признаюсь вам, что я говорил со многими людьми. Знаете, как они вас характеризовали? Не только как одного из лучших экспертов в своей области, но и как человека порядочного, который не сдаёт людей, с которыми работает. Многие считают, что вы один из тех редких людей, кто ещё может позволить себе иметь какие-то принципы. Может, потому, что вы восточный человек и у вас есть своеобразный кодекс чести. У кавказцев свои представления о мужской порядочности.

— Не поэтому, — возразил Дронго, — мой друг Эдгар латыш, но это не мешает ему

придерживаться тех же принципов в жизни.

Может быть, — согласился Каплунович, — но моя сестра просто раздавлена свалившимся на нас несчастьем. И мы хотим, чтобы вы помогли найти Веру. Или... или хотя бы узнать, что с ней случилось. Это моя единственная просьба. Надеюсь, вы понимаете, что все ваши расходы будут оплачены. И никто не должен знать о цели ваших поисков и о нашем разговоре. Никто. Сейчас наступили плохие времена для очень богатых людей в нашей стране. Каждый из нас в любой момент может оказаться на краю земли в какой-нибудь сибирской колонии. Разорить и отнять можно любую компанию, если, конечно, государство ставит перед собой такие цели. И силы слишком неравны. И ни один человек не может быть абсолютно уверен, что завтра к нему не придут налоговые службы или прокуроры. В нашей стране нет идеальных миллионеров, как никогда не было идеальных законов и идеальных времён. Любой владелец крупной компании не сможет никогда даже пройти чистилище и тем более попасть в рай. Для этого мы совершили слишком много грехов в девяностые годы. Все без исключения. И каждый из нас об этом знает. Самое обидное, что мы знаем это друг о друге и все об этом знают.

— Приятно слышать, — пробормотал Дронго, — значит, такова цена ваших состояний?

— Мы платим своими душами, — ответил Каплунович, — и это почти неизбежно.

— Она знала ваши секреты?

— Возможно, что да. Я привык доверять жене. Она могла быть откровенна со своей сестрой.

— Вы полагаете, что это может быть обходной наезд именно на вашу компанию?

— Я ничего не могу исключить. Но мне кажется, что это связано с её бывшей работой. Журналиста Оглобина я близко не знал и никогда в жизни с ним не общался, но Репников был достаточно серьёзным человеком.

Дронго потёр подбородок. Тяжело вздохнул. Вежливый Вейдеманис молчал. Он знал, что в этот момент Дронго принимает решение. Каплунович не выдержал томительной паузы.

— Так вы согласны начать её поиски? — нервно уточнил он.

Седьмое октября

— Они сидели за столом уже четвёртый час. Дронго иногда вставал, расхаживая из угла в угол. Вейдеманис делал заметки своим почти каллиграфическим почерком. Они расположились в кухне, здесь было уютно и как-то по-домашнему удобно. Кроме того, оба привычно много пили. Дронго предпочитал исключительно чай, тогда как его напарник — кофе. Значит, в квартиру она поднималась после работы, — продолжал Дронго, расхаживая вокруг стола, — оставила машину в гараже и поднималась наверх в кабине лифта.

Именно в этот момент ей позвонила подруга. Понятно, что Вера насторожилась. И подошла в таком состоянии к своей двери. Открыла дверь. Или не открыла? Если она обнаружила, что дверь уже открыта? Тогда она бежит вниз и кричит консьержу...

— А почему она побежала вниз, а не поехала в кабине лифта? — поинтересовался Вейдеманис. — Ведь так было бы быстрее? Она жила на одиннадцатом этаже.

Правильно, — кивнул Дронго, — отсюда мы сделаем два вывода. Во-первых, она не боялась, что возможный убийца сумеет догнать её на лестнице. Почему? Ведь она женщина? Она приехала после работы, наверное, на ней была обувь, не совсем предназначенная для бега. Но она решила, что так будет удобнее. И быстрее. Она была уверена, что убийца сразу за ней не побежит. Значит, она успела закрыть дверь своим ключом. И сама не вбежала в кабину лифта только потому, что та уже поднималась вверх. Первый убийца должен был вызвать своего напарника. Я вчера побывал в этом доме, там входная дверь запирается на ключ. Если бы входная дверь была открыта, то это могло бы вызвать подозрения у Логутиной. Значит, убийца обязан был войти в квартиру и попросить своего напарника запереть дверь. Она, напуганная звонком подруги, очевидно, что-то почувствовала, успела закрыть дверь, и в этот момент кабина лифта пошла вверх. А она побежала вниз. Поэтому она так спешила и боялась, что убийцы успеют спуститься. И выбежала на улицу, не воспользовавшись своим автомобилем.

— Похоже, что все было так, — согласился Эдгар.

— Тогда убийцы допустили одну небольшую ошибку, — продолжал Дронго, — они

сделали все правильно, войдя в дом, минуя телекамеры, установленные в подъезде и в подземном гараже. Но это вызывает самые большие подозрения. Каким образом им удалось миновать камеры?

Каплунович считает, это мог быть заговор спецслужб, — напомнил Вейдеманис, — в таком случае они могли изъять плёнку.

— Не получается, — возразил Дронго, — это самое логичное предположение. Но есть ещё один нюанс. Дежуривший в тот день молодой консьерж не увидел никого ни в подъезде, ни в гараже. И он не понимал, о чем его просит Логутина. Значит, убийцы вошли в дом, сумев обмануть телекамеры. Отсюда два неутешительных для нас вывода. Либо им помогали, либо они профессионалы, чтобы суметь проникнуть в дом незаметно. В общем, выводы для нас не особо утешительные.

Вейдеманис молча кивнул, отмечая выводы Дронго.

— Она убегает из дома и сразу исчезает. Значит, понимает, что убийцы действовали достаточно профессионально. И она понимает, с чем связан интерес этих киллеров. Исчезновение журналиста Оглобина и трагическая смерть Репникова. Обрати внимание: она сразу звонит, чтобы узнать их судьбу. Предупреждает коллег на работе, что не приедет утром, и даже сообщает, где находится её отчёт. А потом звонит своему другу в Латвию и сообщает, что хочет к нему приехать. Но затем передумала и взяла билет в Париж, причём с пересадкой в Берлине. Мне кажется, она знает, что ей нельзя появляться рядом с близкими людьми. Таких совпадений просто не бывает. Она не возвращается домой, не хочет появляться на службе, не едет к своему другу, хотя сообщает ему о своём возможном появлении, и наконец не звонит сестре, появившись в Париже. По-моему, выстраивается некая цепь закономерностей.

— Если она действительно полетела в Париж, — заметил Эдгар, — не забывай, что вместо неё могла полететь другая женщина и...

И все звонки могла сделать тоже другая женщина, имитируя голос Логутиной, — согласно кивнул Дронго, — такой вариант мы тоже обязаны предусмотреть. А если это действительно она?

— И как мы будем её искать? — поинтересовался Вейдеманис. — Телефонный аппарат она выбросила, а сама улетела во Францию. Ты не спрашивал у Каплуновича, где она могла остановиться в Париже?

— Обычно она останавливалась в их загородном доме, — ответил Дронго, — и никогда в отелях.

Он продолжал ходить по кухне.

— А справки по её кредиткам смотрел? Каплунович мог что-то напутать?

Он проверил с помощью своих друзей из Министерства финансов. Там все верно, — пояснил Дронго, — я лично просмотрел выписки из банковских отчётов. Представляю, чего стоило Каплуновичу добиться этих данных. Российские банки, да и любые другие банки в мире не очень любят, когда кто-то копается в личных счетах их клиентов без ведома самих клиентов. Она получила деньги в Москве, в разных банкоматах, в течение всего дня. Сняла с двух своих кредитных карточек десять тысяч евро наличными. И купила билет. Но карточки остались у неё. Мы договорились с Каплуновичем, что, как только где-то будут задействованы её кредитные карточки, он сразу сообщит нам об этом. У неё есть кредитная карточка французского банка и две кредитки российских банков. Но прошло уже две недели, а карточки пока нигде не использовали. Во всяком случае, пока.

— «Кредит ди Норд», — вспомнил Вейдеманис, — они ещё не ответили?

— Пока нет. Туда, видимо, Каплуновичу труднее дотянуться. Там свои законы. Хотя вполне возможно, что его родственницы уже нет в живых. Такой вариант тоже не исключён.

— Тогда у нас вообще нет шансов, — положил ручку Эдгар, — если не учитывать ещё одного важного фактора. Но только в том случае, если она действительно улетела во Францию.

Дронго взглянул на Вейдеманиса.

— Кажется, мы думаем с тобой вместе об одном и том же, — улыбнулся он, — время её пребывания в Шенгенской зоне?

— Да, — ответил Вейдеманис, — молодая женщина убегает из дома, не взяв с собой ничего. Ей нужно иметь бельё, косметику, одежду. Но она бежит, даже не захав за личными

вещами. И скрывается где-то в Европе с одной сумочкой, в которой, возможно, лежит только её паспорт.

Ах, как мне нравятся твои рассуждения. — Дронго сел напротив Вейдеманиса. — Просто молодец. На счёту у неё гораздо больше денег. Но она уезжает во Францию и исчезает там, имея только десять тысяч евро. Она берет эти деньги и скрывается... Если она не хотела уезжать, то зачем снимала деньги? И её паспорт. Убийцы не могли знать, что у неё с собой будет паспорт. И не могли так быстро узнать номера её кредитных карточек, чтобы обналичивать деньги.

— Не все деньги, — напомнил Эдгар, — чужие сняли бы все.

— Правильно. Значит, она сознательно готовилась к отъезду.

— Выходит, что ты прав, — наконец улыбнулся Эдгар, — фактор времени. Ей нужно выиграть время. Она понимает, что не должна появляться рядом с близкими людьми, чтобы не подставлять их под возможный удар. Но бесконечно такая ситуация продолжаться не может. Вера чего-то ждёт. Она уверена, что ситуация должна измениться. Неизвестный день «Х». Который наступит в течение одного месяца. Ей нужно выиграть время...

Тогда мы должны понять, почему она так в этом уверена, — сказал Дронго. — Кажется, я вынужден буду попросить ключи от квартиры Логутиной, чтобы самому все осмотреть. Если мы правы, то фактор времени работает и против нас. Ведь те, кто искал Логутину, наверняка знают об этом. Обрати внимание, в какие сжатые сроки исчез Оглобин и погиб Репников. Если он, конечно, погиб сам и ему не помогли. Признаюсь, что я начинаю сомневаться в его неожиданном сердечном приступе за рулём автомобиля. Нужно попытаться получить копии актов вскрытия его тела.

— Каким образом?

— Пока не знаю. Ясно, что Каплунович нам помогать не будет.

— И не захочет, — согласился Эдгар, — он беспокоится, что это провокация спецслужб против его компании. И каким-то образом все связано с бывшим премьером.

— Нужно понять, что именно связывало журналиста Оглобина, её бывшего шефа Репникова и саму Логутину. — Дронго нахмурился. — Кажется, мне придётся лично просмотреть все материалы этого исчезнувшего журналиста. Его статьи за последние полгода. Нужно все продумать. Если мы правы, то времени у нас нет. И я очень хочу знать, какой день «Х» она ждёт. Я сейчас позвоню Борису Самуиловичу, и мы с тобой поедem ещё раз домой к Логутиной. Осмотрим её квартиру, может, найдём какую-нибудь зацепку. И позвони Леониду Кружкову. Пусть подумает, как можно просмотреть материалы вскрытия тела Репникова. И вообще узнает, какая прокуратура ведёт расследование его смерти.

Эдгар протянул руку к телефону.

Ещё примерно через час они подъехали к дому, где жила Вера Логутина. У подъезда их уже ждал помощник Каплуновича. Ему было лет тридцать пять. Высокого роста, широкоплечий, коротко остриженный, имевший характерное запоминающееся лицо с широкими скулами и раскосыми глазами, он был похож скорее на грозного вышибалу, чем на помощника президента крупной компании. Бывший спортсмен, мастер спорта по борьбе, Аслан Танеев совмещал обязанности помощника, водителя, телохранителя и просто доверенного лица Бориса Самуиловича. Дронго невольно отметил, что они были почти одного роста с Танеевым.

— Добрый день, — пожал ему руку помощник Каплуновича, — я принёс ключи и предупредил дежурного, что вы приедете.

— Спасибо. — Дронго прошёл первым. За ним Вейдеманис, и замыкал шествие Танеев. Они вошли в просторный холл. Пожилой дежурный молча кивнул им, не задавая лишних вопросов. В кабине лифта Танеев неожиданно обратился к Дронго:

— Борис Самуилович попросил вас, чтобы вы не говорили в присутствии его жены, что два раза были в квартире её сестры.

— Не скажу, — пообещал Дронго, — а почему такая странная просьба?

— Он не хочет, чтобы его супруга об этом узнала, — пояснил Танеев, — ей может быть неприятно, что вы копались в личных вещах её сестры. Он дал ей слово, что сам будет осматривать квартиру. Вы понимаете?

— Да, — согласился Дронго.

На одиннадцатом этаже кабина лифта остановилась, и они вышли на лестничную площадку. Танеев открыл дверь. Эдгар обратил внимание на неё. Массивная железная дверь, которую невозможно выломать. И внешний замок, запирающий дверь снаружи. Они вошли в просторный холл. Слева и прямо находились комнаты. В большую кухню-столовую вёл коридор по правую сторону от входной двери. Дронго подумал, что нужно снять обувь. Пока он раздумывал, как поступить, Аслан Танеев уже снял обувь и строго посмотрел на пришедших с ним гостей, словно ожидая, что они последуют его примеру. Дронго улыбнулся и первым начал развязывать шнурки. Его примеру последовал Вейдеманис.

— Придётся ходить в носках, — сказал Эдгар, — тапочки сорок четвёртого размера я себе ещё, может быть, найду, а на тебя обуви в этом доме явно не будет.

— Какой у вас размер? — спросил Танеев, взглянув на ноги Дронго.

— Сорок шесть с половиной, — чуть виновато ответил тот.

— У меня сорок пятый, — ответил Танеев, — все равно всем придётся ходить в носках.

Они прошли в спальную комнату. Здесь кроме большого зеркала и четырехстворчатого итальянского шкафа находились небольшое трюмо, столик с ноутбуком, кресло на колёсиках, полутораспальная кровать, тумбочка. Дронго заметил взгляд Вейдеманиса. Его друг обратил внимание на эту кровать. Спать одной на ней было весьма комфортно, двоим уже достаточно тесно. Очевидно, Вера не любила, когда незваные гости оставались в её спальне. Или таких гостей не было, после того как она переехала в эту квартиру?

— Проверь, какие записи там были, — попросил Дронго своего напарника, показывая на ноутбук. Он подошёл к столику и посмотрел на провода, подключённые к аппарату. Ну конечно. Стоявший в спальне ноутбук был подключён к Интернету. Наверняка в аппарате сохранилась вся переписка хозяйки квартиры. Сам он чувствовал себя достаточно неловко. Одно дело бегло осмотреть квартиру в присутствии Каплуновича, и совсем другое — рыться в личных вещах молодой женщины под строгим взглядом Аслана Танеева. Дронго вздохнул и открыл шкаф. Бельё и постельные принадлежности лежали в идеальном порядке. Он протянул руку. На первой полке находились выглаженные полотенца и платки. Он присел на корточки. Здесь были ещё четыре выдвижных ящика под дверцами от шкафов. Дронго выдвинул первый ящик. Здесь лежало нижнее бельё. Он нахмурился. Взглянул на Танеева. Было такое ощущение, что он не просто роется в чужом личном бельё, а раздевает неизвестную ему женщину в присутствии посторонних.

Идиотизм, — сквозь зубы прошипел Дронго, — нужно было пригласить сюда супругу Каплуновича, чтобы она сама осматривала трусики своей сестры. Господи, как стыдно и глупо.

Он неожиданно поднялся.

— Мне нужно помыть руки, — пояснил он удивлённому Танееву, — нельзя рыться в личном бельё грязными руками.

Он прошёл в ванную комнату, долго и тщательно мыл руки, словно оттягивая момент, когда вернётся в спальню. Танеев прошёл за ним в ванную и смотрел, как он моет руки. Все шампуни, мыло и баночки из-под кремов были аккуратно выстроены на полке. Два полотенца. Свежий банный халат белого цвета. Словно хозяйка сейчас вернётся. Забавная мочалка в виде лягушки. Ночной крем для кожи. Кажется, Логутина уже Думает о своей коже. В её возрасте достаточно рано? Или как раз вовремя? Он не знал ответа на этот вопрос.

Вернувшись в спальню, он снова чертыхнулся и решительно присел на корточки. Итак, первый ящик. Здесь лежат её трусики. В основном белые и чёрные, но встречаются и других цветов. Две пары почти прозрачных бикини. Интересно, в каких случаях она их надевает? Одна пара тёплых, почти мужских трусов. Он быстро засунул их обратно, чтобы не показывать Танееву. Открыл второй ящик. Здесь лежали бюстгалтеры. Логутина явно любит дорогое бельё. И у неё не очень большая грудь. Второй или третий размер. Некоторые бюстгалтеры явно увеличивают грудь. Наверно, она их часто надевала.

Третий ящик. Здесь лежали комбинации, несколько пакетов прокладок, запечатанные пакеты колготок. Он почувствовал, как краснеет. Но почему он должен ковыряться в таких деталях под взглядом ничего не понимающего Танеева? Рука нащупала какой-то предмет. Дронго нахмурился. Он не стал доставать этот предмет, а попытался его ощупать. Кажется, вибромассажер. Для молодой женщины, у которой давно нет мужчин, это, наверное,

нормально. Или не совсем нормально, учитывая её относительно молодой возраст. Он чуть подвинул к себе этот предмет, разглядывая его под шёлковой комбинацией. Так и есть. Все нормально. У каждой молодой женщины после тридцати могут быть собственные секреты. Он задвинул прибор обратно и приступил к осмотру четвёртого ящика.

Здесь находились какие-то кошельки, сумочки, различные свёртки. Это его сразу заинтересовало. Он начал доставать кошельки и сумочки, внимательно исследуя их содержимое. В одной лежало несколько стодолларовых купюр. В другой было около восьмидесяти английских фунтов. Записки. Записная книжка. Она его заинтересовала. Он начал листать книжку, затем показал её Танееву. Небольшая книжка, заполненная фамилиями и номерами телефонов. Судя по всему, у Логутиной был почти идеальный почерк. Ровный и красивый.

— Мне придётся её забрать, — пояснил Дронго, — здесь много телефонов, а я должен все проверить.

— У меня нет таких указаний, — возразил Танеев, — я должен позвонить и спросить разрешения.

— Звоните, — согласился Дронго.

В шкафах висели платья. Он обратил внимание, что у хозяйки было много брючных костюмов. Судя по размерам, она была почти спортивного телосложения. Он обернулся и посмотрел на трюмо. Там находилась большая фотография двух сестёр. Старшая смотрела строго и внимательно, как и должна смотреть мать троих детей, а у Веры был более бесшабашный и весёлый взгляд. Обе были в одинаковых шёлковых платьях, отличавшихся только цветом. На платье Киры преобладали цвета красных тонов, тогда как у Веры — синих.

«Красивая женщина, — меланхолично подумал Дронго, глядя на Веру, — почему она не вышла замуж? У её старшей сестры уже трое детей».

На второй фотографии была снята Вера и трое детей её старшей сестры. Было заметно, как трогательно относятся дети к своей тётке, обняв её со всех сторон. А старший сын Киры был ростом с Веру.

Дронго продолжал исследовать содержимое её шкафа. Кажется, есть такая американская или английская телепередача, вспомнил он. Когда молодого человека привозят домой к трём студенткам по очереди. И он должен, осмотрев их личные вещи, выбрать себе спутницу жизни. Мужчинам в телепередачах это удавалось, они обычно выбирали тех, кто им нравился. У него задача сложнее. Ему нужно составить психологический портрет исчезнувшей женщины, которую он обязан найти как можно быстрее.

«Интересно, как бы отреагировала Джил, если бы узнала, чем именно я занимаюсь, — вдруг подумал Дронго, — в её представлении частные детективы — это типы, похожие на Ниро Вулфа, которые сидят в своей оранжерее и разгадывают очередное преступление. Или в лучшем случае ведут себя как Шерлок Холмс, переодеваясь в старика и прибегая к помощи дедуктивного метода для поисков очередного преступника. А я копаюсь в чужом бельё. Хотя, с другой стороны, я делаю это для самой хозяйки квартиры, — вспомнил он. — Значит, не все так плохо. В конце концов, мои поиски должны помочь найти эту женщину. Или хотя бы узнать, что именно с ней случилось».

Он продолжал проверять содержимое шкафа. На одной из полочек лежали её драгоценности. В небольшой шкатулке. Здесь были две пары серёжек, несколько колец, один кулон от «Шопард», очевидно, подарок. Интересно, почему убийцы не тронули эти ценности? В таком случае они либо профессионалы, либо сотрудники спецслужб. В обоих случаях это грозит очень крупными неприятностями хозяйке квартиры. Когда не трогают такие ценности, это дурной знак. Значит, им заплатили так хорошо, что цена убийства уже включена в прейскурант услуг. И у жертвы нет никаких шансов спастись.

— Я понимаю, — сказал Танеев. Он наконец убрал свой сотовый телефон. — Борис Самуилович разрешает вам забрать эту книжку, но с условием её последующего возврата, — пояснил Аслан, — и в этом случае вы тоже должны хранить полную тайну.

Я умею хранить тайны, — недовольно заметил Дронго. Он проверял полки, обращая внимание на записки или документы. Под бельём лежал небольшой пакет. Он достал его. Там были какие-то записи. Везде по четыре цифры. Ну конечно. Это шифры её кредитных карточек.

Только женщина может сделать такую глупость. Написать все это на бумаге и оставить в шкафу. Здесь же лежали её метрика и дипломы о среднем и высшем образовании. Судя по всему, училась она везде на «отлично», в том числе и в двух институтах, которые успела окончить. Рядом лежала продолговатая коробочка красного цвета. Он осторожно достал её, открыл. И увидел часы. Осторожно вытащил их. Тоже «Шопард»? Нет, это другая модель. Часы от Делано. Такие часы делаются в количестве полутора тысяч экземпляров. Обычная для часов этой марки полуцилиндрическая форма коробки, которая сама по себе большая ценность. Такие часы в форме бабочки, инкрустированной бриллиантами, стоят более сорока тысяч долларов. Гораздо больше. Интересно, кто мог сделать ей такой подарок? Очень интересно. Нужно будет узнать об этом у Бориса Самуиловича. И самое интересное, что часы тоже не взяли. Это уже совсем плохо. Значит, она была приговорена людьми, для которых цена не имела значения. И любые деньги тоже не имели никакого значения. Он осторожно захлопнул коробочку и положил часы на место.

— Позвоните ещё раз Борису Самуиловичу, — попросил Дронго.

Аслан Танеев согласно кивнул и достал аппарат. Набрал номер и передал телефон Дронго.

— Извините, что беспокою вас так поздно, — сказал Дронго, услышав знакомый голос, — вы знали всех ухажёров Веры Логутиной?

— Возможно, что не всех, — осторожно ответил Каплунович, — а почему вы спрашиваете?

— Я нашёл часы от Делано, пояснил Дронго, — в фирменной упаковке. Очевидно, подарок. Вы не знаете, кто мог сделать ей такой подарок?

— Только не я, — рассмеялся Борис Самуилович, — я, конечно, хорошо к ней относился, но такие подарки я могу сделать только жене. Сколько стоят такие часы? Тысяч тридцать?

— Я думаю, около пятидесяти. Во всяком случае, более сорока.

— Нет, нет. Никто не мог сделать Вере такой роскошный подарок. Никто из её окружения.

— А её бывший ухажёр?

— Саша Линдт? Никогда в жизни. Во-первых, он достаточно расчётливый и аккуратный человек. А во-вторых, у него просто не было таких шальных денег. Он, конечно, богатый человек, я думаю, даже миллионер, но часы за пятьдесят тысяч он бы не стал дарить никогда в жизни. Ездил по Москве на подержанном «БМВ» десятилетней давности. Нет, он не любил подобной роскоши. У прибалтов свои понятия о подарках. Цветы, парфюм, небольшое колечко, ничего лишнего. Такой купеческий размах — свойство восточных мужчин или наших нуворишей. Надеюсь, я вас не обидел?

— Нет. Я начинаю думать, что вы крупный специалист именно по восточным мужчинам.

— Смешно, — согласился Каплунович. Но голос у него был достаточно серьёзный. — Где лежат эти часы? Я их не находил.

— Вы тоже смотрели в шкафу?

— Конечно. Я сначала все сам осмотрел, а потом уже вас пустил. Или вы думали, что могло быть иначе?

— Нет. Они лежат в шкафу, за бельём. Вы просто невнимательно смотрели.

— Возможно. Спасибо, что предупредили. Приеду и заберу эти часы. Такую роскошь нужно хранить в сейфе или в другом месте. Если ещё вам понадобится, звоните в любое время.

— Надеюсь, про часы я могу спросить у вашей жены?

— Я сам у неё узнаю. Вы знаете, о чем я подумал? Будет лучше, если вы отдадите эти часики Аслану. Пусть он мне их привезёт, когда вы закончите. Я думаю, так будет правильно...

— До свидания, — разозлился Дронго. У него было такое ощущение, словно он ограбил несчастную хозяйку, конфисковав для её родственника эти часы.

Он сунул коробку в руки Аслану Танееву и прошёл к кровати, чтобы осмотреть тумбочку, в которой могли быть интересующие его документы. Но в тумбочке хранились только её кремы, различные тюбики, какие-то лекарства, по большей части от головной боли. Была и коробочка противозачаточных пилюль. Дронго поднялся, прошёл к трюмо. Похоже, что в спальном комнате Вера ничего особенного не хранит. И наверняка они ничего не найдут в столовой. Если в доме осталось нечто серьёзное, она бы обязательно вернулась за этими документами. Он все-таки прошёл во вторую комнату, чтобы добросовестно осмотреть и её.

Танеев привычно прошёл следом за ним. Когда через двадцать минут они вернулись в спальню, Эдгар уже выключал ноутбук.

— Ничего нет, — устало ответил Вейдеманис, — обычные записи, разного рода информация. Чтобы просмотреть все сайты, нужно знать пароль, а у меня его нет. Здесь нужен более опытный компьютерщик, чтобы взломать её защиту и прочесть переписку. У меня так просто не получится. Нужно забрать жёсткий диск и попытаться прочесть всю информацию дома с помощью более опытного специалиста.

— Я не умею доставать жёсткий диск, — признался Дронго, — и боюсь, что ты тоже не лучший специалист. Кроме того, мы можем его повредить, доставая из ноутбука. Будет лучше, если мы просто заберём с собой этот аппарат. Господин Танеев, может, вы ещё раз позвоните вашему патрону?

— Вы хотите унести с собой все имущество? — разозлился Танеев. — Может, мне позвонить ему, чтобы получить разрешение на вывоз мебели?

— Ценю ваше чувство юмора, — заметил Дронго, — для бывшего борца совсем неплохо.

— Откуда вы узнали, что я раньше занимался борьбой? — удивлённо спросил Аслан.

— Характерные уши. Ваши руки, перебитый нос. Я даже полагаю, что у вас были успехи на международной арене.

— Только на всесоюзной, — возразил Танеев, — в девяностом я выиграл чемпионат СССР по классической борьбе. А потом все изменилось, хотя через два года я выиграл в Минске турнир стран СНГ, но вскоре пришлось уйти из спорта из-за травмы.

— СНГ — это уже международный чемпионат, — польстил своему собеседнику Дронго, — звоните Борису Самуиловичу, я сам с ним поговорю.

Здорово вы меня уговорили, — понял уловку Дронго Танеев и, улыбнувшись, достал аппарат. Набрал номер. Посмотрел на Дронго. — Он все равно увидит, с какого телефона звонили, — пояснил Аслан и, услышав голос своего шефа, извинился и объяснил, что Дронго хочет поговорить с ним ещё раз.

— Простите, что снова беспокою вас, — сказал Дронго, — но мне нужно получить разрешение на ноутбук. Он нам нужен. Дело в том, что информация в нем зашифрована, а взломать защиту сможет только опытный специалист.

— Можете не брать этот ноутбук, — усмехнулся Каплунович, — возможно, мы не такие опытные сыщики, как вы с вашим напарником. Но первое, что мы сделали, это проверили её ноутбук. И её компьютеры на работе. Изъяли всю переписку, просмотрели всю её почту, все сообщения, которые она получала и которые ей присылали. Почти ничего нет. А то, что есть, лишь свидетельство нашей главной версии.

— Я не сомневаюсь, что вы все просмотрели, — ответил Дронго, — но мне нужно проверить самому и во всем убедиться. Возможно, были детали, на которые ваши люди не обратили внимания.

— Там были очень опытные специалисты, — холодно заметил Борис Самуилович.

— Но вы сами сказали, что не такие опытные, как мы с мистером Вейдеманисом. Или будет лучше, если я буду называть его мистером Ватсоном?

— Вы издеваетесь? — поинтересовался Каплунович.

— Если вы начнёте мне мешать уже на этом этапе, я не смогу найти вашу родственницу. Вы действительно хотите, чтобы я её нашёл?

Молчание длилось несколько секунд.

— Теперь я понимаю, что в обязательный набор хорошего сыщика составной частью входит упрямство, — пробормотал Борис Самуилович, — делайте что хотите. Читайте сами все её письма, если вы не доверяете даже мне. Можете проверять. Скажите Аслану, что я разрешил вам взять ноутбук. Больше ничего?

— Последний вопрос. Почему ваши специалисты так плохо работали, если не нашли коробку с часами? Такого не могло быть, если они были в доме...

— Кто вам сказал, что им разрешили обыскивать квартиру? — перебил его Каплунович. — Я только сообщил, что они проверяли её ноутбук. А квартиру осматривал я сам. Извините, если что-то упустил, у меня нет таких навыков. Ещё не приучен. — Он раздражался все больше и больше.

— Если ваши люди вскрывали защиту ноутбука, значит, они знают пароль, — вспомнил Дронго.

— Я его не помню, — разозлился ещё больше Борис Самуилович, — утром позвоните к нам в офис, и я найду вам нашего оператора по компьютерам.

До свидания. — Дронго решил, что нужно заканчивать разговор. Он передал аппарат Танееву и кивнул Эдгару: — Отключай ноутбук и забирай с собой. Борис Самуилович разрешил нам взять его.

— Благодетель, — прошипел Вейдеманис, слышавший их разговор.

Танеев сделал вид, что не расслышал последней реплики гостя.

Восьмое октября

Он приехал в офис своей компании и привычно прошёл в роскошный кабинет невероятных размеров. Подошёл к окну, ему нравился вид, открывавшийся отсюда. В своём кабинете он чувствовал себя завоевателем этого города. Города, в который он приехал много лет назад, не имея в кармане и десяти рублей. Он помнил все. И своё тяжёлое детство. И не менее тяжёлую юность, когда приходилось идти на любые уловки, чтобы заработать немного денег. Тогда он ещё учился в институте и жил в общежитии. Это было так давно. Теперь он миллиардер и владелец одной из самых крупных компаний в стране.

Олег Степанович Быстрянский смотрел в окно и чувствовал себя победителем. Ему было сорок девять лет. И вся его предыдущая бурная жизнь была словно затянувшейся прелюдией к этому моменту, когда он наконец стал не просто владельцем крупнейшей российской компании, но и человеком, в немалой степени считавшимся одним из символов своего времени.

Он стоял у окна несколько минут, когда зазвонил телефон. Быстрянский обернулся. Номер этого телефона знали только несколько человек, самых близких друзей. Очень близких, которые могли найти его и днём и ночью. Телефон был включён двадцать четыре часа в сутки. Он подошёл к аппарату, лежавшему на столике, и поднял трубку.

— Здравствуй, — услышал он знакомый голос и невольно поморщился. Позвонивший был единственным человеком в мире, который внушал ему некоторый страх.

— Доброе утро. — Быстрянский старался говорить как можно более беззаботным голосом. — Что-нибудь случилось?

— Я думал, что ты знаешь. Эту женщину так и не смогли найти...

— Ну и прекрасно. Может, она сбежала и где-нибудь спряталась?

— Она так и сделала. И теперь Каплунович нанял для её розысков нового эксперта.

— Ну и что? Пусть ищут. Мы ведь считали, что это Каплунович помог ей скрыться. А раз он её ищет, значит, все в порядке.

— Ты не понимаешь, что происходит. Он нашёл самого лучшего специалиста. И вчера ночью они уже обыскали квартиру исчезнувшей родственницы Бориса Самуиловича.

Я действительно не понимаю, почему это должно меня волновать, — вздохнул Быстрянский и провёл рукой по пышным волосам. У него были прекрасные густые волосы, чуть тронутые сединой, что придавало ему больше солидности и так нравилось женщинам. Ему было приятно сознавать, что он нравится женщинам. Хотя иногда казалось, что представительницам прекрасного пола больше нравится не его роскошная шевелюра, а содержимое его кошелька. Но он старался меньше думать о таких пустяках. Говоривший сразу вернул его к теме неприятного разговора:

— Если они её найдут, у тебя будет масса неприятностей. Или ты все забыл?

Олег Степанович поморщился. С ним давно никто так не разговаривал. Но позвонивший имел право на подобный тон. Даже с очень богатыми людьми. Он вообще на многое имел право. Он был Чиновником, который имел право так разговаривать с любым олигархом.

— Что я должен делать? — спросил Быстрянский.

— Нужно будет организовать группу людей, чтобы следили за этим экспертом. За каждым его шагом. Повторяю, он очень опасный человек, и мы не можем пускать дело на самотёк.

— Я могу найти нужных людей.

— Нет. Никого не нужно искать. Я задействую группу профессионалов. Кто попало не

справится. Просто не тот случай. Тебе нужно будет оплатить их расходы. Так будет надёжнее.

Обязательно, — сразу согласился Олег Степанович. Автоматически он отметил, что «группа профессионалов» может влететь ему в очень крупную сумму, но с позвонившим лучше не уточнять размеры гонораров. В конце концов, иногда нужно платить за услуги таких людей. Он осторожно вздохнул и на всякий случай уточнил: — А он сможет её найти?

— Все возможно. Поэтому мы должны быть рядом.

— Не лучше ли устранить эту проблему прямо сейчас? — Быстрянский привык решать свои дела кардинально, сразу избавляясь ото всех проблем.

— Нет, не лучше. Если у него получится, то мы примем свои меры. И вообще, давай заканчивать с этими криминальными разборками. Это не тот уровень. И времена сейчас другие. Пусть ищет исчезнувшую женщину на деньги Каплуновича. Это даже забавно.

— Как зовут этого специалиста?

— У него такое странное имя — Дронго.

— Дронго? — повторил Быстрянский. — Что это такое, имя или кличка?

— Кличка. Ему нравится, когда его так называют. По имени какой-то неизвестной птицы. Или известной, черт его разберёт. Только он человек, который может доставить нам всем кучу неприятностей. И поэтому здесь понадобятся лучшие люди. Мои люди, Быстрянский. Которые смогут его нейтрализовать.

Восьмое октября

Найти толкового специалиста, чтобы взломать защиту ноутбука Логутиной, оказалось несложно. Опытные специалисты могли вскрывать куда более действенные защиты, чем находить пароль к обычному ноутбуку. Уже через двадцать минут защита была вскрыта, и не понадобилось даже звонить в офис Каплуновича, чтобы узнать пароль.

Все посланные письма были пронумерованы. Все полученные также были пронумерованы. Дронго и Вейдеманис внимательно читали все письма. Обычная переписка деловой женщины по электронной почте. Никаких глупостей, никаких сентиментальных посланий, никаких предложений о романтических встречах. Только деловая переписка. И ещё несколько сообщений от сестры, два послания от племянника из Лондона, одно из Риги. Вера отвечала конкретно, чётко, несколькими предложениями.

— Вы сможете проверить, какие письма она стёрла, если такие были? — попросил Дронго.

— Всегда можно проверить её «мусорный ящик», — согласился молодой оператор, сидевший перед ноутбуком.

Ещё через несколько минут он показал им на дисплее ноутбука выброшенные за последние полгода письма. Их было достаточно много. Все рекламные предложения, приходившие к ней на почту, она автоматически отправляла в «мусорный ящик», даже не читая послания, чтобы не внести возможный вирус в свой компьютер.

Но среди выброшенных писем были два, которые заинтересовали Дронго. Первое было от журналиста Оглобина с предложением встречи. А второе от неизвестного Кости, который сообщал, что вся работа уже сделана, и благодарил Логутину. Отправленные письма можно было не только прочесть, на них был и адрес отправителя.

Из списка отправленных сообщений были исключены три послания. В первом Вера жаловалась Кире, что у неё много работы и особенно ей тяжело готовить сразу два крупных отчёта. Во втором письме, отправленном неизвестному Косте, она указывала, что вся работа, уже готова и она может её передать. В третьем благодарила Оглобина за статью и назначала встречу в кафе.

— Что-нибудь ещё нужно? — поинтересовался оператор.

— Нужно, — кивнул Дронго, — у меня к вам немного необычная просьба. Мне нужно знать, когда были стёрты эти послания.

— Я вас не понял? — Молодой человек смотрел на Дронго, ожидая пояснений. Даже Эдгар несколько озадаченно взглянул на своего друга.

Мне важно знать не конкретное время, а когда были выброшены эти послания, — пояснил

Дронго, — до двадцать третьего сентября или после. Если до, то эти сообщения выбросила сама Логутина, а если после — уже другие люди, успевшие покопаться в ноутбуке.

Вейдеманис понимающе кивнул. Если это сделала сама Вера, то все было правильно, но если послания стёрли операторы Каплуновича, успевшие покопаться в ноутбуке, тогда двусмысленность их положения становилась слишком очевидной. Они оба напряжённо ждали, пока оператор проверял стёртые послания.

— Все сообщения были стёрты ещё до двадцать третьего сентября, — сообщил тот.

— Спасибо, — удовлетворённо кивнул Дронго.

Через полчаса он позвонил Каплуновичу.

— Мы обошлись своими силами, — с удовольствием сообщил Дронго, — почему вы не сказали, что среди отправленных писем было три стёртых? И ещё два среди полученных?

— Вы профессионал, и вам лучше самому разбираться в подобных программах, — ответил Каплунович, — я вам сразу сказал, что у нас есть ряд фактов, позволяющих связать исчезновение Оглобина и гибель Репникова с пропажей Веры. И не советовал брать этот ноутбук. Но вы хотели доказать мне, как умеете работать. Будем считать, что вы меня убедили. И я очень надеюсь: вы проверили и точно установили, что все письма были стёрты ещё до того, как исчезла Вера. А изъятые письма — всего лишь подтверждение моей версии. Мне было важно, чтобы вы сами пришли к нужному выводу.

— Надеюсь, что больше психологических экспериментов не будет, — зло отозвался Дронго, — с Оглобиным все ясно. Она встречалась с ним, когда он готовил своё расследование. Я читал две статьи и теперь знаю, кто был его источником. А кто такой Костя? Вы уже вышли на него?

— Можете себя не утруждать, — мрачно ответил Борис Самуилович, — с Костей тоже все ясно. Это Репников, он использовал для связи электронную почту своего сына Кости. Мы все проверили. Именно поэтому я так уверен, что с Денисом Викторовичем произошла не обычная авария. Я думаю, что даже если нас сейчас слушают, то и они все об этом знают.

Почему вы сразу об этом не сказали?

— Зачем? Это ничего не изменит, а вы только потеряли один день на эти поиски. И без того ясно, что статьи Оглобина, авария Репникова и исчезновение Веры связаны друг с другом. Я, собственно, поэтому и не советовал вам начинать с её ноутбука. Там не было ничего неожиданного для нас.

— Какую работу она закончила для Репникова?

— Он погиб ещё до того, как она исчезла, а его жена ничего не знает. Мы с ней встречались и разговаривали. Абсолютно ничего. Это тупиковый путь, господин Дронго, вы можете с ней даже не встречаться. Несчастливая женщина, убитая горем. Она ничего не знала о делах своего супруга.

Ясно. Мне придётся довольно часто вас беспокоить. Может, вы дадите мне номер телефона, по которому я смогу вас быстро находить?

— Да, конечно. Я вам сейчас перезвоню с другого телефона на ваш сотовый. И номер моего телефона вы сможете увидеть. Разговаривать мы не будем. Договорились? И звоните мне лучше по вечерам, когда я более свободен.

— Как получится, — не согласился Дронго.

Он положил свой аппарат на стол и дождался звонка. Затем взглянул на телефон, запоминая номер позвонившего. И стёр запись из памяти аппарата.

— Похоже, что Репникова и Оглобина все-таки убили, — задумчиво произнёс Дронго, — а наша подопечная успела сбежать. Или кто-то устроил неплохую инсценировку.

— Что думаешь делать? — поинтересовался Эдгар.

— Нужно её найти, — твёрдо решил Дронго, — мне придётся лететь во Францию, а тебе помогать мне здесь. Надеюсь, что мы найдём её раньше, чем это сделают люди, которым так не нравились статьи журналиста Оглобина.

Девятое октября

Кружков позвонил рано утром и сообщил, что сумел найти следователя прокуратуры,

занимавшегося расследованием смерти Репникова. Ничего нового тот ему не сообщил. Следователь был убеждён, что это была обычная авария. Очевидно, Репников не сумел удержать руль на повороте и свалился с моста. Его родные и водитель показали, что он лишь недавно сел за руль и водил ещё недостаточно уверенно. Кроме того, вскрытие подтвердило, что Репников был абсолютно здоров и трезв, но у него случился внезапный сердечный приступ, из-за которого он, возможно, не сумел удержать машину на мосту.

Дронго выслушал своего помощника, не задав ему ни одного вопроса. И коротко поблагодарив, положил трубку. После чего долго сидел задумавшись. Поверить во внезапный сердечный приступ он не мог. Считать, что в прокуратуре работают только дилетанты, глупо. Значит, все было подстроено именно таким образом, чтобы выдать смерть Репникова за несчастный случай. Очевидно, они смогли найти способ подмешать ему в пищу или в воду лекарство, способное вызвать сокращение сердечной мышцы. А затем и устроили аварию.

Судя по всему, это будут лишь его умозаключения, основанные на косвенных фактах. Ничего конкретного он все равно не найдёт. И разговаривая с супругой Репникова, только вызовет подозрения у людей, которые стоят за этой аварией. Они наверняка ищут пропавшую Логутину, если только они сами её не похитили. Он вдруг подумал, что это легко проверить. И сразу подняв трубку, позвонил Эдгару и попросил его приехать.

Вейдеманис приехал через полтора часа, городские пробки становились просто невыносимыми. Дронго уже обдумал сегодняшней план и, как только Эдгар вошёл в квартиру, потащил его в гостиную, едва тот успел снять плащ.

— Если за гибелью Репникова стоят какие-то неизвестные нам люди, то они должны были спланировать и исчезновение Логутиной, — возбуждённо начал Дронго, — и только в том случае, если ей действительно удалось сбежать...

— Ты в этом ещё сомневаешься?

— Пока у меня есть все основания. Молодая женщина убегает из дома, даже не взяв с собой зубную щётку. Не говоря уже о смене белья. Это наводит меня на грустные мысли. Либо она профессионал, чего не может быть, мы знаем её биографию. Либо она испугалась до такой степени, что невольно повела себя исключительно правильно. Так иногда бывает. Один случай на сто...

— Предположим. Какой у тебя план?

— В таком случае её продолжают искать. И эти люди должны знать, что она родственница Каплуновича. А это автоматически означает, что они обязаны узнать о его встрече с нами и о наших поисках.

— Возможно. Ну и что?

Если мы поедem на встречу с вдовой Репникова, они обязаны за нами следить. И попытаться выяснить, о чем мы будем с ней говорить. По моему разумению, следить они будут обязательно.

— Интересно, — улыбнулся Эдгар, — ты хочешь проверить, как они себя поведут?

— И степень их заинтересованности. Но прежде нам нужно заехать в компанию Каплуновича. Во-первых, встретиться с самим Борисом Самуиловичем, и, во-вторых, ещё больше разогреть их интерес. Ведь следить они должны и за ним тоже. Или за ним в первую очередь, так даже точнее.

Вейдеманис согласно кивнул. Он вообще не любил много говорить, предпочитая слушать своего друга. Дронго позвонил Каплуновичу и назначил встречу в его офисе. Он вызвал водителя, чтобы не садиться за руль. Он вообще не любил ездить за рулём автомобиля. Водитель был профессионал. Но на московских улицах устраивать гонки, чтобы оторваться от возможного преследования, практически невозможно. Да и заметить такую слежку тоже очень сложно. В центре города машины едут с минимальной скоростью, выстраиваясь в ряд друг за другом настолько плотно, что между ними едва проскальзывают пешеходы. И надеяться оторваться от возможных наблюдателей в такой обстановке почти невозможно.

Через полчаса, когда они появились в приёмной, Бориса Самуиловича ещё не было. Любезная секретарша предложила им кофе. Они отказались, ожидая руководителя компании.

Дронго и его напарник расположились на диване в ожидании Каплуновича. В офисах новых компаний поражал размах архитектурной и дизайнерской мысли. Просторные

помещения, дорогие панели, тяжёлая итальянская мебель. Капитализм в России переживал стадию первоначального накопления, когда внешний лоск и солидность компании подтверждались монументальностью возводимых зданий, безупречными секретарями и помощниками, словно сошедшими со страниц глянцевого журнала, и дорогой мебелью из натуральных сортов дерева. Спустя десять, двадцать, тридцать лет руководители компании начнут понимать, что для офиса необходимы более функциональные помещения, мебель должна быть максимально приспособленной для работы, телефоны и аппаратура не такими роскошными, а безупречные формы секретарей не гарантия их хорошей работы и лучше принимать на службу сотрудниц по их деловым качествам. Но это будет спустя несколько лет. А пока внешние атрибуты были исключительно важны. Справедливости ради стоит сказать, что самые крупные нефтяные и газовые компании, уже пережившие первоначальную стадию, плавно переходили во вторую, в которой не было секретарш с формами топ-моделей, кабинетов, напоминавших футбольные поля, с подлинными картинами художников, стоившими не одну сотню тысяч долларов.

Очевидно, сотовая компания Каплуновича находилась на пути из первого этапа во второй, но довольно сильно задержавшись на первом этапе. Приёмная было метров семьдесят, и кроме секретаря, красавицы лет двадцати пяти, здесь находился помощник, похожий на менеджера крупной торговой фирмы по продаже модных галстуков.

Каплунович опоздал на восемь минут. Учитывая автомобильные пробки в центре города, это была почти невероятная точность. Он прошёл в свой кабинет, пригласив гостей войти следом. Кабинет был ещё больших размеров, метров на сто пятьдесят с эксклюзивной мебелью из Испании.

— Чем обязан? — поинтересовался Борис Самуилович. Опять какие-нибудь неприятные новости? Или нашли в её ноутбуке очередное неотправленное письмо? Я же вам сказал, что мы все проверили и единственная ваша задача — найти Веру. Честное говоря, я удивлён, что вы пока здесь, а не в Париже.

— Чтобы искать наверняка, мне многое нужно уточнить, — возразил Дронго, — как вы считаете, куда она могла поехать?

— Понятия не имею. Если бы я знал, разве стал бы обращаться к вам за помощью? — нахмурился Каплунович.

— Если она действительно улетела в Париж, то наверняка не осталась в городе, где теоретически может встретиться с вами, с сестрой или с другими знакомыми.

— Логично. Я тоже полагаю, что её нет в Париже. Но тогда где? В Шенгенской зоне столько стран...

— Где вы отдыхали в последние годы?

— По-разному.

— Но Вера ездила с вами?

— Да. И не считайте меня таким кретином. Я уже проверил все места, где мы раньше бывали. В том числе и с Верой. Её нигде нет.

— И все-таки где вы отдыхали в прошлом году?

— На Сардинии. Я снимал там виллу.

— А в позапрошлом?

— Мы ездили в Майами. Вшестером.

— Простите... Почему вшестером? Кто был с вами?

— Я, моя супруга, трое детей и Вера. Ещё было несколько телохранителей, кухарка и секретарь, но я их не считаю.

— Извините. Я понял. Зимой вы не отдыхали?

— Как обычно. Два года назад в Куршевеле, в этом году были в Австрии. В Куршевель ездить уже невозможно, там столько наших, что превратили курорт в какой-то междусобойчик.

— Она летала с вами?

— Она обычно приезжала непосредственно на курорт.

— Получается, что она всегда отдыхала с вами?

— Не всегда. Обычно первые две недели. Потом уезжала куда-нибудь отдохнуть от нас, как она обычно шутила. Любила Италию, Испанию, Хорватию.

— Тёплые страны...

— Море. Она очень любила отдыхать на море.

— Хорватия не в Шенгенской зоне.

— Нет. Но у неё достаточно мест, куда можно отправиться. Прибавьте Францию, Грецию, Португалию. Они все входят в Шенгенскую зону.

— Я помню, — угрюмо кивнул Дронго.

— Поэтому я и приехал к вам, — развёл руками Каплунович. Он был одет в темно-серый костюм в тонкую полоску. Стильный сине-серый галстук был завязан двойным узлом. Он встал из-за стола. Подошёл к своим гостям, сидевшим в глубоких кожаных креслах. Присел на стол.

— Поймите меня наконец, господин Дронго, — сказал он даже с некоторым сочувствием. — Я не просто так потратил время. И не просто так пришёл к вам за помощью. Я задействовал своих людей, свою службу безопасности, потратил кучу денег, пытаюсь найти Веру. Я сделал все, что мог. И даже больше, чем мог. Но не сумел её найти. У меня было двенадцать дней, прежде чем я обратился к вам. За это время я нанял лучших детективов, проверил каждый её шаг, потратил нервы и деньги, но ничего не смог найти. Ни-че-го. Если вам это приятно, то могу сказать, что вы мой последний шанс. И я обратился к вам только потому, что моя жена сходит с ума. Вот, собственно, и все.

Он поднялся и вернулся в своё кресло.

— Честное слово, я даже не представляю, где она может быть, — негромко добавил Каплунович, — и я действительно хочу её найти. Поэтому готов заплатить вам любой гонорар. Но если вы будете сидеть в Москве и пытаться найти в её ноутбуке или в квартире какие-нибудь следы Веры, то боюсь, что у вас ничего не получится. Извините меня, но я привык получать за свои деньги услуги самых лучших специалистов. А меня уверяли, что вы лучший эксперт среди тех, кого я могу найти. И вообще, у меня такое ощущение, что вы не очень любите своих клиентов. Или мне так кажется?

— Смотря какие клиенты, — честно ответил Дронго, глядя в глаза своему собеседнику, — некоторых не очень люблю. Я действительно специализируюсь на пороках человеческого рода. Просто у меня такая профессия. Не знаю, насколько я хороший эксперт, но стараюсь соответствовать. Однако никто не может требовать от меня, чтобы я ещё и любил всех, с кем мне приходится иметь дело в процессе расследования. Да это и невозможно.

— Особенно не любите богатых клиентов? — весело уточнил Борис Самуилович.

— Особенно не люблю богатых, — в тон ему ответил Дронго, — просто знаю, как им достались эти деньги.

— «Все современные состояния нажиты нечестным путём». Так, кажется, было написано в книге, которую Бендер прислал Корейко.

— Не совсем, — ответил Дронго, — там было немного иначе. «Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путём».

— У вас хорошая память, — заметил уже без улыбки Каплунович, — в моем случае все было иначе. Я сам разрабатывал устав компании, и мы начинали с нуля, используя научные разработки моей лаборатории.

— Ценю ваше усердие, — ответил Дронго, — только вы забываете о двух зданиях, бесплатно переданных вам московской мэрией только потому, что один из ваших вице-президентов был сыном одного из руководителей мэрии. Или это тоже научные разработки? Насколько я знаю, рыночная цена такого подарка — миллионов двадцать или чуть больше. Я правильно считаю в долларах?

— Тяжёлый вы человек, — махнул рукой Каплунович, — не хотите меня любить, ну и не надо. Будете искать Веру? Или хотите отказаться прямо сейчас?

Дронго поднялся. За ним поднялся Вейдеманис.

— Завтра я улетаю в Париж, — твёрдо сказал он, — и постараюсь сделать все, чтобы найти сестру вашей жены. Надеюсь, вы разрешите мне побеседовать с вашей супругой?

— Это нужно для дела?

— А вы считаете, что нет?

— Хорошо. Только с условием, что вы не расскажете ей об обыске в доме. Она взяла с меня слово, что я не буду пускать посторонних в квартиру её сестры.

— Про часы вы её спрашивали?

Пока нет. Не успел. Не хочу обсуждать такие вопросы по телефону. Но сегодня обязательно спрошу. Только не говорите про ноутбук.

— Не скажу, — пообещал Дронго, — и дайте мне номер её мобильного телефона. Нет. Дайте номер телефона в Париже, о котором никто не будет знать, кроме вас. Чтобы я гарантированно позвонил и меня бы с ней соединили. Дайте такой номер телефона.

— У меня в машинах есть телефоны.

— Они не подойдут. У детей есть телефоны?

— У дочери есть. Да, у Аллы есть два аппарата. Один для матери, чтобы она всегда могла её найти.

— Дайте мне этот номер.

Каплунович подвинул блокнот, написал номер телефона, вырвал листок и протянул его Дронго. Затем уточнил:

— Вам нужна охрана?

— Надеюсь, что нет. Пока, во всяком случае, не нужна.

Они кивнули друг другу на прощание. Когда Дронго и Эдгар вышли из кабинета, Каплунович долго смотрел им вслед, потом пожал плечами.

«Амбиции и апломб в сочетании с неплохой памятью и дотошностью ищейки. Может, он найдёт её, хотя бы из самолюбия», — подумал Борис Самуилович.

Дронго и его спутник в это время спускались в кабине лифта в просторный холл. Эдгар молчал. Ему понравился состоявшийся разговор, но он только одобрительно кивнул, когда они вышли из кабинета. Для Вейдеманиса это было тоже слишком много. Дронго улыбнулся, он знал характер своего напарника. Их «Вольво» стоял у ограды. Когда они садились в машину, водитель неожиданно повернулся к ним.

— По-моему, за нами следят, — осторожно сказал он, — две машины припарковались в разных концах улицы. Я доехал до поворота и вернулся. Оба автомобиля повторили мой путь. Вот тот чёрный «Мерседес» и серая «Шкода». В обоих тёмные стекла, но мне кажется, что в них кроме водителей есть ещё и пассажиры.

— Так и должно быть, — кивнул Дронго, — поехали по Киевскому шоссе. Старайся не торопиться, чтобы они не думали, будто мы хотим от них оторваться.

Водитель развернул автомобиль, и они поехали на юг. Уже на шоссе Дронго оглянулся назад и попросил водителя увеличить скорость. «Мерседес» тоже сразу прибавил, словно опасаясь, что они могут оторваться. Сомнений не было никаких: за ними действительно следили.

Дронго достал телефон, позвонил Кружкову. По его просьбе тот должен был договориться с вдовой Репникова о встрече.

— Она вас ждёт, — сообщил Леонид, — я сказал, что вы ведёте параллельное расследование по просьбе родственников Веры Логутиной. В общем, я не очень соврал. Она будет вас ждать уже минут через двадцать.

— Спасибо. — Дронго убрал аппарат и снова попросил водителя прибавить скорость, чтобы не опоздать на встречу.

Дом Репникова был обнесён высоким забором. Слышался лай собак, работала камера на воротах. Дронго и Эдгар вышли из салона автомобиля и подошли к переговорному устройству. Дронго сообщил, что приехал со своим другом на встречу с Ириной Сергеевной Репниковой. Он услышал в ответ её голос.

— Я открою калитку, — ответила вдова, — только вы входите один, без своего друга.

— Хорошо, — согласился Дронго, сделав знак Эдгару, чтобы тот подождал его в машине.

Калитка открылась автоматически. Дронго осторожно вошёл. Собаки лаяли в своих вольерах. Они увидели чужого и заметались ещё сильнее. Три мощные овчарки, которые охраняли дом лучше любой электроники. Навстречу Дронго шагнул крепкий мужчина лет шестидесяти в военной форме. Это был садовник, выпускавший по вечерам собак побегать во дворе. Он строго взглянул на гостя и показал ему на дом. Усадьба Репникова занимала довольно большую территорию, почти с полгектара. Было очевидно, что погибший хозяин дома не бедствовал на прежних работах.

Дронго поднялся по мраморной лестнице, вошёл в дом. В большой прихожей его уже ждала хозяйка. На вид ей было не больше пятидесяти. Среднего роста, рыжие волосы, большие круги под глазами, довольно крупный нос, портивший впечатление от красивых зелёных глаз. У неё был приятный, томный голос.

— Входите. — Репникова приняла гостя, одетая в чёрное платье, словно отдавая дань ритуалу. Они прошли в столовую, примыкавшую к кухне. Молодая девушка, очевидно помогавшая хозяйке, приветливо кивнула гостю и спросила, что он будет пить.

— Ничего, — ответил Дронго, — спасибо, но мне ничего не нужно. Я только задам несколько вопросов Ирине Сергеевне.

— Идите, Лиза, — властно приказала Репникова, и девушка быстро вернулась на кухню.

Они сидели за небольшим столом. Очевидно, что здесь гостей обычно не принимали. Их отводили в гостиную. Но сейчас Репникова не хотела соблюдать условности этикета. Слишком велико было её горе.

— Разрешите выразить вам мои соболезнования, — начал Дронго, — мы договаривались о встрече.

Спасибо, — вздохнула она, — до сих пор не могу поверить, что все так нелепо произошло. Он никогда не жаловался на сердце. И такая страшная авария. Хорошо ещё, что смогли достать машину и его тело... — Она тяжело вздохнула, достала платок, вытерла набегавшую слезинку. — Все могло кончиться иначе, если бы он нас слушал и ездил на работу с водителем. Но он считал это неправильным. Говорил, что работает обычным советником и не имеет права привлекать к себе внимание...

— Он сам решил так или ему сделали замечание?

— Конечно, сам. Он был гордый и самостоятельный человек. После того как его попросили из кабинета министров, он даже не хотел устраиваться на работу. Пока ему не позвонили и не предложили новое место. Он долго отказывался, честное слово. Но потом позволил себя уговорить.

— Ему нравилась его нынешняя работа?

— Думаю, что да. Иначе он бы не согласился туда пойти.

— Кто его уговорил? Вы?

— Конечно, нет. Кто-то из его бывших сослуживцев. Я не знаю точно, кто именно. Денис был достаточно закрытым человеком и не любил, когда кто-то вмешивался в его служебные дела. Он сразу не согласился, но позднее его все-таки уговорили.

— Как вы думаете, он мог сам свалиться в реку в результате этого несчастного случая?

— Не знаю, что и думать. Говорят, что экспертиза все проверила и ничего подозрительного не нашла. Я никогда не слышала от него жалоб на сердце. Хотя его отец умер от инфаркта достаточно молодым. Ему было под шестьдесят.

— Он поддерживал отношения со своей бывшей коллегой? Я имею в виду Веру Логутину?

Репникова пожала плечами, тяжело вздохнула:

— Наверное, поддерживал, если выяснилось, что они переписывались через компьютер моего сына. Когда Костя мне подтвердил, что получал на свой электронный адрес её послания, я даже не поверила...

Она тяжело вздохнула, снова достала платок, вытирая глаза.

— Но это была лишь деловая переписка, — сухо добавила она, — я думаю, вы понимаете, что любовниками они не были, если это вас интересует. Вряд ли молодая женщина стала бы общаться с мужчиной через Интернет при посредстве его сына. Моему мужу нравились другие женщины, но он умел отделять флирт от служебных дел, в этом я абсолютно уверена.

— И вы не знаете, какие материалы искала Логутина для вашего супруга?

— Понятия не имею.

— Это может быть связано с их прежней работой в правительстве?

— Наверняка связано, — сразу согласилась Репникова, — но ничего конкретного я не знаю.

Ас бывшим премьером ваш муж встречался после отставки?

— Только два раза. Один раз был банкет по случаю какого-то юбилея, когда они

встречались. И второй раз недавно, когда бывший премьер объявил о создании собственной партии.

— Репников вошёл в её состав? Может, он стал хотя бы учредителем?

— Нет, нет и нет. Он вообще считал, что его бывшему шефу лучше не искать счастья в политике. Но его тогда никто не послушал. А он не стал давать советов. Считал неприличным говорить подобные вещи своему бывшему руководителю после его отставки.

— А с Логутиной они встречались?

— Один раз, видимо, встречались, если она прислала письмо и он потом её благодарил, — рассудительно ответила Ирина Сергеевна. Очевидно, её сын распечатал ей оба письма.

— И больше не встречались?

— На том самом банкете, о котором я вам говорю, она была. Я её раньше тоже видела. Она выделялась среди остальных сотрудниц...

— Как? — заинтересовался Дронго. — Чем она выделялась?

Своим внешним видом, пояснила Репникова, — такой независимый, вызывающий вид. Нет, у неё не было навороченных бриллиантов или колец, она была одета очень красиво, но подчёркнуто скромно. А вот её глаза, вся её осанка, манера поведения... Она словно подчёркивала, что она здесь только потому, что сама хочет здесь находиться. В общем, было видно, что она достаточно независимый человек. Потом муж мне сказал, что она близкая родственница самого Каплуновича, сестра его жены. Понятно, что, имея за спиной подобного олигарха, можно вести себя как угодно. Но ей нравилась работа в правительстве. А потом она ушла в «Баркер-групп».

— Предположим, что Логутина дала вашему мужу какие-нибудь документы. Может, в день смерти он взял с собой эти документы и они пропали?

— Мы ничего не нашли, — вздохнула Ирина Сергеевна, — мы просмотрели все его бумаги.

— А отношения с бывшим премьером в последнее время у них были хорошие?

— Прекрасные. Тот очень доверял Денису, считал его одним из лучших своих сотрудников. Это я точно знаю.

— Вы знаете, что вместе с нелепой гибелью вашего мужа исчез журналист Оглобин, который написал целый ряд громких статей против бывшего премьера? Такое непонятное совпадение.

— Я Оглобина не знала и статьи не читала. И сказать по правде, не хочу о нем даже слышать. Он все врал, высасывал факты из пальца и придумывал небылицы. Иногда узнавал какой-то реальный факт и нагромождал на него все свои выдумки. И муж мой считал его не очень порядочным человеком.

— Ваш муж был с ним знаком? Может, вы слышали эту фамилию?

— Один раз Денис прочёл какую-то статью и сказал, что Оглобин все время подаёт факты неправильно. Очень тенденциозно.

— Логутина тоже исчезла. Как вы считаете, её исчезновение могло быть связано с неожиданной смертью вашего мужа?

— Не знаю. Я много об этом думала. Но ничего для себя не решила. Может быть, все эти истории связаны друг с другом. Но я ничего не знаю.

— Она передала по электронной почте вашего сына согласие на встречу с вашим супругом. И сообщила, что подготовила все материалы. Очевидно, встреча состоялась и материалы ваш супруг получил, так как благодарил Логутину за этот обзор.

— Меня об этом спрашивали, — вспомнила Репникова, — но никаких материалов в доме не было. Мы уже все просмотрели. Если бы она передала обзор по электронной почте, он бы остался в памяти компьютера моего сына. Но там ничего нет. И на работе тоже ничего не нашли. Может, Денис успел кому-то его передать? Но мы ничего не нашли. Даже в его сейфе.

— Понятно, — не скрывая своего разочарования, произнёс Дронго, поднимаясь со стула, — извините, что пришлось вас побеспокоить.

— Пожалуйста, — вздохнула вдова, — я до сих пор не пришла в себя после этой аварии. Все время думаю, почему я в то утро отпустила его одного. Если бы он поехал с водителем, возможно, ничего страшного бы не случилось. Уже почти месяц.

Дронго печально кивнул. Когда он снова проходил по двору, садовник опять зло посмотрел на незваного гостя. Дронго вышел на улицу, прошёл к своему автомобилю, где в салоне его терпеливо ждали водитель и Эдгар Вейдеманис.

— Эти ребята в «Мерседесе» даже не думают уезжать, — показал на преследователей Эдгар, — и, кажется, совсем не боятся себя обнаружить.

— Завтра мне нужно лететь в Париж, — задумчиво произнёс Дронго, — судя по всему, она все-таки успела улететь во Францию. Теперь искать её придётся там. А у тебя и здесь будет много работы, Эдгар. Нужно более внимательно изучить её записную книжку. Пройтись по всем адресам, по всем телефонам. Согласен, это тяжёлая работа, но другого выхода нет. И мне понадобятся её фотографии. Несколько достаточно крупных фотографий. Нужно предупредить Каплуновича. Поехали домой. А перед Парижем мне ещё придётся полететь в другой город. Завтра с утра мне нужно сделать визу. Хотя бы транзитную и на один день. Но так, чтобы об этом не узнали мои преследователи. Очень похоже, что теперь у меня будет почти все время почётный эскорт.

Десятое октября

Но на следующий день Дронго не улетел в Париж. Вечером он приехал в Шереметьево в сопровождении Эдгара. Ехавшие за ними преследователи не могли даже предположить, куда именно он собирается лететь. Все ожидали, что Дронго вылетит в Париж, но вместо этого он неожиданно прошёл на посадку, предъявив билет на сто восемьдесят третий рейс. Один из его преследователей прошёл вслед за ним пограничный контроль, показав свой паспорт пограничникам и купив билет на первый попавшийся рейс, чтобы пройти через границу. Но вылететь вместе с Дронго он не смог бы при всем желании. Дело в том, что, согласно обычной логике, Дронго обязан был лететь либо в Париж, либо в Берлин, и это в любом случае была виза в Шенгенскую зону. У его преследователей уже были проставлены такие визы, чтобы взять билет и сопровождать свой объект в любую точку Европы.

Однако Дронго летел в Ригу, а туда нужна была исключительно латвийская виза, которой не было и не могло быть у его преследователей. На это он и рассчитывал. Визы ему проставил в посольстве Латвии Эдгар Вейдеманис, а Дронго, проходя на посадку, даже подмигнул своему незадачливому визави, кусавшему губы от волнения, но не сумевшему проследовать в самолёт. В тот момент Дронго казалось, что ему удалось обмануть своих преследователей.

В одиннадцать десять вечера самолёт Аэрофлота совершил посадку в аэропорту Риги. Дронго вышел в полупустой зал. Он помнил слова Каплуновича о сотовых телефонах, что можно вычислить местонахождение обладателя аппарата, даже если он выключен. И поэтому оставил свой аппарат Вейдеманису. Они договорились о том, когда и откуда будут поддерживать друг с другом связь. В аэропорту он специально задержался, чтобы проверить, нет ли за ним возможного наблюдения. Но чужих здесь не было, в этом он был уверен.

Сегодня утром Кружков должен был позвонить Александру Линдту и договориться о завтрашней встрече. Дронго взял такси и поехал в знакомый ему по прежним посещениям Риги «Рэдиссон», в котором он обычно останавливался. В отеле ему был заказан номер. Отель был на другой стороне реки, и отсюда открывалась удивительная перспектива на центр Риги. Он поднялся в номер, принял душ и лёг спать, заставив себя уснуть.

На следующее утро он спустился в холл, где его уже ждал бывший друг исчезнувшей Веры Логутиной. Дронго сразу узнал его. Молодой человек, выше среднего роста, с породистым, красивым лицом, доброй улыбкой, с копной непослушных тёмных волос, серыми глазами. Он был одет в коричневое кашемировое пальто, под которым был темно-синий костюм. Дронго подошёл к нему и протянул руку.

— Здравствуйте, — поднялся Александр, — мне позвонили и сказали, что я должен с вами встретиться. Это касается Веры... Вы господин Дронго?

— Так меня иногда называют.

— Очень приятно. — Рукопожатие у него было крепкое.

— Мне тоже, — кивнул Дронго, устраиваясь напротив в кресле. В холле почти никого не было, если не считать пожилой женщины, сидевшей в дальнем конце и читавшей местную

газету. — Вы знаете, что ваша бывшая знакомая исчезла? — спросил Дронго.

— Конечно, — нахмурился Александр. По-русски он говорил с лёгким акцентом, но достаточно хорошо. — Сначала мне позвонила сама Вера и сказала, что, возможно, приедет ко мне. Честно говоря, я был очень удивлён. Потом позвонил её родственник, муж старшей сестры, Борис Каплунович. Он очень известный бизнесмен. И сказал, что они волнуются, пытаются найти Веру, но не знают, куда она уехала. Я ничего не мог понять, но она мне больше не звонила и не приезжала.

— Как вы думаете, куда она могла уехать?

— Понятия не имею. Я бы считал, что она улетела в Париж к своей сестре, но раз её искал Каплунович, значит, она туда не поехала.

— Вы были знакомы с ней достаточно долго, чтобы узнать и понять её характер. Как вы думаете, куда ещё она могла улететь?

— Не знаю. — Александр нахмурился. — Может, за это время у неё появился новый друг?

Дронго незаметно вздохнул. Пожилая женщина подозрительно долго читала одну страницу местной газеты. Или ему так кажется?

— Можно, я задам вам некорректный вопрос? — неожиданно спросил Дронго.

Александр усмехнулся.

— Давайте, — разрешил он, — что вас интересует?

— Почему вы расстались?

Александр нахмурился. Долго молчал. Потом наконец выдал:

— У нас появились разногласия...

— В чем они выражались? Извините, что я настаиваю, но мне нужно понять, где я могу найти Логутину.

Мы встречались достаточно долго, — осторожно сказал Александр, — больше двух лет. Но она была всегда очень независимым человеком. Ей не нравилось, когда я пытался остаться у неё дома, она не любила оставаться у меня, словно боялась связать себя какими-то обязательствами. Мне так казалось тогда. А потом я понял, что вёл себя глупо. Она ждала, когда я сделаю ей предложение, а я пытался уйти от этого. В общем, я считал, что такие отношения могут быть нормальными, а ей хотелось большего. Её тяготила роль подружки. Может, я ошибаюсь, но её начинали раздражать наши отношения обычных друзей. И в конце концов мы решили расстаться. Зная характер Веры, я был уверен, что она никогда в жизни мне больше не позвонит. И поэтому был так удивлён, когда она позвонила и сказала, что хочет прилететь в Ригу. Я, конечно, сказал, что буду её ждать. Даже обрадовался. Думал, мы можем восстановить наши прежние отношения. Я за это время многое понял. Нужно было вести себя немного по-другому. Но вы знаете, как обычно бывает. Мы все становимся умнее только потом, как говорят русские, крепки задним умом. Кажется, есть такое выражение. Она ко мне не приехала...

— Вы отдыхали с ней вместе? Куда-нибудь ездили?

— Два раза ездили. На Канарские острова. И в Марбелью. Такие аристократические курорты для людей её круга. Она ведь работала у самого премьера. У бывшего премьера...

— Вы ездили группой или вдвоём?

— На Канарские острова целой группой. Человек десять. А в Марбелью вдвоём. Но мы там мало оставались. Только неделю. Вере очень нравилось в Испании.

— У неё были хорошие отношения с коллегами?

— Очень хорошие. Её все уважали, она была хорошим специалистом и надёжным человеком.

— Что вы вкладываете в понятие «надёжный человек»?

Верный. Она не способна на предательство. Если она встречается со мной, то не будет флиртовать ни с кем другим. А если захочет встретиться с другим, то честно скажет мне обо всем. Там, на Канарах, был один такой случай. Член нашей группы, её коллега, молодой парень лет тридцати, очень сильно перепил. И по ошибке вошёл в наш номер. Она в это время принимала душ. Вы знаете, что она с ним сделала? Выбросила его с балкона. Хорошо, что мы жили на втором этаже и он упал в кусты, иначе бы наверняка разбился. Вот такой человек.

— Вы не знаете, какие у неё были отношения с журналистом Оглобиным?

— Впервые слышу эту фамилию.

— А Репников? Денис Репников?

— Кажется, он с ней прежде работал. Но я не уверен... Хотя я помню, что он ей звонил несколько раз, но это было давно.

Сидевшая в углу пожилая женщина по-прежнему читала местную газету. Или прислушивалась к их разговору? При желании она могла услышать, о чем говорили Дронго и его собеседник.

— У неё были враги?

— Не знаю. Мне казалось, что нет.

— А какие у неё были отношения со старшей сестрой и её мужем?

— Прекрасные. Они очень любили друг друга. Я знаю, что Каплунович несколько раз предлагал Вере перейти в его компанию, но она была достаточно независимым человеком, чтобы согласиться. А вот их отношения были очень хорошими. Он помог ей купить квартиру. Вера обожала детей Киры. Всех троих.

— Вы не знаете, кому было выгодно исчезновение Веры Логутиной?

Не знаю. Даже боюсь подумать. Все эти политические игры вокруг бывшего премьер-министра. Наверное, хотели каким-то образом связать с ним Веру. Может быть, поэтому. Но я ничего не знал. И даже не могу предположить, кто это мог быть. Я вообще не поверил Каплуновичу, когда он сказал, что Вера пропала. Много раз пытался ей звонить...

Он провёл рукой по лицу. Покачал головой: — Никогда и ничего не боялся. А сейчас стал бояться. Беспокоюсь за Веру. Все получилось так глупо. Нужно было как-то попытаться с ней договориться. Объясниться. Я теперь никому не верю. Никому. Даже с вами я не стал бы разговаривать, если бы не перезвонил вчера Борису Самуиловичу. И он подтвердил мне, что господин Дронго действует по его поручению...

Женщина, читавшая газету, чуть отодвинула её, и Дронго увидел внимательный, заинтересованный взгляд. Как глупо он себя подставил. Нужно было понять, что за ним наблюдают профессионалы и они наверняка будут отслеживать все звонки к Каплуновичу. Тем более что Александр наверняка звонил по обычному городскому номеру, который легко можно было перехватить. Как все это обидно. И вчера они оторвались именно для того, чтобы он почувствовал себя свободным. Щёлкнули его по носу, чтобы не очень задирался. Какой интересный урок. Они уже вчера точно знали, куда он летит. Но провожавший прошёл границу и изобразил растерянность, когда узнал, что Дронго летит в Ригу. Хотя мог и не знать, куда именно, чтобы точнее изобразить растерянность. Что ему, в общем, и удалось.

Вы говорили с Каплуновичем? — разочарованно уточнил Дронго.

— Говорил. Я хотел понять, кто ко мне придет... И можно ли вам доверять.

— В таком случае вы все поняли. Я хочу попросить вас ещё об одной услуге. Подождите меня здесь, в холле, ещё минут пятнадцать или двадцать. Если я не появляюсь, молча уходите, ни о чем не спрашивая. Договорились?

— Я не совсем понимаю...

— Не нужно ничего понимать. Просто выполните мою просьбу.

Дронго поднялся и громко сказал, обращаясь к своему собеседнику:

— Я сейчас вернусь и принесу вам все документы. — Он повернулся и пошёл к кабине лифта.

Наверняка женщина, сидевшая в холле, услышала его слова. Дронго поднялся в кабине лифта, вошёл в свой номер. Собрать все вещи было делом двух минут. Он забрал свой небольшой чемодан и вышел из номера по коридору к другому лифту, откуда можно было выйти через запасной ход. За номер в отёле он вчера расплатился наличными, мини-баром не пользовался. Можно будет позвонить и сообщить, что номер он сдаёт. Сейчас важно использовать некоторое преимущество во времени. Но как самонадеянно они поступили с Эдгаром! Нужно было предусмотреть, что Линдт может перезвонить Каплуновичу. Об этом они не подумали.

Через час он уже сидел в поезде, направлявшемся в Санкт-Петербург. И уже вечером этого дня выехал в Хельсинки, чтобы полететь оттуда во Францию. Находясь в салоне

авиалайнера, летевшего над затянутой тучами Европой, Дронго закрыл иллюминатор и попросил стюардессу дать ему плед.

— Скоро мы войдём в зону турбулентности, — любезно улыбнулась ему девушка.

Только не это, — мрачно прошептал Дронго.

— Что вы сказали? — не поняла стюардесса.

— Принесите мне стакан водки, — попросил он. — Так я лучше переношу эту проклятую турбулентность. И налейте ещё стакан томатного сока с лимоном.

— Вам смешать?

— Не нужно. — Он закрыл глаза. «Можно было ехать на поезде. Хотя пришлось бы преодолевать всю Европу», — раздражённо подумал Дронго. В этом случае он мог бы потерять два или три дня. А это достаточно много, учитывая все, что ему удалось узнать.

Двенадцатое октября

В каждом городе у него были какие-то знакомые отели или рестораны, в которых он любил ужинать. В Париже, куда он приезжал так часто, Дронго останавливался обычно в отёле «Лотти», находившемся между Вандомской площадью и садом Тюильри. Основное здание отеля располагалось на улице Кастильон, перпендикулярной знаменитой Сен-Оноре де Фобур. Но в глубине основного находилось новое здание, отремонтированное по последним европейским стандартам, с большими светлыми комнатами, выходившими в тихий двор. Дронго обычно заказывал себе номера в этом здании, хотя они в среднем были на десять или пятнадцать процентов дороже обычных.

Он прилетел в Париж поздно ночью и приехал в отель почти под утро. Ещё не так много людей знали об этом отёле, и он решил, что может позволить себе остаться в «Лотти». Все равно профессионалы, которые следовали за ним по пятам, вычислят его в Париже в тот самый момент, когда он неизбежно захочет встретиться с супругой Бориса Каплуновича. На их месте он бы сделал именно так.

Он умел спать по паре часов на протяжении нескольких дней и чувствовать себя достаточно хорошо для любой работы. В полдень он вышел из отеля. Дронго хорошо знал улицы вокруг «Лотти» и поэтому довольно быстро миновал два квартала, чтобы остановиться у телефонной будки. Карточку для телефона он приобрёл в аэропорту. Вставив карточку, набрал номер Эдгара Вейдеманиса. Тот должен был включить мобильный телефон ровно в двенадцать тридцать. На часах было двенадцать тридцать две. Эдгар ответил почти сразу.

— Здравствуй, — сказал Дронго, — они сумели вычислить меня в Риге. Оказывается, Александр перед этим звонил Каплуновичу.

— Я знаю. Нам сообщил об этом Борис Самуилович. Как у тебя дела?

— Уже в Париже.

— Понял. Мы пытаемся все проверить, но, судя по всему, с тобой работают очень квалифицированно. Это профи.

— Я понял. Попытайтесь что-нибудь узнать. Поговори ещё раз с Каплуновичем. Лучше не у него в офисе.

— Сделаю.

— До свидания. — Они знали, когда он позвонит в следующий раз. Эдгар отключил аппарат.

Дронго набрал номер телефона дочери Каплуновича. Она почти сразу ответила. Девочка говорила с неувимым французским акцентом, как обычно говорят дети, воспитывающиеся за рубежом.

— Алло, я вас слушаю.

— Здравствуйте, Алла. Ваш отец должен был вас предупредить. Я хочу поговорить с вашей матерью.

— Да, я знаю. Мне сказали. Позвоните через полчаса, я буду рядом с ней.

— Только никому не говорите о моем звонке.

Он вышел из телефонной будки и прошёл в небольшое кафе, находившееся напротив. Заказал себе чашку чая с молоком. Полчаса пролетели незаметно. Он снова поднялся, оставил

деньги на столике, прошёл в телефонную будку. Снова набрал известный ему номер. На этот раз ответила сама Кира Логутина:

— Алло, слушаю вас.

— Я приехал по просьбе вашего мужа.

— Да, я в курсе. Что я должна сделать?

— В каком отёле вы обычно бываете?

— Я вас не поняла...

— В какой отель вы можете приехать, чтобы выпить кофе или встретиться с подругой?

— Обычно езжу в «Георг Пятый» или в «Плазу».

— На авеню Монтеня?

— Да.

— Тогда я буду ждать вас в «Плазе». Приезжайте в отель и пройдите в ресторан. Будет хорошо, если вы приедете не одна, а с дочерью или подругой. У портье вас будет ждать записка. Я сниму номер в отёле и буду вас там ждать. Вы меня слышите?

Я должна подняться к вам в номер? — нервно уточнила Кира.

— Вы можете не беспокоиться. Я приехал по поручению вашего мужа.

Сделаем иначе, — решила Кира, — я приеду в «Плазу» не одна, а с двумя своими телохранителями. Предупреждаю, что они очень подготовленные люди. Один останется в кафе, а второй поднимется вместе со мной в номер. И будет сидеть рядом с вами. Только в этом случае я приеду. Хочу вам сообщить, что они оба будут вооружены, а с дочерью я не приеду.

— Согласен, — сразу сказал Дронго, — но вы напрасно мне не доверяете.

— После того как пропала моя младшая сестра, я никому не доверяю, — сухо отрезала Кира, — когда нам приехать?

— Сегодня в пять. Традиционный чай в пять часов...

— Это у англичан традиционный, — возразила Кира, — а у французов это самое мёртвое время. Они собираются в семь или в восемь вечера. Но я приеду в пять. И учтите, что ещё несколько наших охранников будут точно знать, где я нахожусь.

Я буду вас ждать, — согласился Дронго, улыбнувшись. Она полагает, что он не знает разницы между французскими и английскими правилами. Он положил трубку, достал карточку и вышел из будки. Вернувшись в отель, он узнал номер телефона в «Плазе». Обычно номера были с большим количеством нулей, чтобы их можно было легко запомнить. Например, в «Бристоле» или в «Крийоне» номер заканчивался нулями, а в «Принце де Галле» вообще четырьмя семёрками. Но в «Плазе» был достаточно интересный и запоминающийся номер. Первые две цифры обозначали индекс города, следующие могли обозначать примерный район, а шесть последующих были собственно номером отеля. Поэтому номер все равно легко запоминался. Ноль один, пятьдесят три, шестьдесят семь, шестьдесят шесть, шестьдесят пять. При этом все звонившие во Францию знали, что в случае набора кода страны первый ноль набирать не следует.

Ему пришлось снова выйти из отеля и пройти в другую сторону, чтобы заказать себе номер в отёле «Плаза». Когда ему сообщили цену за одноместный номер, Дронго чуть поморщился. Цена была просто запредельной. Шестьсот пятьдесят это было слишком много за получасовой разговор с Киной Логутиной. Но другого выхода не было. Он продиктовал номер своей кредитной карточки и положил трубку. Ему всегда не нравилось тратить деньги своих клиентов, даже если они были такими богатыми, как Борис Самуилович.

Дронго повернул в очередной раз к своему отелю. В этом квартале он знал не только каждую улицу, а каждый дом, каждый магазин. Это был один из самых любимых его городов. Он хорошо помнил, как впервые попал сюда много лет назад, когда само слово «Париж» было символом чужой жизни, куда попасть было почти невозможно. Его первый визит был во многом смешным и поучительным. Потом он много раз бывал в этом удивительном городе. Прежний, почти мальчишеский восторг сменился любовью к этому городу, его набережным, его просторам, его людям. Он любил часами гулять по городу и однажды даже поставил своеобразный рекорд, пройдя пешком от улицы Риволи с востока до района Дефанс на крайнем западе столицы.

Раньше Париж вызывал только радость и восхищение. Теперь, прибывая в этот город, он

часто испытывал грусть и некое чувство недоумения. В его душе присутствовали ностальгические мотивы по прежнему Парижу, более спокойному и узнаваемому городу, который неуловимо менялся. И не всегда в лучшую сторону. На Елисейских Полях уже трудно было увидеть настоящих французов. Зато прибывшие гости заполняли рестораны и кафе, лежали на скамейках и прямо на тротуарах. Теперь здесь было гораздо больше арабов, африканцев, латиноамериканцев, азиатов и, конечно, выходцев из стран бывшего Восточного блока. Франция буквально задыхалась от нашествия незваных гостей, которые в конечном итоге спровоцировали погромы в парижских предместьях, ставшие предвестниками грозной бури, поднимавшейся над всей Европой.

Он вернулся в отель, поднялся в свой номер и сел у окна, глядя на небольшой внутренний дворик. До встречи ещё было много времени. Не следовало торопиться, в отель, находившийся на авеню Монтеня, можно прибыть за час до появления там Киры Логутиной.

Что он имеет на сегодняшний день? Из дома вышла и пропала молодая женщина. Она не взяла свою машину, что было бы логично, не забрала личных вещей и даже косметику или бельё, без которого ей, должно быть, очень трудно. Вполне возможно, что её уже нет в живых и все переезды госпожи Логутиной через Берлин — всего лишь умелая имитация. Такое вполне возможно. Но деньги она снимала сама. Это первый факт. И звонила своему другу. Он мог бы догадаться, если бы это была другая женщина. Второй факт. Однако она не позвонила своей старшей сестре, прибыв в Париж. А ведь очень любила её и доверяла Кире. Факт не в их пользу. И наконец молчание столько дней. Затянувшееся молчание, когда не работают её кредитные карточки и она никому не звонит. Второй факт не в её пользу.

Плюс странные случаи с Оглобиным и Репниковым, очевидно убитыми теми умелыми ребятами, которые так не хотят оставлять его одного. Третий факт не в её пользу. Судя по минусам, у Веры Логутиной мало шансов остаться в живых и спрятаться где-то в Париже. Она молчит уже девятнадцать дней. Чего она ждёт? Или не ждёт? Здесь, в Париже, вся эта затея с её отъездом кажется авантюрой. Зачем убежать в Париж, где живёт её старшая сестра, любимые племянники и есть муж сестры, имеющий собственную службу безопасности, который был в состоянии обеспечить ей надёжное убежище? Или её убрали прямо в Париже? Ждали, когда она появится у сестры? Тогда все совпадает и все понятно. Она сбежала от своих преследователей к своей старшей сестре и попала в Париже. Как там было у Юлиана Семёнова? «Пьяный воздух свободы сыграл с профессором Плейшнером злую шутку». Она взяла билет через Берлин, прилетела в Париж и была уверена, что здесь ей ничего не грозит. Возможно, сразу приехала к своей старшей сестре. И здесь её взяли. Только в том случае, если она улетала к сестре, Вера могла не думать о своей машине и оставленных в квартире личных вещах. У сестры она могла достать все, что ей было нужно. Это больше похоже на истину.

Он поднялся со стула. Начал одеваться. Все так, но не совсем так. Отличница, умница, серьёзный экономист. Не вернулась в квартиру. Мгновенно приняла решение, поняв, что в квартире её ждут. Заперла дверь и побежала вниз по лестнице. Поняла, что не стоит пользоваться лифтом. Не взяла машину. Проявила самообладание. Обналичила целую кучу денег в разных банкоматах. Взяла билет через Берлин. И глупо подставилась в Париже? Не позвонила сестре, когда прилетела во Францию. Не позвонила из Германии. Не учла, что её могут ждать и здесь? Не похоже. Она не дурочка, работала у премьер-министра, понимает, как легко вычисляют нужного человека. Что-то не сходится. Что-то не получается.

А если её сдали сам Каплунович и его жена? В жизни бывает всякое. Предают только свои, как говорят французы. Тоже не похоже. Зачем Каплуновичу устраивать этот глупый спектакль и обращаться к Дронго за помощью? Чтобы гарантировать своё алиби? Не подходит. Если она исчезла благодаря ему, то её никогда не найдут. И ему не нужно никакого алиби. Никто его не станет обвинять. Она уехала и исчезла. Вот и все. Был человек — и нет человека. А её единственный близкий родственник — старшая сестра. Опять не подходит. Каплунович явно заинтересован в том, чтобы найти Веру. Он и так потратил слишком много денег и усилий, чтобы многое о ней узнать. И обратился к Дронго, решив, что это его последний шанс.

Выйдя из отеля, он свернул налево, в сторону Елисейских Полей. Отсюда можно было дойти до авеню Монтеня минут за пятнадцать. Или за двадцать, если не очень торопиться. Он не торопился. До назначенного времени было ещё около трех часов.

Двенадцатое октября

Авеню Монтеня — небольшая улица в центре Парижа, составная часть «золотого треугольника», в котором находятся лучшие магазины самых известных компаний. Здесь же стоят несколько пятизвездочных отелей. Авеню Монтеня начинается на Елисейских Полях и кончается у моста, где находится печально известный факел, под которым погибла принцесса Диана. Отель «Плаза Атене» был построен почти сто лет назад, в тысяча девятьсот одиннадцатом году, и с тех пор здесь останавливались многие знаменитости, среди которых были самые ослепительные женщины — Жаклин Кеннеди, Марлен Дитрих, Грейс Келли. В отёле было всего сто восемьдесят семь номеров, среди которых выделялся «королевский люкс», площадью более пятисот метров. В отёле работал знаменитый шеф-повар Алан Дюкасс, и здесь находился ресторан, получивший три звезды Мишлена. Неудивительно, что супруги многих олигархов предпочитали назначать встречи и ужинать именно в этом ресторане.

Дронго не любил подобные отели. Не потому, что ему не нравилась кричащая роскошь в стиле Людовика Шестнадцатого. А потому, что подобные отели были предназначены для исключительно богатых людей. В «Крийоне», «Ритце», «Плаза Атене» самые лучшие номера были королевские и президентские, тогда как обычные одноместные номера предназначались скорее для слуг и помощников, чем для высокопоставленных гостей. Это не значит, что в одноместных номерах было меньше кричащей роскоши, банных халатов или светильников. Но комнаты были не столь большими и удобными, как классические комнаты в пятизвездочных стандартных отелях американского типа. Ему предоставили номер на четвёртом этаже в самом конце коридора. Дронго подумал, что здесь достаточно тихо и безопасно. К тому же рядом с его номером был запасный выход на пожарную лестницу, что его очень устраивало. Он написал номер своей комнаты на листке бумаги, вложил в фирменный конверт и, спустившись вниз, попросил передать этот конверт мадам Каплунович, которая должна будет подойти к пяти часам дня.

После этого он поднялся в номер и заказал себе обед. Теперь нужно было ждать. Если он ошибся, то вместо мадам Каплунович сюда поднимется один из её телохранителей или кто-то из его преследователей. И два бесшумных выстрела никто не услышит. А потом его тело найдут в этом отёле, и все газеты напишут о загадочной смерти известного эксперта, который оказался таким наивным и глупым. Нет, Каплунович не идиот. И те, кто продумывал эту операцию, тоже не похожи на кретинов. Они понимают, что убийство столь известного эксперта в таком отёле вызовет много ненужных вопросов. И тем не менее нельзя исключать возможность самого неожиданного хода со стороны тех, кто не заинтересован в том, чтобы он нашёл Веру Логутину. Если её, конечно, ещё можно найти.

На часах было десять минут шестого, когда он услышал осторожный стук. Подошёл к двери, посмотрел в глазок. В коридоре стоял высокий мужчина негроидной расы, осматривающийся по сторонам. И элегантная женщина, которую он сразу узнал. Она была в строгом тёмном платье, с небольшой сумочкой в руках. Волосы тщательно уложены. У неё был достаточно ухоженный вид, словно она явилась на премьеру в оперу, а не пришла к эксперту, занятому поисками её пропавшей сестры. Красивое, умное, немного злое и высокомерное выражение лица, какое бывает у очень богатых людей, ставших богатыми лишь к середине своей жизни. И подсознательно всегда боявшихся оказаться в своём прошлом.

Дронго открыл дверь. Чуть посторонился. Охранник вошёл в номер первым. Кира осталась стоять в коридоре.

— Вы господин Дронго? — холодно осведомилась она. — Именно таким мне описал вас мой муж.

— Тогда все правильно, — кивнул Дронго.

У неё были чуть узкие глаза и слишком идеальная кожа для лица. Он помнил, сколько ей было лет. И помнил её фотографию вместе с младшей сестрой. Там у неё было немного другое лицо. Наверно, сделала подтяжку. Сейчас начинают подтягиваться уже сразу после тридцати. А ей около сорока. Она внимательно смотрела на него, словно оценивая, кому именно муж платит деньги.

— Надеюсь, что я вас не разочаровал? — с явным вызовом спросил он.

— Нет, — ответила она, не сводя с него взгляда. — Просто интересно. Ваш рост вам не мешает? Говорят, что люди вашей профессии должны иметь незапоминающуюся внешность и средний рост.

Кто говорит? — усмехнулся Дронго. Он был даже выше её охранника, который тоже не маленького роста. Охранник внимательно проверил его комнату, прошёл в ванную, открыл все шкафы, словно в них мог спрятаться неизвестный помощник-лилипут. И взглянул на свою хозяйку.

— Все чисто, — доложил он по-французски. Очевидно, Кира не очень доверяла охранникам из своей страны. Это тоже было характерно для разбогатевших нуворишей.

— Спасибо. Мне можно войти? — спросила она, уже обращаясь к Дронго.

— Конечно.

Она вошла. Охранник стоял у дверей. Он вопросительно взглянул на свою хозяйку.

— Мне остаться? — спросил он по-французски.

— Нет, — ответила она тоже по-французски, — подожди в коридоре.

Когда дверь мягко закрылась, она прошла в комнату и села в единственное кресло, закинув ногу на ногу. Открыла сумочку и достала пачку сигарет.

— У вас нет зажигалки? — спросила Кира.

— У меня номер для некурящих. — Ему даже нравилась её бесцеремонность.

Она бросила пачку сигарет в сумочку, захлопнула её. Положила сумочку на столик.

— Что вы хотите у меня узнать? — нервно спросила она.

— Насчёт вашей сестры... — Он взял стул и уселся напротив.

— Я думала, вас наняли, чтобы вы нам рассказали о том, куда она могла сбежать, — язвительно заметила Кира. Большие деньги её определённо портили. Она уже не могла разговаривать с людьми, стоявшими ниже её по своему социальному статусу. Ей казалось, что раз муж платил деньги этому эксперту, то он был одним из тех многочисленных слуг, которые её окружали.

— Меня никто не нанимал, — угрюмо заметил Дронго, — я всего лишь эксперт, согласившийся помочь вашей семье найти вашу исчезнувшую сестру. И если вы будете продолжать разговор в подобном хамском тоне, я просто отсюда уйду. А ваш муж пусть ищет другого эксперта.

Она несколько удивлённо взглянула на него. Так с ней давно никто не разговаривал.

— Вы хотите сказать, что я хамка? — изумлённо уточнила Кира.

— Пока нет, но ваш тон мне не очень нравится.

— Я должна подстраиваться под ваше настроение?

— Вы должны вести себя как женщина, у которой исчезла младшая сестра. Будет достаточно, если вы увидите во мне друга.

Она улыбнулась. У неё был хороший дантист. И идеально подогнанные зубы. Очевидно, имплантаты.

— Вы хотите стать моим другом? — с вызовом спросила Кира, хищно облизнув губы.

Я хочу стать человеком, который найдёт вашу сестру. — Она не нравилась ему все больше и больше, но он обязан понять, почему Вера не позвонила своей старшей сестре. Может, из-за её сложного характера.

Кира посмотрела на сумочку. Очевидно, ей хотелось курить, но сказывались годы, проведённые в Европе. Она знала, как строго карается курение в запрещённых местах. И если номер был для некурящих, то дым будет мгновенно обнаружен. Не говоря уже о распространяющемся по всему коридору запахе.

— Что я должна вам рассказать? — спросила она. — Или вы думаете, что я не хочу найти свою единственную сестру? Вы можете себе представить моё состояние все эти дни, пока её нет? Или вы думаете, что мне так легко с вами встречаться и разговаривать?

— Вы верите, что она могла приехать в Париж и не позвонить вам?

— Нет. Не верю. Она знает, что я всегда буду на её стороне. Что бы она ни сделала.

— Вы думаете, что она не приехала в Париж?

Уверена, что нет. Её взяли в Москве, и поэтому она не вернулась даже в свою квартиру. А

это было так логично. Вернуться в свою квартиру и сразу перезвонить мне. У мужа в Москве собственная служба безопасности его компании. Мы бы послали пять, десять, пятнадцать человек. Сколько нужно для охраны. Вывезли бы её за город, постарались спрятать. Но она не вернулась и не позвонила. Я убеждена, что её забрали прямо в Москве. Я только не знаю, что с ней сделали. И мне страшно об этом даже думать.

— Если предположить невероятное, что вы ошибаетесь и она все-таки прилетела во Францию, но по каким-то причинам не захотела вам звонить, где в таком случае она могла спрятаться?

— Только у меня. Больше ей некуда бежать. У неё не было близких знакомых в Париже. Но она не позвонила.

— Её бывший друг сообщил, что они дважды отдыхали в Испании. Как вы считаете, в какую страну она бы поехала, если бы осталась одна? Где ей нравилось более всего?

— Не только в Испании. Ещё на юге Франции, в Швейцарии, в Италии, на Сардинии. Хотя это тоже Италия. Нет, я не знаю где. Хотя она один раз говорила, что её мечта поехать по Испании или по Италии, побывать в разных городах. Да, она один раз мне такое сказала. Но я не придала этому значения.

— Следующие вопросы, которые я буду вам задавать, могут показаться вам достаточно бестактными или неприличными. Но мне важно получить на них ответ.

— Спрашивайте. Я уже поняла, что вы достаточно бестактный человек, — криво улыбнулась Кира.

На руке у неё было дорогое кольцо с крупным бриллиантом.

— Только предупреждаю, — сказал Дронго, — о нашем разговоре не должен знать никто. Даже ваш муж.

— Что вы хотите узнать?

— У неё были состоятельные любовники?

— В каком смысле?

— Богатые мужчины...

— Я понимаю, что значит «состоятельный любовник». Я только не понимаю, насколько состоятельный. Если вы спрашиваете про Сашу Линдта, то он был всего лишь обеспеченный человек.

— Разницу можете мне объяснить между состоятельным и обеспеченным?

Она снова улыбнулась. Он был прав. Она успела сделать себе подтяжку лица. Улыбка выходила какой-то кривой. И зачем молодые женщины так уродуют свои лица? — подумал Дронго.

— Саша был просто состоятельным, а мой муж очень обеспеченный человек. Теперь понятна разница?

— Примерно. Тогда я спрошу по-другому. Кто мог подарить вашей младшей сестре часы стоимостью в сорок или пятьдесят тысяч долларов?

— У неё не было таких часов, — нахмурилась Кира.

— Я всего лишь спрашиваю.

— У неё не было таких часов! — закричала она. — Что вы себе позволяете? У неё никогда в жизни не было таких часов!

Не кричите, — попросил Дронго, — иначе ваш охранник ворвётся к нам в номер. Скажите, кто мог подарить ей такие часы?

— Никто...

— Александр Линдт?

— Он был не такой богатый.

— Репников?

— Никогда в жизни. Жадный и эгоистичный.

— У неё были другие друзья?

— В молодости были. Но таких миллионеров рядом я не помню. И часов таких у неё не было. Если вам кто-то наплёл про неё, то это полный бред.

— Возможно. — Он не стал рассказывать ей о найденных часах. — Тогда другой вопрос. У неё были сексуальные проблемы?

Она гневно взглянула на него.

Вы ненормальный, — с отвращением заявила Кира, — откуда такие вопросы? Какие сексуальные проблемы? Она нормальная молодая женщина. И встречалась с молодыми людьми своего возраста. Почему вы задаёте мне такие гадкие вопросы?

— Я ещё раз вас спрашиваю. У неё были какие-нибудь сексуальные расстройства? Может, в детстве?

— Никогда в жизни. Абсолютно нормальная девочка. Не понимаю, почему вообще вы спрашиваете?

— Она рассталась со своим другом больше двух лет назад. И с тех пор ни с кем не встречалась?

Я не знаю, какой вы эксперт, но вы ничего не понимаете в женской психологии, — гневно заявила Кира, — она была красивая и нормальная молодая женщина. Время от времени она с кем-то встречалась, но это были не те люди, с которыми она могла бы связать свою дальнейшую жизнь. Саша был настоящий слизняк, не готовый для семейной жизни. Ей нужно было найти настоящего мужчину, а в наше время это не так просто.

— Спасибо за лекцию о женской психологии, — иронично ответил Дронго, — учту на будущее.

— Учтите. Что ещё вам нужно знать, чтобы найти Веру? Как она спала в детстве? С кем встречалась? Или когда у неё были первые месячные? Вы кажетесь мне абсолютно больным человеком. Я так и передам мужу. Непонятные вопросы, ненужная встреча в этом отёле, ваше назойливое любопытство к интимной жизни моей сестры. Таким образом вы хотите найти её? Вы думаете, что она сбежала с очередным любовником?

Кира выкрикивала эти слова, и её лицо покраснело от гнева. Дронго сидел на стуле, молча наблюдая, как она кричит.

— Кто вы такой? Что вы себе позволяете? — орала она. — Что за идиотские вопросы вы мне задаёте? Какие богатые любовники? Почему вас интересует её интимная жизнь? Кто вам разрешил задавать такие вопросы?

Она попыталась подняться, но когда привстала, Дронго протянул руку и легко толкнул её на место. Она изумлённо взглянула на него. Крик застрял в горле. Она даже не вспоминала о своём телохранителе, стоявшем за дверью.

— Успокойтесь, — холодно посоветовал Дронго, — и не кричите. Если я спрашиваю, значит, так нужно. Я хочу помочь вам и найти вашу сестру. Поверьте, что мною движет не просто глупый интерес к её личной жизни. Позвоните своему мужу и спросите про часы, которые нашли в квартире вашей сестры. Он обещал рассказать вам про них.

— Он сказал, что у Веры были дорогие часы, — вспомнила Кира.

— Не просто дорогие, это были часы от Делано. Которые делаются в очень ограниченном количестве.

Она была женой одного из самых богатых людей и прекрасно знала, сколько могут стоить такие часы. Именно поэтому она вдруг успокоилась. Не может быть, — прошептала Кира.

— Может. Модель «Баттерфляй» в форме бабочки. Белое золото, часы инкрустированы ста шестьюдесятью двумя бриллиантами почти в четыре с половиной карата, сапфировое золото с двенадцатью гранями. Застёжка из белого золота с ещё семнадцатью бриллиантами. Убедил?

Она тяжело вздохнула.

— Вы видели эти часы? — тихо спросила Кира.

— Видел. И не думайте, что мне так нравится копаться в чужом бельё.

— Откуда у неё такие часы?

— Если вы не знаете, то почему вы думаете, что я могу знать?

— Даже не представляю. — Было очевидно, что ей трудно свыкнуться с мыслью, что у Веры были такие часы. И возможные секреты от старшей сестры.

— Вспомните, — настойчиво попросил Дронго, — может, она говорила, что готовит для Репникова какой-то обзор? Или доклад? Может, рассказывала вам о своих встречах с журналистом Оглобиным? Что-то вы наверняка слышали?

— Ничего. Меня спрашивал об этом муж. Я ничего не знала.

— Ясно. Какой вид транспорта она больше любила? Самолёт, поезд, пароход, автобус, машину?

— Машину, конечно. Ей нравилось самой водить. А вообще она чаще всего летала в самолётах. Говорила, что так удобнее. Она была очень рациональным человеком.

— Спасибо. Я сейчас выйду, а вы подождите. И уйдёте минут через десять. Если мне понадобится вам позвонить, я снова наберу номер телефона вашей дочери. Договорились?

— Да. — Она кивнула и, протянув руку, все-таки достала пачку сигарет из сумки. Тяжело вздохнула. — Не знаю, какой вы эксперт, — призналась она, — но я так переживаю за Веру. Постарайтесь её найти. Я всегда думала, что знаю о своей сестре абсолютно все. Возможно, что я ошибалась.

Для неё это было почти извинением. Дронго её понял.

— Вы думаете, что она ещё жива? — с надеждой в голосе спросила Кира.

— Возможно, — ответил Дронго, — во всяком случае, я сделаю все, чтобы её найти. До свидания.

Он вышел из комнаты, оставив открытой дверь. Охранник осторожно заглянул в номер, когда Дронго уже начал спускаться по пожарной лестнице. Кира сидела в кресле, глядя перед собой. Она словно постарела на несколько лет. Перед ней лежала пачка сигарет.

Тринадцатое октября

В это утро Дронго проснулся необычно рано. Так часто случалось, когда он вылетал в другие страны. И размышлял о порученном ему деле. В эту ночь в его сны вторгались Борис Каплунович, Александр Линдт, Кира Логутина, супруга Репникова и даже молчаливая женщина, наблюдавшая за их беседой в рижском отёле. Мозг словно выстраивал и анализировал события последних дней, вспоминая самые важные моменты.

Дронго взглянул на часы. Около семи утра. Будем исходить из возможности прибытия Веры Логутиной в Париж. Если нет, тогда все бесполезно. Она решает выбрать знакомый Париж, в котором много раз бывала и где хорошо ориентируется. Такое вполне возможно. Но, по неизвестным пока причинам, старшей сестре она не позвонила. Давай рассуждать. Если она приехала в знакомый город, то должна искать знакомых? Нет, не похоже. К своему бывшему другу она позвонила, но не поехала. Значит, понимала, что её могут там вычислить.

Если они так оперативно и быстро смогли вычислить самого Дронго, организовав наблюдение в Риге, то вполне вероятно, что могли вычислить и Веру. Если она это поняла, то правильно решила не появляться в Риге и не звонить старшей сестре в Париже, чтобы невольно не подставлять её. Логично? Возможно. Она была достаточно разумным человеком, если приняла решение не возвращаться обратно домой.

Но она все-таки появилась в Париже. Если у неё был свой план и Вера заранее просчитала возможность не встречаться с сестрой, то получается, что она продумала другую возможность. Какую? От волнения начал потеть затылок. Трудно решать подобные задачи, не имея никаких фактов. Хотя ей нравились страны с мягким климатом. Италия, Испания, Хорватия. Последняя сразу отпадает. Ей нужно было выехать из Шенгенской зоны, и на границе она должна была отметиться. Нет, не подходит.

Он поднялся с кровати, продолжая размышлять. Она прилетела в Париж, чётко представляя, что здесь оставаться нельзя. Но Париж она хорошо знает. Значит, должна отсюда уехать. Иначе, проверив, куда она взяла билет, её будут искать именно в этом городе. Куда она могла отсюда уехать?

Самолёт исключается. Все списки пассажиров вносятся в компьютеры. Нужно предъявлять документы, даже на внутренних линиях. Она не станет так рисковать. Возьмёт машину? Нет. Для этого ей нужно предъявить не только документы, но и свои кредитные карточки. А это значит указать своё местонахождение. Не говоря уже о том, что машину легче контролировать и её нужно все время заправлять бензином. Нет, этот вариант отпадает.

Поезд. Похоже, что она могла выбрать именно этот вид транспорта. Купить билет на поезд. Но в таком случае куда? Он встал и прошёл в ванную.

Включил горячую воду, встал под душ. Итак, поезд. Он помнил все основные

направления, куда идут поезда из Парижа. Она бы не стала выбирать обычный поезд. Он идёт слишком медленно и останавливается на каждой станции, а ей нужно быстрее покинуть Париж. И чтобы не было остановок в пути. ТЖВ. Скорые французские поезда. Основные направления на юг в Ниццу и в Милан. В Рим уходит ночной поезд. Нет, она бы не стала ночевать в поезде. Прибыв утром в Париж, она должна была отправиться на вокзал, чтобы сразу уехать из столицы Франции. Если его рассуждения верны, то она заранее решила, куда поедет. Южное направление. Два поезда в Ниццу и в Милан. Кажется, оба выходят примерно часов в одиннадцать. Или чуть позже. Она могла успеть на оба этих поезда. Куда ещё? Есть скорый поезд до Кёльна через Брюссель. Кажется, он называется ТАЛЛС, или что-то в этом роде. Но северный маршрут исключён. Зачем прилетать в Париж из Берлина, чтобы потом вернуться в Германию? Достаточно было сесть на скорый поезд в Берлине и примерно через четыре часа оказаться в Кёльне. Значит, северный маршрут исключён. Она ведь не шпион, чтобы запутывать своих преследователей. Ей просто нужно отсюда куда-то сбежать.

Дронго вытерся большим полотенцем, начал одеваться, продолжая размышлять.

Два поезда на юг. В Ниццу и в Милан. Он точно помнил, что есть два таких поезда — экспрессы ТЖВ на юг. Какие ещё есть поезда? Экспресс «Евросити» в Англию? Он ходит почти каждый час, но для этого нужно выехать из Шенгенской зоны и снова предъявить свой паспорт в Англии. Не подходит. Тогда ещё один поезд. Он, кажется, выходит в одиннадцать с небольшим. Это скорый поезд в Бордо и оттуда в Тулузу. Остальные поезда выходят вечером. Скорый ночной поезд на Барселону и скорый ночной на Мадрид. Кажется, первый назван по имени Хуана Миро, а второй... Нет, он сейчас не вспомнит, как назван второй. Но они отходят ночью. Гость проводит в поезде одну ночь. В вагонах первого класса есть купе с индивидуальной душевой кабиной, туалетом. Бесплатный ужин и завтрак включены в стоимость билета.

Дронго вдруг подумал, что мог бы работать в туристическом бюро, настолько хорошо он знал расписание скорых поездов, курсирующих по странам Европы.

Лучшие среди поездов были, конечно, скорые немецкие поезда, отличавшиеся особым комфортом и скоростью. Очень хорошим он считал испанский поезд АВЕ, курсирующий между Мадридом и Севильей. Английские поезда были традиционно самыми плохими среди стран Западной Европы, французские чуть лучше остальных. Он наконец вспомнил, как назывался ночной поезд, отправлявшийся из Парижа в Мадрид. Его назвали в честь великого испанского живописца «Франциско Гойя».

Он взглянул на часы. Если он поторопится, то может успеть на утренний сеанс связи с Эдгаром. Они договорились связываться два раза в день. Дронго быстро вышел из комнаты, мягко захлопнул дверь, поспешил по коридору из отеля. Он помнил, что рядом находилась телефонная будка. Как раз успеет. Дронго перешёл улицу и вошёл в будку. Набрал номер телефона Эдгара. Он должен его сейчас включить. Нет, телефон пока выключен. До назначенного времени есть ещё две минуты. Дронго вышел из будки, медленно прошёл дальше, глядя на витрины ещё закрытых магазинов.

Она бы не рискнула оставаться в Париже весь день. Значит, есть только три варианта. Три поезда. Один в Тулузу и Бордо, второй до Лазурного Берега и третий в Милан. Три возможных варианта. И он обязан вычислить, каким маршрутом она могла воспользоваться. Если направлялась в Италию, то могла выбрать Ниццу или Милан. Из Ниццы легко добраться до Сан-Ремо. А если она выбрала Испанию, то должна была сесть в поезд, следующий до Бордо и Тулузы. Оттуда легко добраться до Барселоны, либо через французский Нарбонн, либо через испанский Порт-Бои.

Конечно, из Парижа есть очень много поездов, отправлявшихся в столицы других государств. Но основные направления на восток и в Англию абсолютно исключаются. Она также не могла выбрать Швейцарию. Чтобы попасть туда, нужно пересечь границу Шенгенской зоны. Остаются три возможных варианта, из которых он должен угадать один.

Репникова говорила с некоторым раздражением о журналисте Оглобине. Дронго вспомнил, что внимательно изучал все статьи исчезнувшего парня. Тот сделал несколько оскорбительных выпадов в адрес бывшего премьера. Будем считать, что он выступал против этого чиновника. И его за это убрали. Но тогда нелогично, что эти же люди убирают Репникова.

Ведь тот был на стороне бывшего премьера. И зачем преследовать Веру Логутину, которая тоже работала в аппарате кабинета министров? По логике получается, что Оглобина убрали люди, близкие к бывшему руководству страны. Но тогда зачем убирать Репникова и Логутину? Ведь они «играют» на другой стороне. Если разобраться, то это противоречие нервировало его с самого начала. А после слов вдовы Репникова стало ясно, что он не ошибается. Тогда получается, что действуют сразу две группы. Одна за бывшего премьера, другая против. И две группы охотятся на разных неугодных свидетелей. Слишком невероятно. Или, наоборот, слишком правдоподобно?

Он вернулся в будку, набрал номер. На этот раз Эдгар ответил.

Я с ней встретался, — сообщил Дронго, — и если я правильно понял, она не верит, что её сестра прилетела в Париж.

— Тебе нужно быть осторожнее, — быстро сказал Эдгар, — они следят за нами, даже не пытаюсь спрятаться. Мы проверили по номерам машин. Все на разные организации. И сразу уходи, когда закончишь разговор. Они могут тебя найти.

— Все так плохо?

— Гораздо хуже, чем ты думаешь. Мы точно подсчитали все дни, которые Логутина провела в Шенгенской зоне. Ей осталось только четырнадцать дней. Даже не месяц, как считал Каплунович. Мы проверили по дням. Потом она должна оттуда уехать. Или её найдут, или она вернётся...

— Ясно. До свидания.

— Будь осторожен, — второй раз сказал Вейдеманис, и это было на него совсем не похоже.

Дронго положил трубку. Нужно вернуться в отель и собрать вещи. Если Эдгар прав, они все равно его вычислят. Придётся переезжать в другой отель. Здесь нельзя оставаться. И заказать номер тоже нельзя. Лучше поехать куда-нибудь на вокзал и снять там любой номер в недорогой трехзвездочной гостинице. А затем попытаться проверить её французскую карточку.

Тринадцатое октября

На часах было около двух, когда в кафе вошёл пожилой мужчина. У него были грубые черты лица, словно вытесанные из камня. Седая шевелюра, крупный нос, умные, внимательные глаза. В руках он держал трубку. Мужчина кивнул бармену, стоявшему за стойкой, как своему знакомому. Тот кивнул в угол, где сидел Дронго. Мужчина повернулся и подошёл к этому столику. Дронго быстро поднялся. Рукопожатие было крепким. Они давно знали друг друга. Это был комиссар Дезире Брюлей, с которым Дронго познакомился много лет назад. Именно тогда молодого эксперта приняли в своеобразный клуб выдающихся детективов современности. Дронго любил и уважал этого грубоватого и прямолинейного комиссара, который давно уже был легендой в Европе.

— Что случилось? — спросил Брюлей. — Ты никогда не звонишь просто так. А я слышал, что ты летаешь в Париж чуть ли не каждый месяц. — По-английски он говорил с очень сильным акцентом, тщательно подбирая слова. Он знал, что его собеседник не говорит по-французски.

— Иногда бываю, — улыбнулся Дронго, — но не хочу вас беспокоить.

— А беспокоишь только в чрезвычайных ситуациях, — снова повторил Брюлей, — я буду не против, если ты однажды приедешь на ужин. Мадам Брюлей все время о тебе спрашивает.

— Спасибо. Вы знаете, как я люблю вашу семью.

— Сам и расскажешь. Что произошло?

— Исчезла женщина. Она прилетела в Париж и сразу исчезла...

— Откуда прилетела?

— Из России. Через Берлин.

— Ты знаешь, сколько у нас пропадает ежемесячно женщин, прибывающих из Восточной Европы? Ты думаешь, что её можно найти?

Это другой случай. По моим данным, она прилетела, спасаясь от возможного преследования. Её хотели убить в Москве. Но она поступила достаточно умно, успела сбежать

и не вернулась в свою квартиру, даже не воспользовалась машиной, стоявшей в гараже, чтобы её не могли вычислить. Самое главное, она достаточно обеспеченный человек. У неё есть счета в нескольких банках, в том числе кредитная карточка банка «Кредит ди Норд». Она сняла деньги с других карточек российских банков, чтобы не выдавать себя. Понимала, что российские банки можно проверить. Но французский банк мы проверить не можем по понятным причинам. И у её преследователей похожие проблемы. В вашей стране трудно получить доступ к подобной информации. А мне необходимо знать, куда она могла поехать.

— И ты хочешь, чтобы я помог тебе проверить её карточку во французском банке?

— Точно.

Брюлей усмехнулся. Покачал головой:

Надеюсь, ты сам понимаешь, о чем меня просишь? Банковская тайна во Франции охраняется законами нашей страны. Нельзя так просто позвонить в банк и узнать, где активирована кредитная карточка их клиента. Это почти невозможно.

— Я понимаю.

— Полагаю, что нет. Невозможно получить подобные данные без решения суда.

— Это очень важно, комиссар. И у меня почти нет времени. По моим сведениям, она прилетела во Францию достаточно давно. И наверняка за эти две недели где-то предьявляла свою французскую карточку. Возможно, что нет. Но в любом случае она не использовала другие кредитки.

— Вы уже проверили другие банки?

— Разумеется. И я думаю, что даже послали запрос во французские банки. Возможно, что её враги оказались более проворными, чем я.

— Даже так?

Я говорю, что очень возможно.

— Сложная задача, — пробормотал комиссар Брюлей, — говоришь, «Кредит ди Норд»?

— Да. И это тот случай, когда, кроме вас, никто не поможет.

Комиссар угрюмо молчал. Дронго терпеливо ждал.

— У меня там есть знакомый директор, — наконец сказал Брюлей. — Можем проверить по компьютеру, где она использовала кредитную карточку. Но только проверить. И учти, что сумму нам не скажут. Ни остаток, ни сколько снимали со счета. Это банковская тайна, и никто её не станет нарушать. Это абсолютно исключено.

— Согласен. Только пусть подскажут, где она использовала эту карточку. Хотя бы один раз.

— Сейчас позвоню. — Комиссар достал из кармана телефон.

Дронго сдержал улыбку. Брюлей не любил технических новшеств, но, очевидно, и ему пришлось согласиться на использование подобных вещей. Прогресс был необратим, даже в случае с таким человеком, как комиссар Дезире Брюлей.

— Как её зовут? — уточнил комиссар.

— Вера Логинова. — Дронго назвал номер кредитной карточки. Шестнадцать цифр он помнил наизусть.

Брюлей крикнул от удовольствия.

— Всегда поражался твоей памяти, — пробормотал он и набрал номер своего знакомого.

Дронго пришлось ждать достаточно долго, пока комиссар разговаривал, уточняя телефон своего знакомого. Затем позвонил ещё раз. Потом несколько минут ждал звонка. И снова кого-то убеждал. Опять перезванивал. Что-то записывал. И наконец убрал аппарат. Брюлей разговаривал по-французски, и Дронго мог лишь догадываться, о чем именно он говорил.

— Он просил больше не обращаться с подобными просьбами, — пояснил комиссар, — можешь записать. Первый раз твою карточку предьявили две недели назад в Тулузе. Там она покупала сэндвич и, очевидно, не было мелочи. Или сдачи. Она предьявила свою кредитную карточку на вокзале. А второй раз неделю назад она использовала кредитную карточку в Малаге. В такси. Очевидно, тоже куда-то торопилась. Больше ничего нет.

— Вы меня выручили комиссар, — обрадовался Дронго, — я не знаю, как вас благодарить.

Чтобы получить подобные сведения официально, тебе пришлось бы ждать месяца три, —

невозмутимо продолжал комиссар, — сначала нужно сделать официальный запрос через прокуратуру, затем получить разрешение Министерства финансов Франции, Центрального банка нашей страны. Потом снова согласовать с прокурором и ждать решения суда. А после этого получить подтверждение Министерства юстиции. И ждать, пока «Кредит ди Норд» рассмотрит все эти запросы на заседании совета директоров, проверит сведения по её карточке и, вполне возможно, решит отказать. А затем нужно будет подавать повторное прошение и жалобу в апелляционный суд. Я ещё ошибся, когда сказал про три месяца. Вся эта процедура заняла бы у тебя месяцев шесть — и без всяких гарантий на успех.

— Представляю, — уныло согласился Дронго, — иногда официальная процедура занимает больше времени. Но у меня нет в запасе шести месяцев. И боюсь, нет даже месяца. Я думаю, что мне уже сегодня нужно вылететь в Испанию.

— Очевидно, это будет Малага, — пробормотал комиссар, — знаешь, почему я перезвонил? Узнал, где именно она активировала свою кредитную карточку. В банковском отчёте указан номер договора и время, когда она расплатилась своей карточкой. Ты ведь захочешь поговорить с водителем? Значит, легко вычислишь его по этому номеру. Я все записал. — Он протянул записку Дронго.

— Вы сделали мне подарок, — смутился Дронго, — спасибо. Я ваш должник, комиссар.

— Насчёт ужина не забудь, — пробормотал комиссар, — а теперь беги. Можешь ещё успеть улететь в Малагу. Туда есть два вечерних рейса «Эйр Франс».

Дронго поднялся, протягивая руку комиссару Брюлею.

— Мой привет вашей супруге, — сказал он на прощание, — даже не представляю, что бы я без вас делал.

Через полтора часа он был в аэропорту Шарля де Голля. Уже направляясь на посадку, он вошёл в газетный киоск, чтобы взять газеты в самолёт, когда увидел набранный заголовок в «Интернейшнл геральд трибюн». Там было указано, что бывший премьер-министр России готов выступить с сенсационными разоблачениями сразу после своего возвращения в Москву через шесть дней. Дронго протянул руку и взял газету. Он почувствовал, как сильнее бьётся сердце. Кажется, четырнадцать дней у них просто не будет. Можно было догадаться, что Вера использует не все время. Она рассчитывала именно на эту дату, после которой, возможно, станет неинтересной своим преследователям. Или, точнее, не опасной. Шесть дней. Значит, он собирается выступить девятнадцатого.

И если все правильно, то Дронго должен позвонить из Малаги Эдгару Вейдеманису и сказать своему напарнику и другу, что у них нет четырнадцати дней. У них осталось только шесть. И за этот срок он либо найдёт Веру Логутину, либо её найдут другие люди, после чего её можно будет уже не искать. Дронго был уверен — она выбрала один из трех маршрутов. Поезд ТЖВ на Бордо и Тулузу. Очевидно, прямо из аэропорта Вера поехала на вокзал Монпарнас, откуда уходили поезда в этом направлении. Дронго свернул газету и пошёл на посадку. В самолёте сильно трясло, но он почти не обращал внимания на турбулентность. В эти мгновения его волновали совсем другие мысли.

Четырнадцатое октября

Он прилетел в Малагу поздно вечером. Понимая, что ночные поиски ничего не дадут, он заказал на одну ночь номер в отёле, чтобы уже утром отправиться в офис таксомоторной компании. Он выбрал отель «Лас-Вегас», расположенный возле арены для боя быков. Дронго попросил самый тихий номер, и ему предложили комнату в конце коридора. Приняв душ, он лёг спать, проваливаясь в сон. Тревожно шевельнулась мысль, что он не успел выйти вечером на связь с Эдгаром, прибыв слишком поздно в Малагу. Из Парижа они летели около трех часов.

В эту ночь ему снились тревожные сны. Он видел Веру, которая пыталась ему что-то сказать. Видел её старшую сестру, которая молчала в ответ на все его вопросы и странно улыбалась. Видел вдову Репникова, которая тоже молчала и так же странно улыбалась. Самой удивительной в эту ночь была его полная беспомощность. Обычно он умел управлять своими снами, отдавая себе отчёт, что находится в другом мире, где существуют другие физические законы. Там он мог летать, исчезать, моделировать ситуации по своему усмотрению. Но в эту

ночь он был словно лишён этих возможностей.

На следующее утро он спустился позавтракать в небольшой ресторан. Там почти не было посетителей. В середине октября здесь уже заканчивался сезон для отдыхающих, хотя тёплая осень по-прежнему привлекала сюда тысячи людей в более дорогих отелях. Но это были люди, которые могли себе позволить затянувшийся отдых в октябре.

Выйдя из отеля, он довольно долго ходил по городу, ожидая, когда подойдёт время звонка. Затем купил телефонную карточку и подошёл к телефону, чтобы набрать номер. Огляделся по сторонам и позвонил. Телефон был отключён. Дронго взглянул на часы. Он не мог спутать время. Уже целую минуту Эдгар обязан был включить аппарат. Подумав немного, он позвонил ещё раз. Аппарат был отключён. Это уже совсем плохо. Нужно использовать резервный вариант. Дронго набрал номер второго аппарата, Леонида Кружкова. Если и этот телефон не будет включён, значит, произошло самое страшное. На этот раз аппарат работал, и Кружков ответил почти сразу.

— Доброе утро, — быстро сказал Кружков, — у нас неприятности. Эдгар просил не звонить. До свидания.

Дронго нахмурился. Значит, Эдгар решил, что нужно задействовать третий вариант. Третий вариант означал, что в Москве произошло нечто чрезвычайное. И это было не просто плохо, а очень плохо. Третий вариант, который они предусмотрели, была связь через сестру знакомой Эдгара, с которой он уже полтора года встречался. Это был вариант на самый крайний случай. Сестра подруги Вейдеманиса работала в салоне красоты, и звонок туда не мог вызвать подозрения. Днём там должен появиться сам Эдгар. Дронго достал карточку и поспешил уйти. На часах восемь ноль две. Он задумчиво шёл по улицам просыпавшегося южного города. Если третий вариант, то он должен немедленно звонить в Рим. Или подождать? Нет, ждать нельзя. Это слишком опасно. Он всегда боялся именно подобных слов. И именно такого варианта.

Увидев следующий телефон, он подошёл к нему. Слишком рано? Он разбудит Джил и детей. Но ждать нельзя. Если все рассчитано правильно, то у него нет в запасе ни одного часа. Эдгар Вейдеманис не тот человек, который станет так глупо шутить. Девятнадцатое число. Сегодня уже четырнадцатое. Осталось пять дней.

Дронго неслышно выругался и подошёл к телефону. Набрал номер. Довольно долго ждал, пока наконец ответила Джил.

— Доброе утро, графиня Вальдано. — Он иногда шутил, вспоминая, к какому аристократическому роду она принадлежала.

— Что-то произошло? — Она уже знала, что он никогда не звонит так рано.

— Как обычно...

— Уже во второй раз, — напомнила Джил.

— Я знаю.

— Нам нужно уезжать? — На этот случай все было обговорено заранее.

— Прямо сейчас.

— И опять никому не говорить. Даже тебе?

— Все правильно. Ты молодец.

— На сколько дней?

— На неделю. Но так, чтобы никто не знал, куда вы едете. Даже твой отец. Ни один человек.

— Я помню. Самое удивительное, что нельзя об этом говорить даже тебе. Мне нужно время, чтобы собрать детей.

— У тебя его нет. Минут тридцать или сорок. И не садись за руль, машину могут вычислить. Вызови такси, потом поменяй его в городе.

— Хорошо. Как тебя найти?

— Дай объявление в швейцарской газете, что у вас все нормально. Ты знаешь. Все как обычно. Я пошлю туда своё сообщение. Через два дня.

— У тебя всегда эти непонятные шпионские игры, — пробормотала Джил, — как ты себя чувствуешь?

— Пока неплохо.

— А потом ты будешь чувствовать себя виноватым и проведёшь целый месяц с нами. Я права?

— Абсолютно.

— До свидания.

— До свидания. Спасибо, что все понимаешь...

— Что мне ещё остаётся делать?

Дронго положил трубку. Через час их уже там не будет. Это самое важное, что он сейчас может сделать. Но пока в Москве только десять часов утра. Эдгар будет в салоне в четырнадцать. Значит, сейчас он должен отправиться в офис таксопарка и найти машину, за проезд в которой расплатилась Вера Логунова.

Найти офис оказалось несложно. Уже через полчаса он сидел в компании у дежурного менеджера, пытаясь выяснить, в какой именно машине ездила Вера. Современная цивилизация предоставляет человеку массу возможностей для комфортной жизни, но вместе с тем незримо присутствует рядом с ним, когда человек расплачивается кредитными карточками, получает деньги в банкомате, звонит по сотовому телефону, передвигается на самолётах или в поездах, предъявляя паспорт или водительские права, когда берет в аренду автомобиль, останавливается в отелях или кемпингах.

Достаточно быстро он сумел узнать, что она подъехала к вокзалу в половине первого дня. Ещё через некоторое время он уже был на вокзале. В тринадцать ноль четыре отходил поезд в Севилью, в тринадцать двадцать две — в Мадрид. Теперь следовало принять решение. В Мадрид она бы не стала возвращаться, слишком шумный город, в котором может быть много её соотечественников. Значит, Севилья. Там должно быть ещё больше её соотечественников. Туристический центр Андалусии. В начале октября ещё очень много гостей. Или из Севильи она куда-то отправилась? Слишком рискованно. Она не может себе позволить все время ездить в поездах. Ей нужно конкретное место, где она сможет остановиться. Дронго подошёл к расписанию движения поездов. Отсюда она решила уехать в Севилью. И по дороге поезд должен пройти через Кордову. Более тихий город, где гораздо меньше туристов. Особенно в октябре. Южный андалусийский город, где она может переждать несколько дней. Осталось только пять дней. Пять дней. Если он все правильно просчитал.

Он взглянул на часы. Нужно вернуться в отель, забрать вещи и выехать в Кордову. Если он правильно просчитал. Если нет, тогда придётся искать Веру Логутину в Севилье или отправляться дальше на юг, в Кадис или на Гибралтар. Хотя нет, Гибралтар точно отпадает. Это уже английская зона, а значит, выезд из Шенгена и прохождение границы.

Дронго вернулся в отель, забрал вещи и снова приехал на вокзал. По дороге он приобрёл недорогой аппарат сотовой связи и купил две карточки, чтобы поговорить с Вейдеманисом. Важно было правильно рассчитать время. Когда в Испании будет двенадцать часов дня, в Москве будет два часа дня. Именно в это время Вейдеманис окажется в салоне, и как раз Дронго обязан позвонить. Расчёт строился на точности его звонков, иначе долгое пребывание Вейдеманиса в этом салоне могло вызвать обоснованное подозрение возможных преследователей.

Он как раз успел к поезду. Сидя в полупустом вагоне, Дронго смотрел в окно, размышляя о сроках. Осталось только пять дней. Если она знала о возможном выступлении премьера, то могла точно рассчитать время, которое ей нужно, чтобы отсидеться и где-то переждать. Тогда получается, что люди, которые её преследуют, не хотят выступления бывшего руководителя правительства. Не хотят ни при каких обстоятельствах. Не останавливаясь ни перед какими жертвами. И тогда нелогичные, на первый взгляд, покушения на Оглобина и Репникова становятся достаточно понятными и выстраиваются в одну схему. Журналист и бывший чиновник, возможно, владели какой-то тайной, о которой никто не должен был узнать. Либо пытались выступить против бывшего главы правительства. Нет, так не получается, иначе бы их убивали совсем другие люди. В первом случае это должны быть сторонники бывшего премьера, во втором — его противники. Черт возьми, абсолютно глупая и непонятная ситуация. Нужно позвонить Эдгару в Москву, пусть узнает все об этом выступлении.

Он все время смотрел на часы. Когда две стрелки — часовая и минутная — соединились на двенадцати, Дронго поднялся и прошёл в конец вагона, где никого не было. Сел в кресло и

набрал номер салона. И почти сразу услышал знакомый голос Эдгара Вейдеманиса.

— Добрый день, — начал Дронго, — что произошло? Третий вариант?

— Да, — безжалостно ответил Эдгар, — ты уже звонил, чтобы Джил и дети куда-нибудь уехали?

— Да. Рассказывай, что случилось.

— Бывший премьер должен выступить девятнадцатого, — сообщил Вейдеманис, — на этот день назначена его пресс-конференция.

— Я уже знаю. Сообщение о его предстоящем возвращении в Москву и выступлении есть почти во всех европейских и американских газетах. Ты думаешь, она ждёт этого числа?

— Уверен. Она поэтому и уехала. Решила переждать.

— На чьей стороне она находится? Как ты считаешь? Могу предположить, что на его. Она работала там вместе со своим бывшим шефом, который так некстати попал в аварию. Судя по всему, ты был прав. Они все подстроили.

— А журналист? Если это одни и те же люди, то зачем убирать журналиста?

— Не знаю. Но мы сейчас все проверяем с Кружковым. И видимо, вышли на них. Я уверен, что все наши телефоны прослушиваются. И против нас действуют мои бывшие коллеги. Ты меня понимаешь?

Да, — помрачнел Дронго. Бывшие коллеги офицера КГБ Вейдеманиса — это сотрудники спецслужб. Бывшие или настоящие. Не суть важно. Главное, что они могут подключаться к телефонам и устраивать подобные аварии. Остальное лишь частности.

— Когда ты позвонишь? — спросил Эдгар.

— Завтра в одиннадцать. Или в час по-вашему. Приходи в салон днём. Узнай все про предстоящее выступление. На всякий случай задействуем и четвёртый вариант.

— Правильно, — согласился Вейдеманис, — мы изучаем её записную книжку. Она готовила материалы для погибшего в аварии. Ты меня понимаешь? Имела разговоры со многими людьми. Где ты сейчас?

— На юге Испании. Она один раз использовала здесь свою кредитную карточку. Завтра я позвоню. Будьте осторожны. Может, тебе тоже отослать куда-нибудь свою дочь и мать?

— Они уже уехали, — сообщил Эдгар, — и семья Кружкова тоже. Мы готовы к любым неожиданностям. Будь сам осторожен.

Дронго отключил телефон. Вейдеманис не тот человек, который будет просто так паниковать. Он хорошо представляет, с кем имеет дело. Они должны отослать свои семьи с таким расчётом, чтобы даже сами не имели понятия, куда уедут их близкие. При современных возможностях медицины разговорить любого не столь сложно. Нужные лекарства подавляют волю самого сильного человека. Противостоять подобному вмешательству фармакологии невозможно. Единственная гарантия — не знать, где твои близкие, чтобы в случае захвата не выдать их местонахождение даже в бессознательном состоянии. И это единственная гарантия их безопасности. Иначе близких можно использовать против самого носителя информации.

На новый вокзал Кордовы Дронго прибыл в третьем часу дня.

Выйдя из здания вокзала, он сел в такси и попросил отвезти его в «Мелию». Он знал, что отели этой системы есть почти в каждом испанском городе. Ему нравились эти типично испанские отели с большими комнатами и вежливым сервисом. В некоторых отелях было введено «королевское обслуживание», как его называли в переводе с испанского. Это означало, что все напитки в мини-баре будут бесплатными. В отёле есть комната для отдыха почётных гостей, а днём вам будут оставлять в номере корзины фруктов и минеральную воду.

Но таксист странно взглянул на него, пожал плечами и повёз в центр города. Отель находился у парка Виктории. Только прибыв на место, Дронго понял, почему таксист так удивлённо взглянул на своего пассажира. Отель находился в стадии реконструкции. С него уже сняли вывеску и готовились в ремонт. Номера были обшарпанные, грязные, в туалетных комнатах на раковинах и унитазах имелись даже жёлтые потёки, а ковролин на полу напоминал грязноватый коврик неопределённого цвета. Дронго хмуро взглянул на свою комнату и вышел из неё, закрыв дверь и не забыв забрать вещи. Номер ему очень не понравился. Это было так не похоже на испанцев и на их отели системы «Мелия», к которым он привык. Дронго спустился вниз. Даже в трехзвездочных отелях не было таких условий.

— В чем дело? — спросил он по-английски у портье. — Почему у вас такие грязные номера?

— Извините, — ответил портье, молодой человек лет тридцати пяти, — отель готовят к реконструкции, и мы работаем последние дни.

— Во всяком случае, ваш отель не похож на пятизвездочный, — заметил Дронго, — у вас есть в городе другой, хороший отель?

— Конечно. — Портье сразу поднял трубку, чтобы куда-то перезвонить. Через несколько секунд он вежливо сказал: — Здесь недалеко есть «Амистад Кордова». Очень хороший отель. Два бывших аристократических особняка в центре бывшего еврейского квартала. На площади Маймонида. Если хотите, я вызову такси.

— Подождите, — вдруг сказал Дронго, — позвоните к ним и узнайте, не останавливалась ли в их отёле сеньора Логутина из России?

— Как вы сказали? — Портье записал фамилию и позвонил в отель. Затем, получив ответ, развёл руками — там такой сеньоры нет.

— А в вашем отёле не останавливалась гостя с такой фамилией? — уточнил Дронго.

Если бы она приехала сюда, то могло получиться достаточно логично. В подобных условиях избалованные российские туристы уже не живут. Если добираются до Кордовы, то требуют себе гораздо лучших отелей.

Портье проверил по компьютеру и огорчённо покачал головой. Ему явно хотелось услужить гостю, чтобы сгладить впечатление от своего отеля.

— Какие ещё есть лучшие отели в городе? — поинтересовался Дронго.

— «Гонсалес». Он тоже в бывшем еврейском квартале, и новый отель «АС, Кордова». Он находится рядом с новым вокзалом на севере города. Как раз через площадь.

— Рядом с вокзалом? — Дронго подумал, что обязан был проверить и этот отель. — Позвоните и узнайте, не останавливалась ли там сеньора Логутина.

Портье снова поднял трубку. Он говорил по-испански, и Дронго, знавший итальянский язык, понимал многие слова. Наконец портье удовлетворённо кивнул и с улыбкой обратился к гостю:

— Да, госпожа Логутина и сейчас проживает в этом отёле. Она сняла сюит и...

— Закажите мне там номер, — невежливо перебил его Дронго. Ощущение было такое, словно он наконец выиграл в лотерею крупную сумму. Когда имеешь в руках счастливый билет или совпадают все числа. Первое, второе, третье. И так до конца.

Портье обрадовался. Он сумел угодить клиенту. Конечно, привыкшие к роскоши пятизвездочных отелей гости не станут жить в их гостинице, уже готовой к ремонту. Слишком явный контраст. Но остались последние дни, и вскоре отель закроют. Руководство пытается выжать из него все, что возможно, продолжая эксплуатировать уже старое здание.

— Я все заказал, — победно воскликнул портье, — и вызвал для вас такси. Ещё раз извините нас за наш отель. Я думаю, в будущем году, когда вы приедете, здесь будет совсем иначе.

— Обязательно, — кивнул Дронго.

Четырнадцатое октября

Отель «АС, Кордова» находился на новой площади, рядом с новым вокзалом в северо-западной части города. Дронго подъехал к отелю на такси. В этой части города повсюду велось строительство новых домов, сносились целые кварталы, а на их месте воздвигались новые многоэтажные здания. Если в центре города бережно сохранялись старые улицы, то здесь разрешалось строительство. История Кордовы насчитывала несколько тысяч лет. Ещё в сто пятьдесят втором году до нашей эры город перешёл в руки римлян, которые постепенно вытесняли карфагенян с Пиренейского полуострова. Город назвали Корбуда, и он стал столицей испанской провинции, названной позже Бетика. Этот город дал миру великого стоика и учителя Нерона — Луция Сенеку. При распаде Римской империи городом овладели вестготы, которые принесли сюда христианство. А затем в Кордове появились мавры, которые в семьсот двенадцатом году покорили город. Кордова была завоёвана во многом благодаря местным

евреям, открывшим ворота завоевателям. Мавры об этом никогда не забывали. Ещё через сорок четыре года в Кордове была основана династия эмиров Омейядов и начался расцвет великого города.

Считалось, что к началу десятого века Кордова была не только самым крупным городом в Европе, но и самым цивилизованным. Здесь был основан известный на весь мир университет, сюда приезжали учиться из стран Запада и Востока. Открывались новые школы и библиотеки. Сюда прибывали самые известные философы и врачи того времени. Население города насчитывало около миллиона человек. Здесь были построены три тысячи мечетей и более трехсот общественных бань. Самое поразительное в Кордове — это веротерпимость по отношению к христианам и евреям. В течение почти трехсот лет город считался символом передовой науки того времени. Евреям даже разрешалось быть не только врачами и учёными, но и дипломатами, даже военачальниками. Современники утверждали, что в мире есть только два таких города — Багдад и Кордова. В годы мрачного раннего Средневековья Европы Кордова являла собой образец терпимости и толерантности по отношению ко всем народам и религиям на Пиренеях. Но, как это обычно бывает, город пал, раздираемый противоречиями изнутри. Уже к середине одиннадцатого века могущественный халифат раскололся на мелкие эмираты, называемые тайфас. И вскоре попал под власть чужих халифов из Севильи. А через двести лет город был завоёван кастильским королём Фердинандом Третьим.

Но ещё двести лет продолжалась агония некогда великой столицы. Именно здесь в тысяча четыреста восемьдесят шестом году Изабелла впервые приняла Колумба и поверила в его дерзновенную мечту об открытии нового пути в Индию. Окончательный удар по городу нанесло решение королевских властей об изгнании из Испании евреев и мавров. Кордова стала пустеть и превращаться в жалкий провинциальный городок. В то время как расцветала Севилья, ставшая главными морскими воротами Испании в открытую Америку.

Именно в Кордове была заложена в конце восьмого века знаменитая Месquita — самая большая мечеть в Европе, ставшая символом города. Она сооружалась более двухсот лет и являлась впечатляющим памятником монументального искусства Кордовского халифата. После взятия Кордовы Месquita стала церковью Успения Богородицы и здесь также были пристроены капеллы к внутренним стенам бывшей мечети. Процесс взаимопроникновения культур иногда решался столь радикальным образом. Мечети в Севилье и Кордове были переделаны в церкви, а христианская церковь Святой Софии в Константинополе — в мечеть, и сам город стал Стамбулом.

Кордова больше никогда не сможет достигнуть былого величия. При Габсбургах и Бурбонах она будет обычным провинциальным городом Андалусии, во времена республики окажется быстро захвачена франкистами, во времена Франко сонным южным городком с населением, не превышающим ста тысяч человек. И хотя в последние годы Кордова стала разрастаться, а её население выросло более чем в три раза, город по-прежнему лишь хранитель былого величия, а его Месquita — памятник тем великолепным годам, когда Кордова была самым крупным городом Европы.

Дронго вошёл в отель и предъявил паспорт с кредитной карточкой, чтобы оформить себе номер. За стойкой находились две молодые девушки-портье.

— Извините меня, — неожиданно попросил Дронго, — вы не можете мне сказать, на каком этаже живёт сеньора Логутина из России? Это моя знакомая.

Девушки переглянулись.

— Она живёт на пятом, — сообщила одна, — в пятьсот двадцать втором номере. Это сюит.

— У вас есть номера на этом этаже? — поинтересовался Дронго. — На пятом?

Девушки снова переглянулись. Возможно, что этот галантный сеньор прилетел сюда ради их гости. Почему бы и не помочь ему?

— У нас есть свободный пятьсот второй, — сообщила портье, — это номер суперриор. Согласны?

— Спасибо, — поблагодарил её Дронго, — только не говорите ей, что я приехал. Пусть это будет для неё сюрпризом.

В свой номер он поднялся через минуту. Номер ему понравился. Большая, просторная

комната. Современное оборудование, оригинальная ванная комната. Все трубы были прозрачные, и видно, как вода уходит вниз. Мыло было сделано в виде мячиков для гольфа, а сама сантехника из прозрачного стекла. Дронго принял душ и сел у телефона. Как поговорить с Верой, чтобы её не испугать? Ведь услышав звонок чужого, она может просто сбежать. Она и так чувствует себя почти загнанной лошадей, проехала через всю Европу, чтобы спрятаться в этом отёле. Даже не позвонила своей сестре. Наверняка ждёт девятнадцатого числа.

Он быстро оделся, вышел из комнаты. Прошёл в другой конец коридора и прислушался. Номер пятьсот двадцать два. За дверью ничего не слышно. Может, её нет в отёле? Или она спит. Он наклонился совсем близко к двери. Нет, ничего не слышно. Даже телевизор не работает. Будет обидно, если, проехав за ней такое расстояние, он её не найдёт. Или выяснится, что он опоздал. Нужно принимать какое-то решение. Нужно попытаться с ней встретиться. Если она вдруг случайно узнает, что ею интересовались, или решит уехать отсюда, он не сможет её быстро найти за оставшиеся дни. Нужно решиться и постучать. Нужно прямо сейчас. Он поднял руку и решительно постучал...

Четырнадцатое октября

Он развалился на заднем сиденье своего представительского «БМВ» и закрыл глаза. В последние дни он чувствовал себя неважно, сказывалась напряжённая работа. Иногда давала знать так и не залеченная язва, как напоминание о голодных студенческих годах. Зазвонил его мобильный телефон, и Олег Степанович недовольно открыл глаза. В конце концов, они могли оставить его в покое, хотя бы на несколько часов. Он достал аппарат из кармана. Этот номер знали не так много людей. А из тех, кто знал, не все могли решиться его побеспокоить.

— Слушаю, — сказал он раздражённым голосом, чтобы дать понять собеседнику, насколько он недоволен неожиданным звонком.

— Добрый вечер, — услышал он знакомый голос, — ты, наверное, спишь? У тебя такой простуженный голос.

— Не сплю, — мрачно ответил Быстрянский, — что-нибудь опять случилось?

— Ты думаешь, я звоню, только когда случаются какие-нибудь неприятности?

— Похоже на то.

— Может, ты и прав, — хмыкнул позвонивший, — но раньше тебе мои звонки нравились. Ты их даже ждал с нетерпением. Или уже забыл прежние времена?

— Ничего я не забыл, — ответил Быстрянский, — что у тебя за проблема?

— Не так быстро. У нас с тобой сейчас одна общая проблема. Сумеем её решить, значит, прорвёмся в «дамки». Хотя ты у нас уже давно состоятельная «дамка». Может, тебе ничего и не нужно? Можешь уехать куда-нибудь на Карибы и там остаться. Денег у тебя хватит лет на пятьсот. Или на тысячу. Ты даже сможешь финансировать государственный бюджет какой-нибудь небольшой латиноамериканской страны.

Олег Степанович осторожно вздохнул. Ему нужно терпеть это хамство ещё несколько дней. С Чиновником такого ранга лучше не ссориться.

— Мы с тобой не «дамки», — ответил Быстрянский, — мы с тобой фигуры. Главные фигуры в этой дурацкой шахматной игре.

— Хорошо, что не назвал нас пешками. Иначе я бы обиделся.

— Ты позвонил, чтобы развлекаться? — не выдержал Олег Степанович. — У тебя масса свободного времени?

— Какой ты стал смелый. Решил, что больше не нуждаешься в моих услугах? Думаешь, можешь уже обойтись без меня?

— Не думаю, — ответил Быстрянский. Он вспомнил, что его могут услышать водитель и телохранитель, сидевшие впереди. И недовольно скривился. Когда наконец все это закончится? Он, один из самых богатых людей в стране и в мире, вынужден выслушивать иронические реплики и издёвки этого Чиновника. И только потому, что здесь есть такие правила игры, при которых деньги без власти ничего не стоят. А власть при желании может отнять деньги у любого, даже у самого известного и богатого человека. И эти правила игры известны всем. Непроизвольно сжав левую руку в кулак, он вдруг подумал, что давно пора избавиться от этого

«компаньона».

— В общем, наш общий знакомый с этим птичьим именем улетел в Европу и развил там бурную деятельность. Все время отрывается от моих людей. Но мы его все равно вычислим. Осталось только пять дней. Через пять дней мы можем остаться на шахматной доске настоящими ферзями. Хотя двух ферзей, играющих за одну команду, не бывает. Тогда сделаем так. Ты станешь королём, а я твоей королевой. Король ведь главная фигура на доске, от его благополучия зависит исход шахматной партии, а ферзь — главное действующее лицо. Знаешь, что мне нравится в этой фигуре? Королева, в отличие от всех остальных фигур, может ходить куда угодно и как угодно. Любые ходы дозволены.

Кто в таком случае этот эксперт с птичьей кличкой? Тоже ферзь, играющий за другую сторону?

— Нет. Он всего лишь вспомогательная фигура, которая неудачно стоит на нашем пути. Он, конечно, не пешка, но и не королева. Это было бы слишком лестное для него сравнение.

— Что ты хочешь?

— Осталось пять дней. Мне важно, чтобы твои люди не допускали никаких ошибок. Ты меня понимаешь? Вспомни, кто ещё кроме тебя может знать детали наших с тобой отношений?

— Никто, — ответил Быстрянский, — это не тот случай, когда я обязан отчитываться. Я имел дела только с тобой. А все свои выводы они строят на основе косвенных фактов. У нас с тобой свидетелей не было. Ты уверен, что с этим экспертом все пройдёт гладко? Ты ведь сам говорил, что он очень опасный противник.

— Поэтому и принял меры. У любого человека, если он не фигура, вырезанная из дерева, есть душа. А значит, есть любимые люди. Жена, дети, друзья. Я установил контроль за всеми его друзьями в Москве и узнал, где живёт его семья. Они в Италии, в небольшом поместье под Римом. Достаточно ему намекнуть, чтобы он понял наше беспокойство. Это цена его благоразумия.

— Ты же говорил, что нужно заканчивать все криминальные разборки, — напомнил Олег Степанович.

— Порой нельзя брезговать никакими методами, — жёстко ответил его собеседник.

— Ясно. — Быстрянский вдруг подумал, что позвонивший может так же решить проблемы и со своим компаньоном. Ведь он знает, где находится семья самого Олега Степановича и как их охраняют. Больше медлить нельзя. Нужно решать эти проблемы раз и навсегда. Он и так слишком долго медлил, позволяя этому типу так долго его терроризировать. — Я полностью полагаюсь на тебя, — почти искренне сказал Быстрянский. Он попрощался и отключился. Но не спрятал телефон в карман, а положил его на сиденье рядом с собой. И долго смотрел на аппарат, словно видел в нем своего собеседника. В конце концов, позвонивший только Чиновник. Пусть и очень высокого ранга.

Четырнадцатое октября

В последнюю минуту Дронго подумал, что, если начать разговор по-русски, она может испугаться. Сразу поймёт, что он приехал именно за ней и не случайно появился в этом отёле. И поэтому, когда она спросила «кто там», он ответил по-английски:

— Извините, миссис, что решил вас побеспокоить. Я живу в соседнем номере, и мне по ошибке передали письмо администрации отеля для вас.

Она, очевидно, колебалась. Несколько секунд, не больше. И наконец открыла дверь. Дронго её сразу узнал. Она стояла, одетая в светлую майку и джинсы. В таком виде Вера казалась гораздо моложе своих лет. На ногах были тапочки отеля.

— Что вам нужно? — спросила она уже по-английски. — Какое послание? Что вы хотите?

Он оглянулся. В коридоре никого не было. Достаточно поднять руку и легко толкнуть её в комнату. Затем сделать шаг и войти в номер, закрыв за собой дверь. Очевидно, он несколько не рассчитал свои силы. Ведь не каждый день толкал молодых женщин. Учитывая его рост и комплекцию, толчок получился не самым слабым. Она отлетела на пол, а он вошёл в её номер, закрывая дверь. И сразу наклонился к ней, протягивая руку. Прежде чем она успела что-либо сказать или крикнуть, он сумел быстро пробормотать извинение по-русски.

Её голубые глаза потемнели от гнева. Она смотрела на него с презрением и гневом.

— Вы пришли меня убивать? — кажется, она даже не собиралась кричать. Ему нравилось, как она держится.

— Вставайте, — устало предложил он, — если бы я хотел вас убить, я бы ударил ещё сильнее. И убил бы вас с первого удара. Надеюсь, в этом вы не сомневаетесь. Извините меня ещё раз за вторжение. Я здесь по поручению Бориса Самуиловича, вашего родственника.

Она смерила его с ног до головы. Представительный мужчина средних лет. Она оценила размеры его плеч и высокий рост. Похоже, он говорит правду. Если бы хотел, то ударил бы сильнее. Она протянула руку и позволила ему поднять себя. Ладонь у неё была холодная.

Её номер состоял из вытянутой прихожей и двух комнат. Гостиной и спальни. В гостиной она уселась на диван, сложив ноги под себя. Может, ей было так удобно, чтобы сразу вскочить в случае необходимости и сбежать. Или таким образом она пыталась скрыть своё волнение. Он уселся в кресло напротив. Заметил, что под майкой у неё ничего нет. Кажется, это обстоятельство её не очень смущало.

— Я вас слушаю, — сказала Вера, — вас действительно прислал Борис? Как вы меня нашли? Только сначала скажите, как вас зовут. Я думала, что вы испанец. Но вы слишком хорошо говорите по-русски.

— Я не испанец, — улыбнулся он, — меня обычно называют Дронго.

— Что? — быстро переспросила она. — Как вы сказали?

— Дронго, — повторил он, — вы где-то слышали это имя?

— Кажется, слышала. — Она не улыбалась, но было заметно, что с трудом удерживается от смеха. Это было даже немного обидно.

Меня попросил о помощи муж вашей сестры, — пояснил Дронго, пытаясь не замечать озорных бликов в её голубых глазах. У неё были красивые волосы, собранные на затылке в кокетливый хвостик.

— И вы меня сразу нашли?

— Конечно, не сразу. Вы сбежали из дома почти три недели назад. И с тех пор не подавали о себе никаких известий. Согласитесь, что ваша сестра и её муж имели все основания волноваться. Тем более что, по их данным, вы прилетели в Париж и даже не позвонили старшей сестре.

— Это они тоже узнали?

— Конечно. Каплунович установил, что вы прилетели в Париж через Берлин. А потом исчезли. И не появлялись дома. Оставили машину в гараже. Ваше исчезновение было достаточно странным и несколько экстравагантным.

— Я понимаю. Как вы меня нашли?

— Пытался вас вычислить. Предполагал, что вы уедете на юг, либо в Испанию, либо в Италию. Возможно, на юг Франции. Вычислял возможные маршруты. Потом я сумел узнать, что вы дважды неосторожно воспользовались своей французской карточкой. Один раз в Тулузе на вокзале и один раз в Малаге, когда расплачивались за такси.

— Верно, — кивнула она. Озорные блики погасли. Теперь в её глазах был интерес. — И ещё один раз в банке.

— Об этом мне не сказали, — признался Дронго. — Оставалось прилететь в Малагу, найти машину и узнать, в какое время вы были на вокзале. А там попытаться вычислить ваш маршрут...

— И опять вычислили?

— Попытался. Решил, что в Севилью вы не поедете. Слишком шумное место. Сойдёте в Кордове. Искал вас по отелям, хотя можно было вычислить быстрее, понимая, что вы выберете гостиницу рядом с вокзалом. Вот, собственно, и все.

— Как просто, — сказала Вера, — и я должна вам верить?

— Можете не верить. Это ваше право. Наберите номер телефона Бориса Каплуновича и узнайте все у него. Он вам подтвердит мои полномочия. Или позвоните своей старшей сестре. Она так волнуется за вас.

Вера испытующе смотрела на него.

— Вы действительно тот самый Дронго? — вдруг спросила она.

— В каком смысле?

— Я думала, что вас просто придумали. Такой фольклорный персонаж. Как Робин Гуд. Или Шерлок Холмс. Я слышала, что в Москве есть два ресторана «Дронго».

— К которым я не имею никакого отношения, — улыбнулся он, — хотя я там иногда бывал. Как видите, я живой человек, а не персонаж из сказки.

— Судя по тому, как быстро вы меня нашли, возможно, — согласилась она. — И почему они меня разыскивают? Борис не пояснял вам причины его беспокойства?

— Я полагал, что вы все правильно поймёте. Три недели как вы исчезли...

— Нет, — жёстко сказала она, вытягивая ноги и опуская их на пол, — вы ведь точно знаете истинную причину моего вынужденного исчезновения. Если вы действительно тот самый Дронго.

— Девятнадцатое число. — Он не спрашивал. Он просто назвал дату.

— Да, — кивнула она, — вы все знаете. Девятнадцатое октября. Выступление бывшего премьера. Он должен вернуться в Москву.

— И вы считаете, что вас хотели убрать именно из-за этого?

— Конечно. — Вера поднялась, подошла к мини-бару и достала банку апельсинового сока. Взглянула на Дронго, он покачал головой. Она вытатила бокал и налила себе сок. Немного отпила. Взяла бокал и вернулась на своё место.

— Рассказывайте, — предложил Дронго, — мне пришлось пересечь всю Европу, чтобы услышать ваш рассказ.

Я ничего не знаю, — призналась Вера, — почти ничего. В тот день мне позвонила подруга, и я спаслась каким-то чудом. Услышала шаги в квартире. Успела закрыть дверь и бросилась бежать. Услышала, как кто-то поднимается в кабине лифта. Выбежала на улицу. Догадалась, что нельзя возвращаться за машиной. Паспорта и кредитные карточки были у меня с собой. Я взяла такси и уехала к одной знакомой, о которой никто не знал. Даже моя сестра. Потом в разных банкоматах набрала кучу наличных денег, купила билет. И решила переждать здесь. К этому времени я уже знала, что кто-то убил Репникова и этого журналиста. Я позвонила в Ригу, думала, что спрячусь там. Но потом поняла, что это очень опасно. И подставлять Киру с Борисом мне не хотелось. Поэтому я и решила спрятаться здесь, переждать до девятнадцатого. А как вы узнали, что я помогала Репникову? Копались в моем компьютере?

И не только я, — признался Дронго.

— Вы были у меня дома? — вдруг спросила она, чуть нахмурившись.

— Был. — Он не понимал, что именно её так волнует. Мужчины иногда бывают удивительно толстокожими. А ведь он обязан помнить о мелочах, это его профессия.

— И вы сами проводили обыск?

— Конечно. У меня будут ещё к вам вопросы...

— Кроме вас кто-нибудь был? — быстро перебила она его. Он видел, как она волнуется. Даже нервничает. И ему было непонятно это волнение. Или он что-то пропустил?

— Никого там не было, — на всякий случай сказал Дронго, — был только я. Даже ваш родственник и тот не принимал участия в обыске. Просто сидел в машине. — Он соврал, но почувствовал, что должен был сказать именно так.

Она прикусила нижнюю губу. Нахмурилась.

Какие вопросы у вас появились ко мне в связи с обыском? — с вызовом спросила она.

— Откуда у вас такие драгоценности? Между прочим, ваши новые часы я передал Каплуновичу.

— Спасибо, — кивнула она, — это подарки.

— Догадываюсь, что вы не сами их покупали. Я могу узнать, кто именно вам дарил такие подарки?

— Нет, не можете... Это не имеет никакого отношения к моему исчезновению.

— Хорошо. — Он почувствовал, как она с трудом сдерживается, и решил не давить своими вопросами. — Тогда поговорим о вашем обзоре, который вы сделали для Репникова.

— Нет, — быстро перебила она его, чуть покраснев, — о моем доме. Вернее — вашем посещении моего дома.

Он подумал, что не понимает причины её волнения. И кажется, она даже злится.

— О чем ещё вы хотите, чтобы я вас спросил? — уточнил Дронго.

— Что ещё вы нашли в моей квартире? — Она спросила об этом, кусая нижнюю губу.

Дронго нахмурился. Или он пропустил нечто важное?

— Мы забрали ваш ноутбук и взяли часы, — вспомнил он, — но компьютер мы потом вернули. Просмотрели ваши письма...

— Вы все смотрели? — перебила его в очередной раз Вера.

— Д-да... — Каким дураком он был в этот момент.

— Вы копались в моем бельевом шкафу? — Было заметно, с каким трудом даётся ей этот вопрос. Ей, наверное, неприятно, что он смотрел её нижнее бельё. Это всегда неприятно любой женщине. И любому мужчине. Когда копаются в их бельё. Или? Или... Он наконец вспомнил. И изумлённо взглянул на свою собеседницу. Конечно! Вот почему она так нервничает. Какой он кретин! Об этом нужно было помнить с самого начала.

— Я все положил на место, — тактично сообщил Дронго.

Спасибо. — Она резко дёрнулась. — Спасибо, что вы так деликатны. Рылись в моем бельё... И все увидели.

— Вы имеете в виду «прибор»? — Он назвал его именно так. Конечно, её волновал тот самый дурацкий вибромассажер, который он нашёл в шкафу. И ей было стыдно, что посторонний мужчина мог найти у неё в доме подобную вещь.

— Это не мой прибор, — поморщилась Вера, — я не употребляю подобные вещицы. Они мне никогда не были нужны. Его принесла моя подруга, когда я рассталась с Сашей. Ради хохмы. А потом он у меня остался. Все эти дни я думала об этом дурацком приборе. Представляю, что вы подумали обо мне...

Ничего я не думал, — устало ответил Дронго, — интимные проблемы — это ваше личное дело. Мне было важно вас найти. Если бы этот «прибор» мог помочь выйти на вас, значит, все было правильно. Но он не помогал. И я о нем сразу забыл.

Вера дёрнула плечами. Кажется, только сейчас вспомнила, что на ней всего лишь просвечивающая белая майка. Она извинилась и, поднявшись, прошла в другую комнату, чтобы переодеться. Дронго встал и подошёл к окну. Прямо перед отелем был интересный фонтан, который находился в асфальте. Здесь не было никаких ограждений. Струи воды, освещённые фонарями, били прямо из асфальта. Это было красиво и необычно.

Вера вернулась, уже успев переодеться. Она надела бюстгальтер и голубую сорочку.

— Вы обедали? — спросил повернувшийся к ней Дронго.

— Нет, — ответила Вера. Было заметно, что она немного успокоилась.

— Тогда поедим вместе, — предложил он, — заодно обсудим все наши проблемы. Хотя к этому времени будет уже ужин.

— У вас есть оружие? — поинтересовалась Вера.

— Я обычно не ношу с собой оружие. Оно создаёт ложную иллюзию безопасности. Лучше рассчитывать на самого себя. И на свои кулаки.

Четырнадцатое октября

Ресторан «Касса Рубио» находился в старой части города. Дронго попросил портёе заказать им столик на крыше. Там традиционно были самые лучшие места. В середине октября на юге Испании вполне можно ужинать под открытым небом. Официант принял заказ, а подошедший метрдотель вдруг поинтересовался, из какой страны они приехали. Вера изумлённо взглянула на пузатого испанца, не понимая, почему его интересует национальность клиентов. Но Дронго знал традиции испанских ресторанов в Кордове.

— Сеньора из России, — пояснил он метрдотелю.

— Зачем? — спросила Вера, когда испанец отошёл от них. — Зачем его интересует, из какой страны мы приехали? И почему вы ему сказали?

— Когда подадут десерт, вас ожидает сюрприз, — пояснил Дронго.

— Надеюсь, что он будет приятным, — вздохнула она. — У вас есть мобильный телефон?

— Конечно. Я купил его в Малаге.

— Может, я позвоню Кире? Сейчас, когда вы меня нашли, мне все кажется не столь

страшным.

— Нет, — возразил Дронго, — не нужно звонить. Это слишком опасно. Сделаем иначе. Я позвоню вашей племяннице, Алле, и вы с ней поговорите. Только несколько слов. Чем меньше, тем лучше.

— Откуда вы знаете её номер телефона? — удивлённо спросила Вера. Затем кивнула: — Извините. Я в таком состоянии иногда говорю глупости.

Он достал аппарат и набрал номер Аллы. Девушка сразу ответила. Дронго передал телефон своей спутнице.

— Алла, здравствуй, — чуть дрогнувшим голосом произнесла Вера.

— Здравствуй, Вера, — обрадовалась девушка, — где ты находишься?

— Далеко. Передай маме, чтобы не волновалась. Меня нашёл их друг. Ты понимаешь?

— Все передам. Как тебя найти? Куда нам звонить?

— Никуда, — глухо ответила Вера, — никуда не звоните. Я сама вас найду. И скажи, чтобы не волновались. Я вас целую. Кире привет. Пока.

Дронго взял у неё аппарат и отключил его. На глазах у Веры появились слезы. Она вытерла их кончиком платка.

— Все так неправильно получилось, — вздохнула она.

Он подождал, пока она успокоится. И только затем сказал:

— Теперь попытайтесь мне сформулировать, почему вы так уверены, что вас попытаются убить из-за того, что вы помогли Репникову с неизвестным мне обзором.

Она надела перед выходом в ресторан лёгкую куртку и снова собрала волосы. Несмотря на тёплую погоду, в Кордове ей было зябко. Он подумал, что напрасно они выбрали столик на крыше ресторана. Дронго помнил, сколько ей лет, но внешне Вера казалась гораздо моложе. Только резкие складки у рта несколько портили общее впечатление. И её глаза — внимательные и насторожённые.

— Мы работали у бывшего главы правительства, — пояснила Вера, — работали достаточно дружно. Но когда пришёл новый премьер, мы вынуждены были уйти. Знаете, новая метла всегда метёт по-своему. В общем, каждый из нас сумел устроиться на новую работу. Специалисты нашей квалификации не остаются без дела. Но несколько месяцев назад наш бывший шеф решил вернуться в политику. Вы знаете, как это неоднозначно было встречено в политических кругах. Против него стали организовывать провокации, появились различные статьи, в том числе и грубые нападки Оглобина. И вскоре мне позвонил Денис Викторович. Он сказал, что они готовят большой аналитический обзор о приватизации металлургической компании «Стил-М». Аукционы были проведены с грубейшими нарушениями закона уже после того, как сменилось правительство. Почти все акции попали в руки «нужных людей».

Если разобраться, это типичный пример «чиновничьей приватизации», когда все известно заранее. И все правила игры расписаны тоже наперёд. Я немного знала об этой компании, мы с ними сотрудничали, готовили документы. Кроме того, часть акций была куплена Борисом Самуиловичем. Об этом много писали. Поэтому я так боялась подставить Киру и её мужа, не звонила им, даже не пыталась с ними связаться. Мы подготовили вместе с Репниковым очень интересный обзор и передали его помощнику бывшего премьера Феоктистову. Если экс-премьер выступит с этим девятнадцатого октября, будет настоящая сенсация. А он, судя по всему, готовится выступить. И тогда все поймут, что залоговые аукционы девяностых были семечками по сравнению с новыми правилами игры в наше время. Когда чиновники заранее назначают ответственных за приватизацию и открыто помогают своим в разделе собственности.

— Вы полагаете, что ваш бывший шеф может решиться на подобный шаг?

— Уверена. Они его загнали в угол. И он собирается нанести ответный удар. Это будет очень громкая сенсация, и он сразу станет важной политической фигурой в новом раскладе на президентских выборах. В нашей стране любят обиженных борцов за правду.

— Феоктистов, — сказал Дронго. — Все говорили, что он очень влиятельный человек?

— Возможно. — Она явно не хотела обсуждать эту тему.

— И вы оставили себе копию обзора? — вдруг спросил Дронго.

Она вздрогнула:

— С чего вы взяли?

— Догадался. Поэтому они вас так ищут. И вы, конечно, оставили его в Москве, решив не рисковать и не брать с собой.

— Я вам ничего не скажу, — медленно произнесла она, — это гарантия моей безопасности.

— Боюсь, что вы ошибаетесь. Это скорее гарантия их интереса к вам.

Вера молчала.

— Только мне не совсем понятно, почему вместе с Репниковым убрали и журналиста Оглобина, — сказал Дронго. — Ведь, по логике, он выступал против бывшего премьера, значит, был на стороне тех, кто не хочет публикации ваших аналитических материалов.

— Я сама ничего не понимаю. Но уверена, что Дениса Викторовича тоже убили. Я в этом даже не сомневаюсь.

— Кто нынешний владелец компании «Стил-М»?

— Олег Степанович Быстрянский. Вы, наверное, о нем слышали. Один из самых крупных современных олигархов.

— Слышал, — кивнул Дронго, — обзор направлен против него?

— И против него тоже. Десять лет назад у него было только полтора процента компании. Сейчас больше семидесяти. По оценкам «Форбса», его состояние оценивают в одиннадцать миллиардов долларов. И все благодаря этой компании. Ему просто «помогли» стать миллиардером.

У вас опасный противник, Вера, — задумчиво сказал Дронго, — и я думаю, что вы сделали правильно, решив не возвращаться домой и не пользоваться своим автомобилем. Теперь наша прямая задача — продержаться пять дней и только потом вернуться в Москву. Только пять дней.

Наступило долгое молчание. Официант открыл бутылку вина, разлил его в бокалы, расставил тарелки. Дронго попробовал вино. Оно было терпким и вкусным.

— За вас, — поднял он бокал.

— Вы не скажете, какой сюрприз готовят в этом ресторане? — неожиданно улыбнувшись, спросила Вера, поднимая свой бокал.

— Вам подадут десертное блюдо со сладкой кашницей, напоминающей итальянское тирамису, — пояснил Дронго, — и на нем шоколадом напишут название вашей страны. Это их фирменный трюк, они обычно не говорят об этом до самого конца. Платить за это не нужно, это подарок ресторана.

— Приятно, — согласилась она, — вы правы. Здесь так приятно и спокойно. словно ничего не было.

Они даже не могли предположить, что уже завтра утром их сумеют вычислить, превращая существование в этой благословенной стране в настоящий ад.

Вечером они вернулись в свой отель. Дронго предложил взять такси, чтобы не возвращаться пешком. Вера согласилась. В кабине машины они сидели слишком близко, и она незаметно отодвинулась. Когда они уже вышли из машины и он расплатился, она вдруг спросила:

— Какой парфюм вы употребляете?

— «Фаренгейт», — грустно ответил Дронго.

— А почему так грустно? По-моему, он вам подходит.

— Именно поэтому. Я его уже не чувствую. И все время ищу лучший аромат. Уже много лет. Но пока не нашёл.

Они поднялись на пятый этаж. Он проводил её до номера. Она открыла дверь и повернулась к нему.

— Спасибо за ужин, — поблагодарила Вера, — и за то, что вы меня нашли.

— Может, мне остаться? — предложил Дронго. — У вас две комнаты. Это уловка, чтобы остаться в моем номере, или вы действительно опасаетесь за мою безопасность?

— Конечно, уловка. — Он даже улыбнулся.

— Тогда тем более не нужно. — Она пожала ему руку. — Я никому не открою. И никуда не сбегу, честное слово. Увидимся завтра, когда спустимся к завтраку. В каком вы номере?

— В конце коридора, в пятьсот втором.

— Спокойной ночи. — Она заперла дверь, и он услышал её шаги. Повернувшись, пошёл в свой номер. Он даже не знал, нужно ли ему огорчаться в подобных случаях. Спал он спокойно. И все время просыпался, прислушиваясь к малейшему шуму в коридоре.

Пятнадцатое октября

Утром он позвонил ей в номер. На часах было около десяти. Она сразу ответила. Договорились встретиться на втором этаже за завтраком. Вера появилась в ресторане через десять минут. На ней было лёгкое серое платье. Он обратил внимание, что она не злоупотребляет косметикой. У неё была хорошая чистая кожа. Дронго галантно встал, подождав, пока она сядет за столик.

— Доброе утро. Как спали? — любезно поинтересовался Дронго.

— Плохо, — ответила она, — всю ночь снились какие-то кошмары.

— И я плохо. Нужно было остаться в вашем номере. Ругал себя всю ночь. Иногда мы ведём себя так глупо. Из-за ненужных условностей позволяем себе совершать ошибки. Мне было просто неудобно напрашиваться к вам в номер. Если бы что-то случилось...

— Не нужно, — попросила она, — ведь ничего не случилось. А мне здесь нравится. Осталось только четыре дня. Я думаю, лучше оставаться здесь, где никто нас не ищет.

— Боюсь, что вы ошибаетесь. Нас наверняка ищут. И ищут в первую очередь вас.

— Но пока не нашли.

Он не ответил. Она выбрала кофе, он предпочёл чай. Когда они закончили завтрак, на часах было без пятнадцати одиннадцать.

— Вы ждёте звонка? — спросила Вера.

— Нет. Я должен позвонить ровно в одиннадцать, — пояснил он.

— Какой план на сегодня? — поинтересовалась она.

— Сидеть в номере и пытаться анализировать ситуацию, — пошутил Дронго.

— Вы решили, что меня нужно посадить под домашний арест, — лукаво заметила Вера.

— Да, — кивнул он, — пока мы не будем уверены, что вам ничего не грозит.

— Кажется, Чехов говорил, что женщины без мужского общества блекнут, — вспомнила Вера, — теперь у меня появился спутник.

— Тогда закончите фразу, — предложил Дронго, — вторая часть этой фразы гласит, что мужчины без женского общества глупеют. Может, мне тоже необходимо ваше присутствие, чтобы быть чуточку умнее?

— Не стану спорить, — развела руками Вера.

Позавтракав, они поднялись на пятый этаж.

Он проводил её до номера, пообещав зайти через полчаса. Ему не хотелось, чтобы она слышала его разговор с Эдгаром. Ровно в одиннадцать утра он позвонил в салон, где должен был находиться Вейдеманис, и услышал голос своего друга.

— Добрый день. Хорошо, что ты позвонил. У нас неприятности. Ранен Кружков. — Все эти слова Эдгар произнёс быстро, словно опасаясь, что их прервут. Для уравновешенного и всегда сдержанного Вейдеманиса это было слишком эмоционально.

— Как это случилось? — гневно спросил Дронго.

— Его ударила машина. Он ждал меня на углу, когда я разговаривал с одним из сотрудников Веры Логутиной. Они собирали материалы по компании «Стил-М». Их интересовали финансовые операции с акциями...

— Я все знаю, — перебил Эдгара Дронго, — где сейчас Леонид?

— В больнице. Состояние стабильное. Машина уехала, но я запомнил водителя. Если найду, тоже отправлю его в больницу. Года на два.

Никогда раньше Вейдеманис так не разговаривал. Очевидно, его потрясла наглость их соперников.

— Будь осторожен, — посоветовал Дронго, — я её нашёл. У нас осталось только четыре дня. Сумеешь продержаться?

— Постараюсь. Ты тоже будь осторожен. И насчёт Оглобина. Его характеризуют как

журналиста, обычно не брезгующего любыми сенсациями. В редакции его не очень любили.

— Понимаю.

— До свидания. В крайнем случае используйте четвёртый вариант.

— Договорились.

Дронго убрал аппарат и закрыл глаза. Если они решились сбить Кружкова, значит, настроены весьма решительно. Им не нравится интерес Эдгара к записной книжке Веры Логутиной. И судя по всему, они нервничают, пытаются установить, где находится сбежавший свидетель. И у неё есть копия обзора. Он поднялся и пошёл по коридору к её кабинету. Постучал. Прислушался. Никто не ответил. Он нахмурился. Неужели опоздал? Он постучал ещё сильнее. Прислушался. Опять никаких звуков. Нужно попытаться открыть эту дверь. Вернуться к себе в номер и достать нож. Он уже собирался отойти от двери, когда услышал шаги и она открыла дверь.

— Я была в ванной, — чуть виновато ответила Вера, — чистила зубы.

— Извините, — пробормотал Дронго, входя в её номер, — у нас неприятности. Когда мои напарники пытались поговорить с кем-то из ваших друзей, на них напали, и одного из моих людей сбила машина.

— Убили? — Его поражало в ней это сочетание ума и выдержки. Словно она уже много раз бывала в подобных ситуациях.

— Нет. Но он в больнице. Похоже, что вы разозлили очень неприятных людей.

— Я поняла это с самого начала. — Она села на диван. Он устроился на своём привычном месте, в кресле.

— Куда вы спрятали копию обзора? — спросил Дронго. — Если у своей знакомой, то вы рискуете её жизнью.

— Почему вы решили, что материалы у неё?

Вы же поехали к ней, собираясь сбежать из Москвы. И про неё никто не знал, даже ваша старшая сестра. Значит, я могу предположить, что и копию обзора вы могли оставить у неё.

— Это моя массажистка, — пояснила Вера, — мы с ней подружились. Я в прошлом году попала в аварию. Ничего страшного, но мою машину сильно ударили. Врачи считали, что нужно провести сеанс лечебного массажа спины. Я не рассказывала об этом Кире, чтобы её не волновать. И поэтому никто не знает о массажистке.

— А я думал, что вы ведёте обычно великосветский образ жизни, — усмехнулся Дронго.

— Я для этого недостаточно богата, — ответила Вера. Она распустила свои каштановые волосы и теперь выглядела совсем иначе, чем вчера. Немного старше и милевиднее.

— Не могу понять, зачем вы согласились ввязаться в эту историю, — сказал Дронго. — У вас была перспективная работа, вы хороший специалист. И есть страховка в виде сестры и её мужа. Вы всегда можете рассчитывать на их помощь и не умрёте с голода. Тогда зачем? Зачем вы согласились помочь Репникову?

Она молчала.

— Не хотите отвечать? — понял Дронго.

— Не хочу, — ответила она, — это личное. И к работе или деньгам не имеет никакого отношения.

Знаете, что сказала о вас Ирина Сергеевна Репникова? Она обратила внимание на ваш независимый и гордый вид. Очевидно, другие тоже обращали внимание на ваше поведение. Мне вообще кажется, что женщины больше склонны к крайностям. Они или намного лучше мужчин, или намного хуже.

— Было бы лучше, если бы у меня был зависимый и потерянный вид?

— Я этого не говорил. Но теперь вы попали в историю, из которой нужно выбираться. Или подождать здесь оставшиеся дни, чтобы только потом вернуться в Москву. Хотя и тогда никто не гарантирует вам безопасности.

Она что-то хотела ответить, но именно в этот момент позвонил телефон. Дронго недоуменно взглянул на аппарат. Он его не выключил. Потрясённый известием о ранении Кружкова, он не выключил телефон. Это была ошибка. Дронго достал свой аппарат. Номера этого телефона никто не мог знать, в этом он убеждён. И никому он его не давал, даже Эдгару, чтобы не подводить его. Тогда кто мог ему позвонить? Очевидно, на его лице отразились эти

сомнения, если Вера молча смотрела, как он колеблется. И наконец он решил ответить.

— Слушаю вас, — сказал Дронго по-русски. Он почему-то был убеждён, что позвонивший будет говорить именно на этом языке.

— Здравствуйте, — услышал он в ответ, — это господин Дронго?

Теперь сомнений не оставалось. Они смогли его вычислить. Каким образом, это он продумает позже. Но смогли.

— Да, — ответил он, — очевидно, вы уже знаете, кто с вами говорит, если решили перезвонить мне на этот номер. Может, вы представитесь?

— Срочно собирайте вещи! — крикнул он Вере, и она сразу поднялась с дивана.

— Какая разница, как меня зовут? — сказал позвонивший. — Самое важное, что вы до сих пор не хотите понять, что вы ошиблись, когда решили подключиться к этим розыскам.

— Возможно, — согласился Дронго, — но я не беседовал с таким умным человеком, как вы, и не получал ваших советов. Иначе обязательно бы ими воспользовался.

— Не нужно шутить. Ваш помощник уже в больнице. И если вы будете упорствовать, туда попадёт и второй ваш помощник.

— Может, лучше сразу отправить их куда-нибудь на курорт? В Баден-Баден, например.

— Мы подумаем над этим предложением. И если вы будете настаивать, мы их туда отправим. Обоих. В цинковых ящиках.

— Как грубо, — поморщился Дронго, — я начинаю догадываться, что вы мне угрожаете.

Ни в коем случае. Зачем? Вы умный человек. И уже во всем разобрались. Я уверен, что двое умных людей всегда могут договориться. Вы ведь не герой. Вы обычный наёмный детектив, которому платят гонорар за его работу. Вот я вам и предлагаю гонорар. Только не тот, который вам заплатит Каплунович, а в пять или в десять раз больше. Сумму можете назвать сами.

Дронго смотрел, как Вера носится по комнатам, собирая свои вещи.

— Какой альтруизм, — пробормотал он, — вы просто благодетели. Можно узнать, за какие заслуги вы собираетесь предложить мне такие деньги?

— Вы знаете, — сказал позвонивший, — это цена за вашу спутницу. Учитывая, что вы её увидели впервые в жизни, она не тот человек, ради которого вы должны рисковать своими близкими и друзьями. Вы только назовёте нам город и отель. А потом уедете. И все. Деньги мы вам переведём. Назовите любую цену.

— Цену моего бесчестья?

— Цену вашего благоразумия. И не забывайте о вашей семье. Они ведь в Италии. Наши люди могут случайно оказаться в Риме. Нам бы этого не хотелось.

Сердце забило чуть сильнее. Позвонивший не блефовал, он наверняка знал, где живут Джил и дети. Только он не мог знать, что их уже там нет. Со вчерашнего дня. Или... Нужно выяснить точнее.

— Откуда вы узнали про мою семью?

— Неважно. И не нужно им сразу звонить. Мы уже послали туда своих людей. Они сейчас у вашего дома. И ваша жена с детьми просто не успеют никуда сбежать. Вы меня понимаете?

— Конечно. Я имею дело с такими порядочными людьми. Вы исчерпали свой набор угроз или у вас в запасе осталось ещё что-нибудь?

Он подозвал Веру и быстро написал на листке номер своего домашнего телефона в Риме. Затем добавил просьбу: «Позвоните и узнайте, где сейчас Джил. Можете говорить по-английски, там поймут».

Она поспешила в спальню, где был второй телефон.

— Перестаньте шутить, Дронго. Мы в любом случае не допустим ни выступления бывшего премьера, ни обнародования этого доклада. Вы уже поняли, что имеете дело с серьёзными людьми. Если мы смогли так быстро вычислить ваш номер, мы вычислим, где вы находитесь. Рано или поздно мы её возьмём. А вы останетесь ни с чем. Я не хочу заранее предвосхищать события, но ведь и с Каплуновичем может произойти какая-нибудь авария. Или несчастный случай. И тогда вы вообще не получите никаких денег. Разве стоит его родственница таких жертв с вашей стороны?

— Вы не слишком долго говорите? — поинтересовался Дронго. — Я ведь в Европе. С вас

возьмут большие деньги за международный разговор.

— Ничего, — хмыкнул позвонивший, — мой бюджет выдержит.

Вернулась Вера. Она написала записку: «Джил уехала ещё вчера вместе с детьми. Они не знают, куда она уехала. Я сказала, что звонила от вас».

Он кивнул в знак понимания.

— Сколько вы хотите мне заплатить? — спросил Дронго. — Мне хотелось бы знать пределы моих возможностей.

— Мы не торгуемся, — великодушно заметил его собеседник, — называйте любую цифру. Миллион, два, три. Нам нужна эта женщина, и мы её в любом случае получим. Только не говорите, что вас нельзя купить. Купить можно все, что угодно. Вас, эту женщину, ваших друзей и напарников, любого следователя, прокурора, судью, даже самого Каплуновича. Разница только в цене.

— А если я скажу, что вы ошибаетесь и меня купить нельзя? Как и запугать.

— Тогда я скажу, что вы дурак, — невозмутимо парировал позвонивший, — такой шанс бывает один раз в жизни. Вы уже поняли, что проиграли. Вы же профессионал. Раз мы в игре, значит, финала не будет, мы его не допустим. И сорвём это выступление в любом случае. И не говорите, что вы готовы сохранить верность Каплуновичу.

— Выходит, что дурак это вы, — вежливо ответил Дронго, — я полагал, что вы поймёте. Я сохраняю верность не Каплуновичу, а самому себе. Человек порядочный не продаётся не в силу внешних обстоятельств, а только потому, что иначе не сможет жить. Например, бриться каждое утро и видеть в зеркале лицо человека, которого он перестал уважать. Вот вы, кажется, совсем не бреетесь.

Это была уже игра. Кто первым бросит трубку. Позвонивший нервно рассмеялся:

— Вы смелый человек. Не бойтесь так разговаривать. А если мы решим сэкономить деньги? На такую сумму я найду отряд головорезов, которые прочешут всю Европу и принесут мне ваши головы в корзинах. И гораздо дешевле.

— Почему в корзинах? Можно заказать изящные коробки. И учтите, что у меня большая голова. Нужно будет заказать коробку побольше. Вот только вам лично я такой коробки не гарантирую.

Вера уже собрала вещи и теперь стояла перед ним, ожидая, когда он завершит свой затянувшийся и неприятный разговор.

— Угрожаете? — прохрипел позвонивший. — Думаете, что можете себя так вести? Надеетесь на защиту Каплуновича?

— Нет. На здравый смысл. И на вашу глупость и жадность. Такие люди обычно плохо кончают. Не звоните больше на этот номер. Я выброшу аппарат.

— Не нужно, — сказал собеседник, — мы все равно сумеем найти все ваши другие телефоны. У вас нет шансов.

— Вы это уже говорили.

— Тогда ждите гостей. — Дронго понимал, что позвонивший нарочно тянет время, пока его операторы вычисляют, откуда ведётся разговор. Но за несколько минут они все равно не успеют появиться в Кордове.

— Буду ждать, — сказал Дронго, — и не нужно торопиться. Я не стану возражать, если вы найдёте меня через неделю. И мою семью тоже... — не удержался он от сарказма.

Позвонивший понял, что разговор неоправданно затянулся, и повесил трубку.

— Уходим, — решил Дронго, — они нас быстро вычислят.

— Как они узнали номер вашего телефона? — изумлённо спросила Вера.

— Пока не знаю. Но нам лучше здесь не оставаться. Поехали быстрее. Мне ещё нужно забрать вещи из своего номера.

Пятнадцатое октября

Они забрали свои сумки и чемоданы и спустились вниз.

— Пойдём на вокзал, — предложила Вера, — нужно только перейти площадь.

— Нет, — возразил Дронго, — когда они сюда приедут, первое, что сделают, это проверят расписание поездов. Они тоже решат, что мы уехали отсюда на поезде. Тем более что аэропорта в городе нет. Я думаю, нам лучше выбрать автобус. Они не сразу вычислят, что мы выбрали автобус.

— Вызовем такси?

— Нет. Остановим попутное. И поедем на автобусную станцию. А по дороге я выброшу наш аппарат.

— Борис говорил мне, что специалисты могут вычислить, где вы находитесь, даже если у вас выключен телефон, — вспомнила Вера.

— Я знаю. Пойдём быстрее. Вполне возможно, что их люди уже в Испании или, ещё хуже, где-то рядом.

Они взяли такси и поехали на автобусную станцию. По дороге заехали на вокзал, и Дронго выбросил телефон в мусорное ведро, стоявшее в вестибюле вокзала. Автобусная станция находилась совсем недалеко, на авениде Америка. Купив два билета в небольшой городок Хаэн, Дронго помог перетащить вещи своей спутницы в багажное отделение, и оба поднялись в салон автобуса.

— Нам далеко ехать? — спросила Вера, устраиваясь у окна.

— Нет, ответил Дронго, — закройте занавеску. Когда выедем из города, откроете. Отсюда часа полтора.

— Никогда не слышала про Хаэн, — призналась Вера.

Это очень интересный город, — сообщил Дронго, — он лежит как раз на главной дороге из Кастилии в Андалусию. И в Средние века здесь происходили наиболее ожесточённые сражения. Городок небольшой, примерно двенадцать или пятнадцать тысяч жителей. Он известен Кафедральным собором, который начали сооружать ещё в тысяча пятьсот сороковом году, и арабскими купальнями, что остались здесь ещё со времён халифата. Там есть церкви и более древние, например пятнадцатого века.

— Вы никогда не работали гидом? — усмехнулась Вера. — Откуда вы все знаете?

— Я люблю Испанию, люблю историю и люблю читать книги, — пояснил Дронго, — когда все соединяется, то получается неплохое знание этой страны.

— Как вы думаете, откуда они узнали номер вашего телефона? Надеюсь, вы не считаете, что я сообщила им этот номер?

— Вы вне подозрений, — согласился Дронго, — хотя если бы я писал детектив, то сделал бы именно вас главным действующим лицом. Представляете, какая интрига? Вы сдаёте меня, хотя я пытаюсь вас спасти.

— Совсем не остроумно, — заявила она, — зачем мне вас предавать? Чтобы меня убили? И вас вместе со мной?

— Может, не меня, а своего бывшего руководителя.

— Вы имеете в виду Репникова?

— И не только его.

— Хватит, — повернулась она к нему, — мне надоели ваши упрёки. И непонятные намёки. Вы действительно считаете, что я выдала ваш номер?

— Конечно, нет. Вы его не знали. И вам это не нужно. Не говоря уже о том, что они ищут именно вас, а не меня.

Автобус мягко тронулся по направлению к Хаэну. В салоне было немного пассажиров, человек пятнадцать. Вера тихо спросила:

— Тогда кто мог сообщить им номер вашего телефона?

— Никто. Но они оказались гораздо более оперативными, чем я мог себе представить. Наверное, старею. Мы сделали с вами два звонка. Один вчера и один сегодня. Я думаю, что к аппарату вашей племянницы они не могли подключиться. Он зарегистрирован во Франции, и его трудно прослушать. Не говоря уже о том, что о нашей договорённости почти никто не знал, кроме родителей Аллы. Тогда остаётся второй вариант.

— Вы думаете, вас предал ваш напарник?

— Эдгар? — улыбнулся Дронго. — Никогда в жизни. Нужно знать моего друга, чтобы полностью исключить такую возможность.

— Тогда каким образом?

Мы совершили ошибку, недооценив своих визави. Судя по скорости звонка, они вычислили Эдгара, когда он второй раз оказался в одном и том же месте. Мы нарочно поменяли время звонка. Вчера я позвонил в два по московскому времени, а сегодня в час. Но они поняли, что два подряд появления Вейдеманиса в салоне были не обычной случайностью. И сумели подключиться к этому телефону. Остальное дело техники. Выяснить, кто звонил и откуда. Я даже думаю, что они сначала приказали своим людям направляться в сторону Кордовы, а затем перезвонили мне. Или нарочно затягивали разговор, чтобы вычислить более точно место, где я нахожусь.

— Почему тогда вы не прекратили разговор сразу?

— Это было бы проявлением паники с моей стороны. А мне важно показать им, что я их не боюсь. Наш разговор был своеобразным перетягиванием каната. На одних нервах.

— И вы победили?

— Я не проиграл. Ещё есть вопросы?

— Да. Вы думаете, что они не найдут нас в Хаэне?

Не знаю. Не уверен. Нам понадобится какая-то связь, а это значит, что они все равно рано или поздно появятся рядом с нами. Все зависит от того, насколько рано и насколько поздно.

— Мне нужно бояться?

Он видел её глаза. Близко, слишком близко для подобного разговора.

— Откровенно? спросил Дронго.

Она кивнула.

— Да, — сказал Дронго, — судя по тому, как быстро они меня вычислили и какие средства пытаются задействовать, это очень серьёзные люди. Вы же понимаете, кому именно может помешать бывший премьер. Если он вдруг на самом деле решит выдвинуться в президенты. В таком случае игра будет безжалостной. И они ни перед чем не остановятся. Ставки слишком высоки.

Вы меня успокоили. — Вера отвернулась, и он не мог видеть выражение её лица. Она отдёрнула занавеску, глядя на дорогу.

— Лучше, если я скажу вам правду. Где вы покупали одежду?

— В Тулузе. Я расплачивалась наличными. Почему вы спрашиваете?

— Поэтому и спрашиваю. Хотел знать, как вы расплачивались.

Она повернулась к нему:

— А если я отдам им копию обзора, они меня не тронут?

— Не уверен.

— Почему?

— Вы опасный свидетель. Дело не в самом материале, над которым вы работали. Дело лично в вас. Вы готовили аналитический обзор для Репникова, вы знаете лично бывшего экс-премьера и при желании можете всегда выступить, поддержав факты, которые он изложит. Поэтому вы человек, который ни при каких обстоятельствах не должен появиться в Москве. Торг вам не поможет. Они вас уберут, даже если вы решите отдать им эту злосчастную копию.

Она снова смотрела ему в глаза:

— Вы специально меня пугаете?

— Нет. Говорю только правду. Нам очень повезло, что я нашёл вас быстрее, чем они.

Иначе мы бы не разговаривали.

— Спасибо.

Она опять отвернулась. Несколько минут они просидели, не разговаривая друг с другом.

— Можно, я задам вам личный вопрос? — вдруг повернулась к нему Вера.

— Валяйте.

— Кто такая Джил? Почему вы так беспокоитесь за неё?

— Это моя жена, — честно ответил он. Даже не колеблясь. Обычно он не отвечал на подобные вопросы.

— А мне говорили, что вы всегда один. Или это тоже легенды?

— Нет, правда.

— Вы с ней развелись?

— Нет. Просто при моей опасной профессии иметь рядом близкого человека непозволительная роскошь. Поэтому мы живём в разных странах и позволяем себе встречаться раз в три месяца. Или чаще...

— Ясно. Вы боитесь за свою семью?

— Я стараюсь их не подставлять.

— А почему вы просто не переедете к ним?

— Кому я нужен в Италии, — усмехнулся Дронго, — что я там буду делать? Работать гидом? Рассказывать о музеях и храмах Апеннинского полуострова? Я зарабатываю на жизнь своими расследованиями. И только так могу уважать самого себя. А вести жизнь пенсионера или альфонса, живущего за счёт супруги, я не могу и не хочу.

— Поэтому вы согласились на предложение Бориса?

— Ваше дело мне показалось достаточно интересным. Хотя политическими детективами я уже давно не занимался. Больше криминальные расследования, в которых не могут найти истинного виновника.

— И вы всегда выходите победителем?

— Нет. Не везде и не всегда. Но чем опытнее сыщик, тем глубже постигает он законы человеческого общежития. А значит, легче находит виновного. Люди удивительно схоластичны. Совершают одни и те же ошибки, поступают одинаково в схожих ситуациях. Но бывают и просчёты. Хотя на ошибках учатся.

— Как вы договаривались с Борисом? Только найти меня? Или найти и охранять?

— Хороший вопрос, — улыбнулся Дронго. Но не стал отвечать. Она терпеливо ждала.

— Почему вы молчите? — наконец не выдержала Вера.

— Не хочу отвечать.

— Почему?

— Чтобы не подводить вашего родственника.

— Он просил меня только найти? Верно?

— Да. Но он был уверен, что сможет вас защитить. У него есть своя служба безопасности.

— Именно поэтому я и не звонила Борису. Была уверена, что он подключит своих «шестёрку».

А среди них может оказаться предатель. Лучше доверять только себе.

— Вас много предавали в жизни?

— Случалось. — Она вздохнула. Он заметил этот вздох.

— Тогда любезность на любезность, — предложил Дронго, — ответьте на мой вопрос личного характера.

— Смотря какой вопрос.

— Только один. Кто подарил вам эти часы и кольцо? Они слишком дорогие. Борис не стал бы делать подобных подарков. С Репниковым у вас были только служебные отношения. Насколько я понимаю, ваш бывший друг Александр тоже не стал бы делать подобных подарков. Тогда кто?

— Как вам не дают покоя эти подарки, — покачала головой Вера. Но не стала отвечать. Теперь он терпеливо ждал. И ничего не переспрашивал. Наконец она не выдержала первой: — Почему вы молчите?

— Вы не ответили на мой вопрос. А я не хочу настаивать.

— Какой вы деликатный. Это был мой бывший друг. С которым я встречалась до Саши, до него...

— Вы можете назвать его имя?

— Зачем? Я не понимаю вашего болезненного интереса к этим подаркам.

Во-первых, такие подарки может позволить себе только очень состоятельный человек. Во-вторых, узнав, кто именно мог их вам подарить, я наконец добавлю недостающие детали в ваш психо-тип и завершу мозаику. Возможно, я стану понимать гораздо больше в этом запутанном деле.

— Это так серьёзно?

— Для меня да. Не забывайте, что я специалист по копанию в грязном бельё. — Он произнёс эти слова с неожиданной горечью. Она почувствовала его обиду.

— Не нужно об этом, — попросила Вера, — он был женатый человек, мне неприятно об этом вспоминать. Но если вы настаиваете... Это был Феоктистов. Павел Феоктистов.

— Бывший первый помощник премьера, — удовлетворённо кивнул Дронго, — поэтому вы дали согласие втянуть себя в эту историю?

— Возможно, что да. А может, я сама хотела понять, чего именно я могу стоить.

— Он вас просил о помощи?

— Он мне звонил.

— Ясно. — Дронго посмотрел на проезжавшие мимо автомобили. И негромко сказал, глядя перед собой: — Я все время думал, куда вы сбежали и как вам удалось скрыться из Москвы. Для этого одной массажистки мало. У вас должен быть в Москве друг, которому вы могли доверять и который настолько влиятельный человек, чтобы проводить вас через границу, гарантируя вашу безопасность.

Она смотрела на него. Он чувствовал, как она напряглась.

— Теперь я знаю, кто вам помогал, — продолжал Дронго, — это Феоктистов?

Вера отвернулась.

— Не хотите отвечать? — спросил Дронго.

— Не хочу, — обиженно ответила она. И вдруг повернулась к нему: — Когда я с вами разговариваю, то чувствую себя, словно на приёме у врача. Скорее у психоаналитика. И не хочу вам врать. Словно знаю вас уже много лет. Так бывает?

— Виновато ваше подсознание, — пояснил Дронго, — вы понимаете, что я пытаюсь защитить вас, и чувствуете себя невольно объектом моих усилий. Но при этом хотите в очередной раз продемонстрировать свой независимый характер, свою индивидуальность. Есть известный античный афоризм — «Женщина подобна общему правилу, но правило, как и женщина, во многих случаях имеет исключение».

— Красиво. А вы говорите, что не сможете меня защитить.

— Нет. Я сказал, что опасность достаточно реальная. Но я не говорил, что не хочу или не смогу вас защищать.

Она снова замолчала, глядя в окно. Показались горы, склоны Сьерры-де-Хабалькуса, рядом с которыми находился Хаэн. Отсюда было около двухсот километров до самого красивого города Испании — Гранады. Когда автобус уже въезжал в Хаэн, она в последний раз повернулась к нему:

— Он мне помогал.

— Я так и думал.

— Как мы будем жить в отёле? — нервно уточнила она. — Возьмёте два номера?

— Нет. Только один.

— Может, у них есть спаренные номера? С общей дверью, — предложила она.

— Если будут такие номера, тогда возьму. Если нет, мы разместимся в одном.

— Надеюсь, что кровати будут разные?

— Это я могу вам обещать, — ответил он без тени усмешки.

Но, как оказалось, обещание было несколько преждевременным. Когда автобус остановился, они забрали вещи и направились в сторону центра. Недалеко был небольшой отель. «Парадор Кастильо де Санта Каталина». Выбеленные стены отеля напоминали сельскую школу. Они вошли в просторный холл. Пятьсот лет назад здесь была походная резиденция кастильских правителей. Потолки были из тяжёлого чёрного дерева. На стенах висели портреты кастильских королей.

— Славное место, — вздохнул Дронго, — хотя мне никогда не нравились старые и пыльные дворцы, оставшиеся со времён Средневековья. Все, кроме старых надёжных дубовых дверей. Надеюсь, у них есть сдвоенные номера.

Таких номеров не оказалось. Здесь вообще было не так много номеров. И портье не владел ни английским, на котором пытался объясниться Дронго, ни французским, на котором с ним разговаривала Вера. Отчаявшись, Дронго перешёл на ломаный испанский, который был похож на знакомый итальянский.

— Нам нужна большая комната с двумя кроватями, — пытался объяснить Дронго.

Слово «гранде» портье понял. И понял, что для двоих. Он радостно закивал в знак

согласия. Тут же появился мальчик, который понёс их вещи куда-то на второй этаж. Дронго достал наличные деньги и заплатил сразу за два дня. Потом они поднимались по крутой лестнице. Мальчик открыл деревянную дверь, внёс вещи и, получив чаевые, сразу убежал. Дронго вошёл в большую и просторную комнату. Это была гостиная с массивной тёмной мебелью. Стулья с высокими спинками, обитые красным бархатом. Огромный дубовый шкаф с вырезанными фигурками. Мебель была похожа на те гарнитуры, которые приходили в Баку и в Москву в его молодости. Тогда эта румынская мебель называлась «Ренессансом». Он прошёл в другую комнату. Она была меньше. Уютная спальня с большой кроватью, под атласным пологом, застеленная бархатным покрывалом. Справа была небольшая ванная комната. При этом собственно ванная и санузел были раздельными.

— Одна кровать, — показала Вера, — мне кажется, что вы обещали две. Или я ослышалась?

— Я сейчас попытаюсь с ним поговорить. — Дронго повернулся и пошёл к портье.

Но его попытки пояснить портье, что кровати должны быть раздельными, ни к чему не привели. Портье просто не понимал, почему он должен искать номер с двумя кроватями рядом для этих привередливых гостей. К тому же свободных номеров почти не было. Дронго вернулся в свой номер.

— Это самый лучший номер, — сказал он, входя в спальню, — если хотите, я буду спать на полу. Здесь нет даже дивана.

— А на полу наверняка есть тараканы, — нервно заметила Вера, — не нужно экспериментов. Будем спать на этой кровати. Надеюсь, что вы хотя бы не храпите.

По лицу Дронго она поняла, что ошибается.

— Может, мне лучше самой сдаться? — пошутила она. — Надеюсь, что вы хотя бы не курите?

— А вы разве не курите?

— Раньше курила. Сейчас нет.

— Я тоже не курю.

— Уже неплохо. — Она взглянула на него. — Вы разрешите мне переодеться? Или хотите сразу лечь в постель?

— Я подожду вас внизу.

Она была слишком независимой. Он помнил, что она не оставляла у себя в квартире даже своего близкого друга. Ей не нравилось, когда Александр оставался у неё ночью.

Он спустился вниз. Портье улыбался гостю. У него были гусарские усы, загнутые кончиками кверху. Мясистый нос, крупные глаза, большие уши, толстые щеки. Портье был небольшого роста, но сознание собственного достоинства и крупный живот делали его весьма колоритной личностью. Сеньор Роберто Фалья, было написано на фотографии портье, висевшей за его спиной. Очевидно, сеньор Фалья был узнаваемым человеком не только в этом парадоре, но и во всем городе.

Дронго вышел на порог отеля. Машин в городе было немного. В эти дневные часы начиналась сиеста — дневной отдых — и прохожих почти не было. Послышались шаги. На пороге появилась Вера. Она снова собрала волосы, надела джинсы, свою курточку и белую майку. Но бюстгальтер под майку тоже надела, это было заметно.

— Куда пойдём? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Дронго, — наверное, сначала в собор. Он здесь недалеко, прямо на площади рядом с муниципалитетом.

— Тогда я вернусь и возьму платок, — сказала Вера, — иначе меня не пустят в собор.

Он протянул ей руку, помогая спуститься по ступенькам. На главной площади кроме муниципалитета находился и Дворец архиепископа. Они вошли в открытый собор. Здесь почти никого не было. Католические соборы Испании традиционно искусно отделаны изнутри. Они пробыли в соборе около получаса и вышли на площадь. Вера все время молчала. Когда они были уже на улице, она сняла платок и тихо спросила:

— Вы верующий?

— Не знаю. Скорее агностик. Хотя иногда бываю верующим.

— Значит, нет. А я верю, что все predeterminedено свыше. Даже наша встреча в Испании. И

если мне суждено умереть, вы не сможете меня спасти.

— Позвольте не согласиться, — возразил Дронго, — если вы помните, самого Христа диавол поставил на вершину скалы и предложил прыгнуть оттуда. «Если ты Бог и сын Божий, то тебе нечего бояться», — сказал диавол. На что Иисус ему ответил: «Сказано, не искушай Господа твоего». Мне кажется, что надеяться на судьбу нужно, но не слишком ей доверяя. Очень многое зависит от самого человека. Если даже Бог не стал прыгать со скалы, то почему обычные люди считают, что, прыгая со скалы, они могут рассчитывать на спасение?

— С вами невозможно спорить, — отмахнулась Вера, — пойдёмте куда-нибудь пообедаем.

Они пообедали в небольшой аргентинской таверне «Эль-Пасо». Затем вернулись в центр города. Весь Хаэн можно было обойти за несколько часов. Когда они вошли в отель, на часах было около шести вечера.

— Что будем делать? — спросила Вера.

— Посидим в отёле, — предложил Дронго, — осталось только три дня, если не считать сегодняшний.

Они поднялись в номер. Дронго уселся в гостиной перед телевизором, а Вера отправилась принимать душ. Неожиданно он услышал, как она зовёт его. Дронго подошёл к двери ванной комнаты.

— Вам что-нибудь нужно?

— Да. Я оставила мочалку в своей сумке. Вы не могли бы её принести? — попросила Вера. — Она лежит сверху. Вы её сразу увидите.

Он пожал плечами, нашёл сумку, достал мочалку. И подошёл к ванной комнате. Постучал.

— Входите, — разрешила она.

Дронго вошёл в ванную боком, чтобы не смотреть на стоявшую под душем молодую женщину. Она увидела, как он протягивает руку, и рассмеялась.

— Я закрылась полотенцем, — сообщила Вера, — не думала, что вы так боитесь женщин.

— Ужасно боюсь. — Он передал ей мочалку, не поворачивая головы, и вышел из ванной, закрыв дверь.

Через некоторое время она тоже вышла, надев белый халат. Подошла к кровати, расчёсывая волосы. В ванной она высушила их феном.

— Вы можете принять душ, — сообщила Вера, — я помыла после себя ванную.

Он не забыл достать собственную мочалку. Она увидела, что именно он держит в руке, и рассмеялась.

— Вы так боитесь, что я могу войти? Я впервые в жизни видела, как мужчина входит в ванную боком, не пытаясь даже повернуть голову.

Ваш бывший друг рассказал мне, как однажды во время отдыха где-то на Канарах к вам в ванную комнату случайно попал один из его друзей. Говорят, что он немного перебрал со спиртным. И как вы его выбросили с балкона. Не хочу оказаться на его месте, — сообщил Дронго.

— Александр всегда был не в меру болтлив, — отмахнулась она, — но вас выбросить не так просто. И я подозреваю, что наш знакомый оказался в моей ванной не совсем случайно. И выпил не так много, чтобы все перепутать.

Дронго согласно кивнул и пошёл в ванную. Он вышел примерно через двадцать минут, забрав второй халат. Почти в любом отёле халаты были ему малы, доходя до колен. Они скорее походили на римскую тунику, чем на халат. В спальне было темно и тихо. Дронго подошёл к кровати. Вера спала. Халат лежал на стуле, небрежно брошенный туда его хозяйкой. Она повернулась, и у неё обнажилась левая грудь. Красивая грудь никогда не рожавшей женщины. Волосы разметались по подушке. Левая рука свисала с кровати. Он осторожно поднял её руку, затем укрыл Веру одеялом и прошёл в гостиную, чтобы прослушать последние новости. Перед телевизором он сидел часа полтора. Нужно было продумать ситуацию. Понять, что им дальше делать. На часах было около девяти, когда он решил, что на сегодня хватит. Пройдя в спальню, он повесил халат. Обычно он спал без майки, но на этот раз почему-то достал майку и надел на себя. Словно опасался домогательств с её стороны. Подумав об этом, он улыбнулся. Наверное, нет. Он ничего не боится. Тогда почему? Может, он боится, что окажется рядом с ней.

Слишком близко. А майка как последняя защита. Он осторожно лёг на кровать, потянул на себя одеяло. Или ему хочется, чтобы между ними произошло то, что обычно происходит между мужчиной и женщиной? Нет, нельзя. Он здесь в качестве человека, который обязан её спасти. Выдернуть из той ситуации, в которую она попала. Он взглянул на неё. Она что-то прошептала, и он почувствовал, как её нога касается его ноги. Он слишком быстро отдернул ногу, словно его обожгли. Подвинулся на самый край кровати. И в очередной раз подумал, что на его долю выпало слишком много испытаний. А потом он заснул. И в эту ночь спал ещё более беспокойно, чем раньше, просыпаясь каждый раз, когда она шевелила ногой или переворачивалась на другой бок. Так прошла и эта ночь.

Шестнадцатое октября

Под утро он заснул более крепким сном. Что не помешало ему услышать, как утром она проснулась. На часах было около шести. Она долго лежала, глядя в потолок, несколько раз поворачивала голову и глядела на него. Он лежал к ней спиной, но мог поклясться, что чувствовал на затылке её взгляд. Потом она поднялась. Он закрыл глаза, позволяя себе погрузиться в более глубокий сон.

Как у всех «сов», его утренний сон был более глубоким, чем ночной. Когда он открыл глаза, на часах было уже около девяти.

— Доброе утро, — сказала она, входя в комнату. На ней была длинная светло-зелёная майка, почти закрывавшая её короткие шорты. Слишком короткие, подумал Дронго. У Веры были длинные ровные ноги. Красивые лодыжки, идеальные колени.

— Доброе утро, — кивнул Дронго, — кажется, я спал слишком долго.

— Нет, ничего. Мы оба устали и позволили себе выспаться. Я заказала вам завтрак в номер. Он на столе. Или вы любите, чтобы вам доставляли завтрак в постель?

— Терпеть не могу, — признался Дронго, — и вообще не понимаю, как можно завтракать в постели. Даже пить кофе, который я не люблю. Ведь это не совсем эстетично. Может, вы отвернётесь и я постараюсь вылезти из кровати?

— Вы стесняетесь, — рассмеялась она, — хотите, признаюсь вам в одном невероятном факте? Вы первый мужчина, с которым я провела ночь, даже не зная его полных инициалов. И который стесняется меня утром, не вылезая из кровати.

Она, очевидно, ждала, что он тоже признается в подобном невероятном факте из своей биографии. Но он молчал. Она вышла из спальни, и он поспешил в ванную. Когда он побрился, почистил зубы и принял душ, она осторожно постучалась.

— Вы ещё не закончили?

— Иду! — крикнул он, надевая брюки.

Он вышел из ванной, и они сели за стол. Она старательно намазывала масло на хлеб. Разливала чай из чайника.

— Вы промолчали, когда я призналась вам, что даже не знаю вашего полного имени. Может, вы представитесь?

Он пробормотал своё имя и фамилию. Она покачала головой.

— Я примерно так и думала. Видно, что вы восточный человек. Галантный, воспитанный, деликатный и великодушный.

— Спасибо, — проворчал он, отпивая чай. Почему вы ничего не сказали, когда я говорила вам о парадоксальности нашей ситуации? Или вы часто проводили ночи таким образом, охраняя разных женщин?

— Не часто, — признался Дронго, — но иногда случалось. Хотя самая романтическая история произошла со мной очень давно, ещё в советские времена. Это было летом семьдесят первого. Мы с другом были офицерами, проходившими военные сборы. И решили сбежать на два дня в Ленинград. И в первые же часы встретили там двух совсем молодых девушек из Мурманска. Одну звали Лена, другую, кажется, Вера...

Она насторожилась. Но он спокойно продолжал:

— Вера понравилась моему другу. А мне понравилась Лена. И два дня мы провели вместе с ней. Только она приехала в Ленинград за свадебными подарками. В общем... мы были вместе,

но у нас ничего не было. Мы позволяли себе только целоваться и валяться в постели. Ничего большего. Тогда мы были слишком молодыми и наивными. Через два дня она уехала, и я её больше никогда не видел. Как и её подругу. А мой друг погиб через некоторое время. Вот такая грустная история. Хотя нет, он не погиб. Он был тяжело ранен и потерял память, но это примерно одно и то же. Она тяжело вздохнула.

— Вы старый и разочаровавшийся в жизни человек, — с деланным отвращением заявила Вера, — как мне не повезло. Нужно попросить Бориса, чтобы в следующий раз отправлял за мной молодого красавца двадцати лет и...

— И без мозгов, — закончил за неё Дронго.

Они весело рассмеялись.

— Да, — кивнула она, — наверное, без мозгов. Но приходится выбирать. Либо мужчина с мозгами, который входит в ванную комнату пятясь, как вы, либо молодой самец, которого нужно выбрасывать с балкона. Полного совершенства не бывает.

Он понимал, что она весело его поддевает, но решил не вступать в эту игру. И спокойно продолжал завтракать. Она поняла, что он не готов продолжать разговор в этом тоне.

— Наш бывший премьер уже объявил, что намерен прилететь девятнадцатого в Москву и выступить на пресс-конференции, — заявила она, — сегодня об этом передают по всем информационным каналам.

— Я ещё вчера об этом слышал, — кивнул Дронго.

— Он прилетит восемнадцатого вечером на частном самолёте, — добавила она, весело улыбаясь.

Он прекратил есть. Поставил чашку на столик.

— Откуда вы об этом узнали? Об этом не говорили в информационных сообщениях.

Она поняла, что выдала себя, и снова прикусила нижнюю губу. Он уже запомнил этот жест. Когда она нервничала, то кусала нижнюю губу.

— Вы кому-то звонили? — Дронго подумал, что действительно слишком много спал.

— Да, — с вызовом ответила Вера, — я звонила Борису.

— Когда?

— Сегодня утром. Но вы не беспокойтесь. Я звонила не отсюда. Я вышла на площадь, купила карточку и позвонила из автомата на личный номер Бориса. Сообщила ему, что все в порядке, и сказала, что мы в Хаэне. Он очень волновался. Все равно осталось три дня и они нас уже не найдут.

— Вы звонили только ему?

— Да. А почему вы спрашиваете?

— Не лгите. Может, вы звонили и другому знакомому? Скажите честно.

— У него жена, — покраснела Вера, — я не могу звонить ему так рано.

— Когда вы звонили Борису Самуиловичу? — с нарастающим ужасом спросил Дронго.

— Недавно. Часа два назад, — призналась Вера, — а почему вы спрашиваете?

Два часа назад, быстро просчитал Дронго. Сегодня их преследователи должны были начать поиски в Кордове, вычислив вчера, где именно прятались беглецы. Оттуда сюда не более полутора часов. Он не успел додумать свою мысль.

— Ничего страшного, сказала Вера, — в этой глухомани они нас не...

Она не успела договорить, когда он заметил блеск в раскрытом окне. Солнечный блик отразился на чашке. Он прыгнул к Вере, повалив её на пол. И два неслышных одиночных выстрела сначала разнесли вдребезги чашку, а затем перевернули чайник.

— Ой! — громко крикнула Вера. — Осторожнее...

— Не поднимайте головы! — крикнул ей Дронго, подползая к окну. Подняв руку, он закрыл окно. Сначала одну створку, затем вторую. Он зло взглянул на свою спутницу.

— Извините, — пробормотала она. — Я не думала... Они так быстро... Я даже не знала...

— Нужно было догадаться. — Он подполз и закрыл второе окно. Задёрнул занавески. И только затем поднялся. — Вчера мы были в Кордове, — пояснил Дронго, — значит, сегодня они были там.

Искали нас в городе. Очевидно, все звонки Каплуновича прослушиваются. Или контролируются, что в общем одно и то же. И когда вы позвонили, ваш звонок засекали.

Оставалось выяснить, откуда вы звонили. Это было достаточно нетрудно. Им понадобилось полчаса. Или час. А потом они приехали сюда. Прибавьте ещё один час. И теперь мы с вами в западне. Они знают, в каком отёле мы живём, и ничего не мешает им просто пристрелить нас обоих. Ворваться сюда и расстрелять нас на нашей большой кровати.

Она наконец поднялась. Её буквально трясло.

— Вы же серьёзный человек, — упрекнул её Дронго, — а не девочка. Могли вы понять, насколько глупо вы себя вели.

— В Москве было только девять утра, — призналась Вера, — я даже подумать не могла, что нас будут прослушивать. Вся эта обстановка... Большая кровать, этот допотопный отель, этот старый провинциальный городок... Я была уверена, что нам ничего не грозит. Простите...

— Это вы скажете мне спасибо, если нам удастся уйти отсюда живыми, — пробормотал Дронго, — теперь мы с вами в настоящей западне. И я не представляю, как нам отсюда вырваться.

Он мрачно взглянул на неё.

— Мы могли бы вызвать полицию, — несмело предложила Вера.

В этом городке, наверное, работают несколько офицеров полиции, — разочарованно заметил Дронго, — даже если они приедут и попытаются нас защитить, ничего не получится. Это сотрудники полиции небольшого города. Здесь не работают Джеймсы Бонды. Любой профессионал справится с целым отделением таких офицеров. Не говоря о том, что у каждого из этих полицейских есть семьи и полно ребятишек. Мы их просто подставим.

— Будем сидеть и ждать, пока они сюда придут и нас убьют? — с вызовом спросила Вера. — По-моему, вам нужно что-нибудь придумать.

— Мне нужно было привязать вас к себе, — проворчал он недовольно.

— Может, ещё раз позвонить Борису? — неожиданно предложила она.

— Зачем?

— Пусть пришлёт сюда своих людей. Чтобы они нас защитили, — пояснила Вера, — ведь у него есть целый штат охраны в Париже. А оттуда сюда часа три. Полтора часа на самолёте до Мадрида. И ещё столько же из Мадрида в этот Хаэн. Уже днём они могут быть здесь, если мы, конечно, забаррикадуемся и никого сюда не пустим.

Дронго с изумлением смотрел на неё.

— Может, я вас действительно недооцениваю, — пробормотал он, — для обычной женщины вы слишком рационально мыслите. Хотя иногда ведёте себя весьма беззаботно, — добавил он, вспомнив её утренний звонок. Она не обиделась.

Ошибки могут быть у всякого. — Она подняла трубку и набрала номер личного телефона Бориса Каплуновича в Москве. Там сейчас должно быть около одиннадцати утра. Она долго ждала, пока наконец он недовольно ответил.

— Это я, — быстро произнесла Вера.

— Опять позвонила? Ещё нет одиннадцати.

— Знаю. Слушай меня, Борис. Нас засекли. Когда мы с тобой разговаривали. Они, наверное, слушают все твои телефоны. Как я тебе говорила, мы сейчас в городке Хаэн. Это между Кордовой и Мадридом. Срочно высылай из Парижа своих «горилл». Чем больше, тем лучше. И как можно быстрее. У нас не так много времени. Пусть приедут в отель-парадор «Кастильо де Санта Каталина». Восемнадцатый номер. Как можно быстрее, ты меня понимаешь?

— Понимаю, — ответил ошеломлённый Каплунович, — а Дронго с тобой?

— Да. Посылай людей, иначе нас убьют.

— Сейчас позвоню в Париж. Вы только продержитесь. Какой у вас телефон?

Двадцать шесть, сорок четыре, одиннадцать. И код Испании и этого Хаэна. Ты все понял? Никуда не выходите. — Он отключился.

— Обещал прислать людей, — сообщила Вера, положив трубку.

Дронго поднялся. Подошёл к двери. Тяжёлая, массивная дверь. И достаточно сильный замок. Такую дверь непросто выломать. Он повернулся, посмотрев на шкаф. Если удастся притащить этот шкаф к двери, можно будет использовать его как неплохую подпорку. Он подошёл к шкафу и попытался сдвинуть его с места. Нет, это практически невозможно. Шкаф

слишком большой и массивный. Он словно прибит к полу. Но можно использовать стол и стулья.

Он подошёл к столу. Тоже слишком массивный, но его хотя бы можно двигать.

— Помогайте мне! — крикнул он своей спутнице. Она покорно встала рядом с ним. Вдвоём им удалось перевернуть стол и дотащить его до дверей. Потом они сложили тяжёлые стулья. Получилась неплохая баррикада.

Может, они решили подождать нас на улице? — предположила Вера, прислушиваясь к шагам в коридоре. Пока никто их не тревожил.

— Сочетание рационализма и идиотизма в одном лице, — в сердцах бросил Дронго.

— Хотите сказать, что я идиотка? — даже не обиделась Вера.

— Вы уже взрослый и самостоятельный человек. А ведёте себя как маленькая девочка. Зачем нужно было звонить мужу вашей сестры? Что за глупое ребячество? Чего вы этим добились? Разве не понимали, что это слишком опасно? — Он повысил голос и вдруг увидел её глаза. Спокойные голубые глаза. Слишком спокойные для такой ситуации и слишком умные.

Это та самая женщина, которая сумела уйти от преследователей в Москве. Она хороший финансист и аналитик, умеет просчитывать варианты. Она смелый и сильный человек. Кажется, идиотом был он сам. Нужно было сразу понять, почему она ушла и решила позвонить своему родственнику. Он обязан был предвидеть и этот вариант.

— Вас интересовал не Борис, — осознал Дронго, — я в первый момент даже не понял. Вы ведь звонили не просто так. А с определённой целью. Верно?

Она молчала. Теперь она не смотрела ему в глаза.

— Вы позвонили ему, чтобы сообщить, где находится копия, — прошептал Дронго, — и вы хотели, чтобы он её забрал. Нет. Он не забрал её. Иначе не спал бы сейчас в своей постели. Вы сообщили ему, кого нужно найти, чтобы забрав эту копию.

Вера снова прикусила нижнюю губу.

— Вам нужно было гарантировать, что эта копия никуда не попадёт, — продолжал Дронго, глядя на свою спутницу, — и вы решили, что нужно сдать её... — Он сделал выдох и закончил: — Сдать её вашему бывшему другу Феоктистову. Правильно?

Она поднялась и молча прошла в ванную. Двери в спальне были закрыты и выходили на другую сторону. Дронго растерянно сел прямо на пол. Похоже, что с этой женщиной у него будет масса проблем. Через минуту она вернулась к нему. Посмотрела, как он сидит на полу, и села рядом с ним, скрестив ноги под себя.

— Вы сумасшедшая, — убеждённо произнёс Дронго, — с вами опасно даже находиться в одном городе.

— Наверное, — согласилась Вера, — поругайте меня, если вам будет легче.

— Нельзя вести себя как взбалмошный подросток, — продолжал Дронго, — хотя вам все равно. Влетает в одно ухо и вылетает в другое. С Феоктистовым, надеюсь, вы не говорили? Только честно?

— Нет. Я вам честно сказала, что не звонила. Когда я вышла на площадь, в Москве было пять часов утра. Разве можно в такое время звонить женатому человеку? Но Борис обещал ему перезвонить.

— Слава богу. — Дронго вспомнил про разбитую чашку и расколотый чайник. Осколки лежали по всему полу.

За дверью раздался треск. Словно кто-то пытался высадить эту дверь. Дронго протянул руку и сжал ладонь своей спутницы.

— Не волнуйтесь, — посоветовал он, — пока не вечер.

В коридоре были слышны голоса сразу нескольких человек.

Шестнадцатое октября

Кто-то дёргал ручку двери. Но пока решительного штурма не было. Очевидно, преследователи не знали, что Дронго не вооружён, и опасались идти напролом, привлекая внимание полиции и сотрудников отеля. Но так не могло продолжаться слишком долго. Через минуту раздался телефонный звонок. Вера вздрогнула. Дронго подошёл и снял трубку.

— Отдай нам женщину, — проворчал кто-то неизвестный в трубку, — отдай нам её, и мы уйдём.

— Не понимаю, — ответил он по-английски.

— Не валяй дурака, — посоветовал тот же голос, — мы отсюда не уйдём, пока не возьмём её с собой. У вас нет шансов. Ни одного. Если нужно, мы спалим эту гостиницу и вас вместе с ней. Выходите из отеля, иначе сгорите живьём.

— Мне нужно подумать, — ответил Дронго.

— Сколько?

— Хотя бы несколько часов. Я не каждый день делаю подлости. К этому нужно привыкнуть. Дайте мне время до вечера.

Очевидно, позвонивший совещался с коллегами. Затем негромко выругался и сказал:

— Только один час. Через час выходите из отеля. И без глупостей. Нас четверо. Шансов у вас все равно нет.

Дронго положил трубку и взглянул на Веру. Она продолжала сидеть на полу.

— Что? — спросила она. — Что он сказал?

— Пригласил меня в испанскую оперу на «Кармен», — зло ответил Дронго, — говорит, что оставит нам места в ложе.

— А если без нервов?

— Дали только один час. На большее не согласны. Потом подожгут отель. Вам как больше нравится? Задохнуться в дыму или умереть от пули? Может, предпочитаете другую смерть, более красивую?

— Вы боитесь? — спросила она, поднимаясь и подходя к нему.

— За вас безусловно. Меня прислали найти вас живой, а не доставить ваше тело родственникам.

— Спасибо, что напомнили.

Он подумал, что ему понадобится какое-то оружие. Поискал глазами, что может пригодиться. Под шкафом были массивные железные скобы. Он наклонился, пытаясь оторвать скобу. Нет, так просто её не оторвать. Поднял голову. Вам помочь? — спросила Вера.

— Не нужно. — Он тяжело выдохнул воздух. — Ничего похожего на оружие в этом номере нет.

— У меня есть газовый баллончик, — вспомнила Вера, — он лежит в чемодане. Не бог весть что, но все-таки оружие.

— Несите свой баллончик, — согласился Дронго. Она поспешила к чемодану и принесла баллончик.

— Вы сдавали его в багаж? — уточнил Дронго.

— Нет. Я купила его в Барселоне.

Он подошёл к телефону и позвонил портье. Это был тот самый, вчерашний портье. В отелях таких городов портье не менялись ежедневно. Они работали в дневное время, предпочитая, чтобы ночью дежурили их более молодые сменщики. Обычно в небольших отелях работали семьи, где отец дежурил днём, а ночью его сменял кто-то из членов семьи.

— Буэнос диас, сеньор, — вежливо поздоровался Дронго. Он помнил, что этот кавальеро не говорит на других языках.

— Буэнос диас, — обрадовался портье возможности с кем-то поговорить.

— Дондэ эста ла комиссария дэ полисия мае серкано? — спросил Дронго, немного коверкая испанский язык. Его интересовало, где находится полицейский комиссариат города.

— Около площади, — любезно сообщил портье.

— Грасьяс, — пробормотал Дронго, положив трубку.

— Полицейский комиссариат недалеко, — сообщил он Вере, — это как-то вдохновляет. Может, они успеют появиться до того, как нас сожгут. И хорошо, что пока не тронули портье. Видимо, не хотят привлекать внимание.

— Вы не хотите его предупредить?

— Нет. Мой испанский для этого недостаточно хорош. И ему ничего не грозит. В худшем случае его свяжут или запрут в какой-нибудь комнате. Профессионалы не совершают ненужных убийств. Если им за это не платят.

— А вы меня охраняете только потому, что вам платит Борис?

Она снова прикусила губу.

— И поэтому тоже, — честно ответил Дронго, — только не смотрите на меня такими страшными глазами. Я должен был вас найти. Живой и невредимой. И в таком виде сдать вашей старшей сестре.

— Они могут заплатить гораздо больше, — в сердцах произнесла Вера, — если вас интересуют только деньги...

— Я этого не говорил. Вы плохо слушаете. Я сказал «и поэтому тоже». Но это лишь вторая причина. А первая — моё нежелание выполнять их указания и сдавать вас этим типам. И не потому, что я так хорошо к вам отношусь. Я не люблю, когда мне указывают, что я должен делать. И тем более не люблю проигрывать.

— У вас спортивный интерес, — обиделась Вера.

— Мне кажется, вы ищете повод, чтобы со мной поругаться. Не лучшее время, честное слово. Я ведь не выбрасываю вас из окна за то, что вы нас так глупо подставили.

— Я хотела избавить нас от этих придурков, — призналась Вера, — думала, что, если передать копию, они от нас отстанут.

— Теперь тем более не отстанут.

Зазвонил телефон. Дронго взглянул на часы. Странно. Час ещё не прошёл, они могли бы подождать. Он снял трубку.

— Здравствуйте, — услышал он взволнованный голос Бориса Каплуновича, — как у вас дела?

— Пока держимся.

— Я уже передал свои распоряжения в Париж. Они сейчас едут в аэропорт. Но будут у вас в Хаэне не раньше пяти вечера. Первый самолёт в Мадрид только через полтора часа. А потом ещё нужно доехать до вашего города. Я послал троих, самых лучших.

— У них будет оружие?

— Нет. В самолёт не разрешат пронести оружие.

— Тогда зачем они нужны?

— Они подготовленные ребята. Окажут вам всяческую помощь. Один из них испанец, знает язык и местные условия. Если нужно, вызовет полицию и объяснится с ними. Он раньше работал в полиции.

— Хотя бы так, — согласился Дронго, — как его зовут?

— Алваро Бискарги.

— Дайте его номер телефона. При необходимости я буду держать с ним связь.

— Записывайте. Он сейчас в машине. — Каплунович продиктовал номер. Дронго его запомнил.

— Спасибо, — поблагодарил он и положил трубку. — Борис уже направил сюда своих людей, — сообщил Дронго Вере.

— Вот видите, — обрадовалась она, — мы все равно отсюда выберемся. Обязательно выберемся.

— Надеюсь. Хотя его люди приедут без оружия.

— Почему без оружия?

— Они летят самолётом, а туда нельзя проносить оружие, — пояснил Дронго.

— Тогда зачем они летят? — разозлилась Вера. — Какая от них польза? Нужно было послать сюда группу автоматчиков. Или он решил послать нам своих садовников?

— Это вы спросите у него при встрече. У меня к вам просьба. Переоденьтесь.

— Вас смущают мои шорты?

— Нет. Они мне даже нравятся. Но может получиться так, что нам придётся отсюда бежать. Поэтому наденьте джинсы и положите в карман документы, деньги. Вы меня понимаете?

— Сейчас переоденусь. — Она уныло поплелась в спальню.

Он взглянул на часы. До окончания назначенного времени оставалось около двадцати минут. Через двадцать минут их визави могут пойти на штурм. Может, вызвать врачей и имитировать сердечный приступ? Чтобы спасти хотя бы Веру. Нет, их преследователи явно не

дураки, будут проверять, кого выносят из отеля. И ничего не придумаешь. В такой ситуации невозможно придумать план или найти в этом старом парадоре аварийную лестницу, посредством которой можно сбежать. Достаточно открыть окна в гостиной, чтобы снайпер, засевший в доме напротив, начал стрелять. Или спуститься вниз, где наверняка разместились остальные.

Вера вернулась. Она успела переодеться. Он недовольно взглянул на неё.

— Что-нибудь опять не так? — поинтересовалась она. — Или вам не нравится цвет? Может, фасон?

— Ужасно нравится. Мне всегда казалось, что женщина должна умирать именно в таких джинсах. И в такой очаровательной маечке, — в тон ей ответил Дронго. — И вообще я забыл вас поблагодарить за ваш идиотский звонок. Нужно было сначала думать или хотя бы посоветоваться со мной.

— Мне казалось, что они от нас отстанут раз и навсегда, — тихо ответила Вера.

— Раз и навсегда они отстанут, когда сделают контрольные выстрелы в голову. Каждому из нас. А теперь готовьтесь к штурму. Скоро они сюда полезут. И я не уверен, что смогу их остановить с помощью вашего баллончика.

— А с виду вы такой здоровый, — снова не удержалась она от колкости.

Ему нравилось, как она держалась.

— На самом деле я очень болезненный, — парировал Дронго, — это у меня просто такой устрашающий вид.

Может, вам раздеться и выйти на балкон? — предложила Вера. — Ваше волосатое тело вызовет восторг местных сеньорин. Я слышала, что самым большим успехом в фильме «Бриллиантовая рука» пользовался актёр Каневский. Всех женщин интересовал только один вопрос — волосы на его теле настоящие или это накладка? А вот у Остина Пауэрса, знаменитого шпиона, была настоящая накладка на груди, делающая его мужчиной. Вам не нужна накладка?

— Только на лысеющую голову. Но если бы я знал, что моё обнажённое тело может нас спасти, я бы немедленно разделся.

— А может, раздеться мне? — предложила она. — Выйти на балкон и собрать вокруг мужчин этого городка. Вам нравится такой план?

— Попробуйте, — сказал Дронго, — вас подстрелят, как только вы раздернете занавеску. Хотя вы правы. Не обязательно умирать в джинсах. Можно оставить их вашей племяннице. А вы умрётё раздетой. Так даже удобнее.

В этот момент зазвонил телефон, и они прервали свою перепалку. Дронго взял трубку.

— Добрый день, сеньор, — услышал он незнакомый голос, — вы говорите по-испански?

— Нет, по-английски.

— Говорит Алваро, — сообщил сотрудник Каплуновича, — мы уже в аэропорту и скоро вылетаем. Я хотел узнать, как у вас дела?

— Пытаемся продержаться. Но, судя по всему, они скоро пойдут на штурм.

— Я буду в самолёте и не смогу с вами разговаривать, — сообщил Алваро, — может, мне стоит позвонить в полицию города и сообщить им о ваших проблемах?

— Не думаю, что они смогут нам помочь. Здесь действуют профессиональные убийцы, а ваши полицейские в Хаэне в лучшем случае искали похитителей велосипедов. Мне не хотелось бы подставлять их под пули негодяев.

— У вас есть оружие?

— Нет.

— Тогда как вы думаете продержаться?

— Не знаю. Но в этом парадоре очень массивные старые двери. Может, продержимся.

— Я позвоню в полицию и скажу, чтобы они действовали очень осторожно, — решил Алваро. — Сколько людей за дверью? Они вам не говорили?

— Сказали, что их четверо. Но могли соврать. И учтите, что они вооружены.

— Ясно. Я позвоню в полицию и дам им ваш номер. Только не отходите от аппарата.

Дронго положил трубку и взглянул на Веру.

— Обещают прислать полицию, — успел сказать он, и в этот момент телефон снова

зазвонил.

— Слушаю, — сказал Дронго, поднимая трубку.

— Это мы тебя слушаем, — раздался знакомый голос, — ты подумал?

— Я не привык так быстро решать, — ответил Дронго, — у моей спутницы от страха началась диарея, и она сейчас в ванной комнате. Вы не могли бы перезвонить через полчаса?

Вера усмехнулась. Но позвонивший не оценил юмора.

— Издеваешься? — угрожающе прошептал он. — Считаешь себя самым умным? Сейчас мы тебе устроим день смеха.

— До первого апреля ещё далеко, — меланхолично заметил Дронго, — сегодня только шестнадцатое октября.

— А ты не доживёшь до первого апреля, — торжествующе сказал негодяй, — мы тебя поджарим. И тебя, и твою бабу. Жаль, что ты ничего не захотел понять.

— Одну секунду, — сказал Дронго, поняв, что его собеседник сейчас повесит трубку, — вы не могли бы сказать, какое лекарство помогает от диареи? У вас никогда не было такого состояния?

Позвонивший пробормотал ругательство и отключился. Дронго посмотрел на едва сдерживающую смех Веру.

— Глупо, — сказал он, — не нужно было его злить. Но это единственная возможность заставить их допустить ошибку.

Телефон зазвонил опять.

— Он будет ругаться, — предупредила его Вера.

— В любом случае это займёт немного времени. — Дронго снова взял трубку.

— Добрый день, — сказал незнакомец по-английски с очень сильным испанским акцентом, — говорит офицер полиции Фелипе Виньес. Мне звонил сеньор Бискарги. Что у вас происходит?

В коридоре послышался шум подходивших людей.

— Ложитесь на пол, — приказал Дронго своей спутнице. Та пожала плечами, но не стала спорить. Очевидно, она понимала, что сейчас не время демонстрировать свою независимость. Что у вас? — снова спросил Виньес.

— Вы уже знаете, где мы находимся, — сказал Дронго, — и знаете, в каком мы номере. Сейчас несколько человек пытаются вломиться в наши комнаты. Учтите, что они вооружены. Сколько человек у вас в комиссариате?

— У нас небольшой участок, — сообщил Виньес, — нас трое. Одна женщина и двое мужчин. Но сейчас нас двое. Я и моя напарница.

— Прекрасно, — пробормотал Дронго, — как раз то, что нужно. Я думаю, сейчас в коридоре трое или четверо убийц. И учтите, что они наверняка профессионалы. А ещё один снайпер сидит напротив. И если вы подъедете в своей машине к зданию парадора, то рискуете получить пулю в спину. Лучше переоденьтесь в штатское и приезжайте на обычном автомобиле. В целях вашей безопасности.

— Вы считаете, что вашей жизни угрожает опасность? — все ещё сомневался Виньес.

За дверью послышался шум. Кто-то пытался открыть дверь. Но в этом старинном парадоре ключ можно было вставлять только с одной стороны. Дронго оставил ключ в замке, повернув его до упора. И теперь нападавшие не могли открыть дверь, даже имея запасные ключи. Им нужно было либо выбивать замок, либо ломать дверь.

Они дёргали ручку, пытаясь вставить запасной ключ и открыть дверь. Было слышно, как они ругаются. Очевидно, запасной ключ они отняли у портье.

— Их двое или трое, — шепнул Дронго своей спутнице.

— С чего вы взяли? — также шёпотом спросила она.

— Один должен остаться внизу, чтобы подстраховать остальных и задержать портье. Ещё один сидит напротив. Значит, здесь их двое. Или трое, если он нас обманул. Обычно профессионал не сообщает, сколько человек рядом с ним, чтобы иметь запасного игрока. Может, их двое или трое, но не больше.

— Вы сумеете с ними справиться? — Кажется, она не шутила.

— Открою дверь и начну с ними драться, как Брюс Ли, — разозлился Дронго, — отниму у

них пистолеты и выброшу их со второго этажа. Вы действительно полагаете, что я могу такое сделать?

— С вашей репутацией... — Она улыбнулась.

— Ползите в спальню, — предложил Дронго, — и оставайтесь рядом с дверью. Если они ворвутся с эту комнату, я отступлю к вам в спальню.

— Спальня — наше последнее убежище. Или туалет? — прошептала она, но поползла в сторону спальни.

Нападавшие, поняв, что не смогут открыть двери, начали выбивать замок, чтобы открыть дверь. Грохот раздавался по всему отелю.

— Неужели никто не придёт к нам на помощь? — прокричала Вера.

— Никто, — ответил Дронго. — Если вы услышите треск в отёле, что вы подумаете? Решите, что идёт ремонт, и вообще шум в отёле вас не касается, если он будет не очень долгим и громким.

Очевидно, у нападавших было нечто тяжёлое. Замок начал поддаваться. Ещё несколько сильных ударов, и им удалось выбить его. Дронго осторожно подошёл ближе. Двое пытаются сломать дверь, третий ими командует. Кажется, это тот самый тип, который разговаривал с ним. Но это совсем другой человек, более грубый и нетерпеливый. Звонивший из Москвы имел более интеллигентный голос.

Дверь тоже начала поддаваться. Двое мужчин пытались отодвинуть импровизированную баррикаду и открыть дверь. Дронго полез на стулья, чтобы собственным телом удерживать нападавших. Выстрелов он не боялся. Тяжёлая дубовая дверь могла выдержать выстрелы даже из ружья. Когда дверь начала приоткрываться и в проем просунулась чья-то рука, он поднял баллончик, ожидая, когда за рукой протиснется голова. Так и получилось. Первый нападавший попытался протиснуться внутрь. Вслед за рукой показались его плечо и голова. Дронго сразу брызнул ему в глаза из газового баллончика. Он решил, что экономить не стоит, и щедрая струя ударила прямо в глаза нападавшему.

Послышался дикий крик. Убийца сразу отскочил от двери, и Дронго её захлопнул. Очевидно, он попал прямо в глаза, так как за дверью слышались крики и проклятия. Затем один из нападавших повёл раненого товарища куда-то в другой номер, чтобы промыть ему глаза. Третий остался у дверей. Он подошёл ближе. Это был их руководитель.

— У тебя нет оружия, — прохрипел он, — а газовый баллончик ты, наверно, взял у бабы. Но тебе ничего не поможет. Через минуту мы к тебе войдём. Я лично убью сначала твою женщину, а потом тебя. Или, если хочешь, мы её изнасилуем. Все вместе. У тебя на глазах. Она тебе так дорога?

— Невоспитанный хам, — сказал Дронго, — и как вас только пускают в цивилизованную Европу?

— Что? — не понял убийца.

— Я говорю, что ты хам и негодяй. Рассказывать несчастному человеку такие гадости. И ты ещё хочешь, чтобы я вас сюда пустил?

Он не успел договорить. Убийца дважды выстрелил в дверь. Гулкое эхо выстрелов разнеслось по всему коридору.

«Это была ошибка, — удовлетворённо подумал Дронго, — теперь оставшиеся гости отеля начнут звонить сначала портье, а затем и в полицию».

— Давайте быстрее, — закричал своим людям стоявший у двери, — у нас мало времени!

Похоже, они промывали глаза пострадавшему в соседнем номере. За дверью снова послышались шаги.

— Ломаем дверь, — приказал стрелявший, — и сразу стреляйте, как только войдёте. Через пять минут здесь будет полиция. Давайте вместе!

На этот раз они навалились все трое, и дверь начала медленно поддаваться. Дронго взглянул в сторону спальни. Он вдруг вспомнил, что не проверял дверь, ведущую в спальню. А если она разохлась и вообще не закрывается? Если у неё нет замка? Какая глупая оплошность. Как будто в детском сне, когда видишь поднимающихся к тебе домой чужих людей и не можешь закрыть свою дверь. Она просто не поддаётся.

Зазвонил телефон. Дронго покачал головой. Очень не вовремя. Он не может сейчас

подойти. Если он слезет со стульев, убийцы сразу ворвутся в номер.

— Возьмите трубку в спальне! — крикнул он Вере.

Она подбежала к аппарату, сняла трубку.

— Офицер Виньес, — сообщила Вера, — они с его напарницей внизу. Говорит, что там никого нет. Портье куда-то ушёл, и вместо него дежурит другой мужчина...

— Это убийца! — крикнул Дронго. Но внизу раздалось два гулких выстрела. И все стихло.

— Алло! — крикнула Вера. — Алло... Там кто-то стрелял! — закричала она. — Наверное, убийца застрелил обоих полицейских!

Дронго нахмурился. Что-то не так. Что-то не получилось. Конечно, они обязаны были оставить одного охранника внизу, вместо портье. Но почему офицер Виньес поверил этому неизвестному? Если оба офицера убиты, значит, у них самих вообще нет шансов. Дверь медленно открывалась. Дронго подумал, что не успеет добежать до спальни.

— Проверь двери, — крикнул он, — посмотри, как они закрываются!

Она подбежала к двери в спальне и медленно потянула её в свою сторону. Дверь тяжело подалась. Она была такой же массивной и тяжёлой, как и входная.

— Она закрывается! — крикнула Вера.

— Замок работает? Проверь, как работает замок. — Он видел, что через мгновение ворвутся нападавшие.

В этих старых отелях на всех дверях были очень старые замки с большими ключами, которые работали, несмотря на свой почтенный возраст.

— Он работает! — крикнула она.

Стой у двери. — Дронго прикинул расстояние. Если он прыгнет и побежит, они сразу ворвутся. У них будут две или три секунды. За это время он должен добежать до спальни и закрыть дверь. Если успеет. Если они не успеют ворваться. И если они не успеют выстрелить. Им нужно продержаться не так много. Кажется, в соседних номерах уже всполошились недовольные клиенты отеля. Им явно не нравится этот грохот и стрельба.

— Отойди от двери! — крикнул он.

Входная дверь ещё немного поддалась. Но руку никто не просовывал. Они помнили о неудачном первом опыте. Он бросился в спальню. Дверь отворилась, и вся сооружённая баррикада рухнула на пол. Нападавшие попадали друг на друга. Никто даже не успел выстрелить. Дронго уже был в спальне и закрывал дверь. Потом перевёл дыхание. Выходит, что они выиграли ещё несколько минут.

Опять зазвонил телефон.

— Это, наверное, ваши поклонники, — выдавил Дронго, — сколько можно...

Она подняла трубку. Но в этот момент трубку параллельного аппарата, оставшегося в гостиной, поднял и один из нападавших. Они одновременно произнесли «алло». И Вера испуганно бросила трубку.

Они нас слышат, — пояснила она.

— Молодец, — выдохнул Дронго, — может, это звонили наши друзья.

Вера улыбнулась. И вдруг спросила:

— А разве мы уже перешли на «ты»?

— Извините, — сказал Дронго, все ещё стоя у двери, — вы правы.

Трое мужчин начали выбивать дверь в спальню. От каждого удара его буквально отбрасывало от двери.

Мы долго не продержимся, — прошептала Вера, — а в ванную дверь очень хлипкая. И оттуда некуда бежать.

— Встаньте рядом со мной, попросил Дронго, — попытаемся задержать их ещё на несколько минут. Кто-то из гостей отеля мог позвонить в другой полицейский комиссариат.

Опять зазвонил телефон. Они взглянули друг на друга, но не стали отходить от двери. Очевидно, кто-то из нападавших все-таки снял трубку. И в этот момент раздалось крики. Затем выстрелы. Один, второй, третий, четвёртый, пятый.

«Много», — подумал Дронго.

Он оттолкнул Веру от дверей. Прислушался. Слышался чей-то стон. Дронго взглянул на

Веру. Она снова прикусила нижнюю губу.

— Что там происходит? — спросила она.

Шестнадцатое октября

Сначала его разбудила Вера в девять часов утра своим телефонным звонком. Каплунович уже знал, что с ней все в порядке. Позвонила из Парижа Кира и сообщила: Вера разговаривала с Аллой. Но в девять часов утра трудно сообразить, что именно происходит. Особенно если ты приехал домой во втором часу ночи, основательно набравшись в местном клубе. И поэтому, когда позвонила Вера, он не сразу понял, кто и о чем с ним говорит. Вера просила найти Павла Феоктистова и напомнить ему о массажистке, у которой была копия обзора. Какого аналитического обзора и какая копия, он не совсем понял. Тем более не понял про массажистку. Очевидно, алкоголь ещё не совсем выветрился после трехчасового сна.

Он махнул на все рукой и отправился спать. Но в одиннадцать утра Вера позвонила снова и сообщила, что их вычислили. На этот раз он окончательно проснулся. Получалось, что им удалось выйти на его личный мобильный телефон? Это было обидно и немного страшно. Значит, обеспечить безопасность его специалисты не могут даже на таких особо защищённых линиях. Недовольный этим обстоятельством, он подумал, что пора менять номер телефона. Вера попросила о помощи, и он решил, что нужно отправить туда группу сотрудников своей охраны из Парижа. Тем более что среди них был Алваро, испанец по национальности, работавший раньше в полиции.

Сон окончательно пропал, и Каплунович начал звонить в Париж, где было уже девять часов утра. Алваро он нашёл сразу, остальных пришлось искать. Уже через полчаса они выехали в аэропорт, чтобы помочь Вере и её спутнику, оказавшимся запертыми в небольшом отёле-парадоре городка Хаэн. И только тогда Каплунович перезвонил Вере в этот отель, опасаясь не услышать её голоса. Но трубку взял Дронго, и Борис Самуилович перевёл дыхание.

— Пока держимся, — сообщил Дронго.

Каплунович выдал всю информацию разом:

— Я уже передал свои распоряжения в Париж. Они сейчас едут в аэропорт. Но будут у вас в Хаэне не раньше пяти вечера. Первый самолёт в Мадрид только через полтора часа. А потом ещё нужно доехать до вашего города. Я послал троих, самых лучших.

Дронго спросил, будет ли у них оружие, и Каплунович объяснил, что в самолёт нельзя брать оружие. Но Алваро сумеет решить все проблемы. Если они сами к этому времени ещё смогут остаться в живых. Он даже боялся об этом подумать. И как отреагирует Кира, тоже боялся думать. Но телефон Алваро продиктовал.

Затем оделся и поехал в офис. Через сорок минут он был уже в своём кабинете. Телефон Алваро не отвечал, наверное, он был уже в самолёте. Подумав немного, Каплунович решил, что можно перезвонить в Хаэн. Он набрал номер и почти сразу услышал сразу два голоса, мужской и женский. Женский был знакомым. Это была Вера. А ответившего мужчину он не знал. Очевидно, тот сумел подключиться к этому аппарату. Подумать о том, что это могли быть два параллельных телефона, он не мог. Давно отвык от параллельных телефонов и даже не представлял себе ситуацию, при которой в первой комнате будут находиться убийцы, а во второй — Вера со своим спутником. Это была бы слишком фантастическая картина даже для его воображения.

Ещё через полчаса позвонил Алваро. Он уже прилетел в Мадрид, и теперь они арендовали автомобиль, чтобы сразу отправиться в Хаэн. Борис Самуилович почувствовал, как у него поднимается давление от волнения. Алваро перезвонил в отель, но там никто не ответил. Подождав ещё минут двадцать, Каплунович перезвонил сам. Но ему ответил незнакомый голос по-испански. Борис Самуилович бросил трубку. Ожидание становилось невыносимым. Он вспомнил про утренний звонок Веры и решил, что нужно перезвонить Феоктистову.

Каплунович всегда насторожённо относился к этим связям свояченицы и к её знакомствам. Тем более с таким человеком, как Павел Феоктистов, который считался правой рукой бывшего премьер-министра и был его доверенным лицом и помощником. Говорили даже, что премьер хотел сделать его руководителем своего аппарата, но просто не успел.

Феоктистов был моложе Каплуновича. Он был из породы новых менеджеров — напористых, смелых, немного авантюрных, знающих иностранные языки, умеющих ориентироваться в сложных закулисных политических интригах, разбирающихся в экономике.

Борису Самуиловичу всегда казалось, что этот бывший помощник бывшего премьера нравился его родственнице. Но они никогда и никому об этом не говорили. Более того, она никогда не появлялась рядом с ним. Феоктистов был женат, у него пятнадцатилетняя дочь. Но на приёмах он всегда появлялся один. Говорили, что его жена и дочь живут в Америке, однако точных сведений никто не имел.

Когда Дронго нашёл в доме Веры дорогие часы и кольцо, Каплунович неприятно поразился. Он сразу понял, что Александр Линдт никогда не стал бы дарить ей подобные вещи. И это был не обычный ухажёр. Такие дорогие подарки мог сделать только очень обеспеченный человек с большим вкусом. Каким и был бывший помощник бывшего премьера. Говорили, что ни одна серьёзная бумага не проходила к премьеру без визы Феоктистова. И если у премьера был свой определённый процент с каждой сделки, с каждого подписанного документа, то Феоктистов тоже имел схожую таксу, но в гораздо меньших масштабах. Однако, учитывая общее количество проходивших бумаг и проблемы, которые мог решать Феоктистов, все это в конечном итоге выливалось в очень крупные суммы с шестизначными цифрами.

Вера никогда не говорила о своём увлечении, и даже Кира ничего не знала. Каплунович в который раз подумал, что младшая сестра его жены была слишком своенравной и скрытной женщиной. К тому же она любила самостоятельность и не хотела идти работать в его компанию ни при каких условиях.

И сегодня утром, позвонив ему из Хаэна, Вера невольно подтвердила его подозрения. С одной стороны, он не знал, о какой массажистке идёт речь. А Феоктистов знал. Значит, у неё были такие секреты, о которых знал только её близкий друг. Или уже не совсем близкий. Борис Самуилович решил не откладывать выяснение всех обстоятельств и сразу набрал номер парижского телефона своей супруги. И долго ждал, пока она ответит. В Париже был почти полдень, но Кира ещё спала. Наконец она сняла трубку:

— Доброе утро, — пробормотал Каплунович, — извини, что тебя разбудил.

— Мы заснули под утро, — сообщила Кира, — что случилось?

— Звонила твоя сестра.

— Я знаю. У неё все в порядке. Она звонила вчера Алле.

— В порядке, — согласился Борис Самуилович. Он не стал сообщать супруге неприятных известий. — Ты знаешь, что у Веры была своя массажистка?

— Не знаю, — ответила сонным голосом Кира, — но, наверное, была. Что в этом удивительного?

— Как её звали?

— Откуда я знаю?

— Кто она такая? Откуда взялась? Из какого салона?

— Не знаю. Вера не говорила. Ты хочешь, чтобы я интересовалась ещё и работающими на нас людьми? Ты можешь назвать по именам всех, кто меня обслуживает? Я не уверена. Как и я не назову всех твоих сотрудников и секретарей.

— Это не имеет отношения к нашим делам! — рявкнул Каплунович. — Ты знаешь эту массажистку или нет?

— Почему ты кричишь? Ничего я не знаю.

— Позвони её подругам и узнай. Мне нужно знать имя и адрес этой массажистки. Прямо сейчас позвони. Проснись и звони! — потребовал Борис Самуилович.

— Хорошо, позвоню, — согласилась Кира, — и не нужно так нервничать. Что-нибудь опять случилось?

— Ничего не случилось. Узнай, кто был массажисткой Веры, и сразу перезвони мне. Как можно быстрее. Узнай хотя бы телефон. Или её имя.

— Лучше узнать у самой Веры, — рассудительно сказала Кира.

— У неё нет мобильного телефона. Она его выбросила в реку! — закричал, теряя всякое терпение, Каплунович.

— Не кричи, — снова попросила Кира, — я сейчас тебе перезвоню.

Ещё минут пятнадцать он ждал в своём кабинете её звонка. Секунды и минуты тянулись томительно долго. Наконец она позвонила.

— Я узнала имя, — торжественно сообщила Кира, — это Зоя из салона Ксюши.

— Какого салона? — не понял Борис Самуилович.

— На Кутузовском, — радостно пояснила Кира, — ты ведь знаешь этот салон. Ксюша рекомендовала Зою Верочке, когда та попала в аварию. Ей нужен был лечебный массаж. Ксюша говорит, что они очень подружились.

— Адрес и телефон! — рявкнул Каплунович.

Она продиктовала номер телефона и адрес массажистки. Он сразу положил трубку. И посмотрел на телефон. Если Веру убили в Испании, то эта копия обзора может оказаться очень полезной. И не Феоктистову, который и без того очень влиятельный человек. А ему самому. Тогда у него будет козырь, с которым придётся считаться всем остальным. И не обязательно выполнять все поручения этой взбалмошной родственницы, на поиски которой он потратил столько сил и денег.

Каплунович смотрел на телефон и долго решал, что именно ему следует делать. Пока не раздался звонок.

— Да, — сказал Каплунович.

— Это Алваро, — услышал он знакомый голос, — мы уже в Хаэне.

— Вы их нашли?

— Мы опоздали, — сообщил Алваро, и Борис Самуилович тяжело вздохнул.

Шестнадцатое октября

Дронго прислушался. Лежавший рядом с дверью мужчина громко стонал, это было слышно. Но очевидно, что в комнате есть и другие.

— Вы живы? — услышали они женский голос.

— Кто вы? — крикнул Дронго.

— Мы из полиции, — ответила женщина, — можете не беспокоиться. Они уже сбежали. А мой напарник тяжело ранен. — По-английски она говорила очень плохо, но он её понимал.

— Как зовут вашего напарника? — не поверил Дронго.

— Офицер Виньес, — ответила незнакомка.

Дронго кивнул Вере и осторожно открыл дверь. Картина, представшая их глазам, неприятно поразила его. В комнате на полу лежал один из нападавших. Его кровь впитывалась в старый ковёр. Было очевидно, что его застрелили первым. Второй из нападавших стонал, лёжа рядом с дверью, ведущей в спальню. Ему пуля попала в живот. Офицер Виньес, молодой человек лет тридцати, сидел на полу, прислонившись к стене. У него было ранение в руку и в ногу. Похоже, в него стреляли сразу несколько человек. Его напарница, женщина невысокого роста лет тридцати пяти, стояла рядом с ним, тяжело дыша. Они оба были в штатском. Но в руках у неё был пистолет. Очевидно, третьему из нападавших удалось скрыться.

— Вы хорошо стреляете, — сказал Дронго.

— Плохо, — выдавил Виньес, — я успел выстрелить только один раз вот в этого господина и попал ему в живот. А моя напарница сразу уложила второго, который стрелял в меня и попал в ногу. Третий тоже успел в меня выстрелить и убежал из комнаты.

— Внизу был ещё один, заменивший портье, вспомнил Дронго, — я боялся, что он выстрелит в вас первым.

— У нас небольшой городок, — через силу улыбнулся Виньес, — и все знают друг друга. Сеньор Фалья один из самых известных людей в нашем городе. И если его нет, то за стойкой портье должен быть кто-то из его племянников. А этого типа мы не знали. Поэтому, когда он попытался достать пистолет, мы оба выстрелили раньше.

— Ясно, — кивнул Дронго, — я так и подумал.

— Скоро приедут наши коллеги, — выдохнул Виньес, вы можете ничего не опасаться.

— Боюсь, что мы не сможем их так долго ждать, — возразил Дронго, — нам нужно уйти. Если нас арестует полиция, то мы не доживём до суда. И нас не успеют депортировать из страны. Нас просто пристрелят в камерах или придушат.

— Вы не верите испанской полиции? — спросил Виньес.

— Я слишком хорошо знаю силу денег, — грустно ответил Дронго. — Вы сможете поручиться, что среди сотен ваших коллег не может оказаться ни одного предателя?

Виньес взглянул на свою напарницу. Она упрямо покачала головой.

— Вера, — крикнул Дронго, словно не замечая их взглядов, — мы уходим! Бросайте все вещи и возьмите только документы и деньги. И положите в свою сумку мои бритвенные принадлежности. Все остальное оставим здесь.

Вера вышла из спальни с небольшой сумкой в руках.

— Мы уходим, — сказал Дронго, глядя на раненого Виньеса.

— Нет, — сказал он, — мы не можем вас так просто отпустить. Извините.

Его напарница подняла пистолет, держа его двумя руками и глядя Дронго в лицо.

— Ещё один шаг, и я выстрелю, — предупредила она.

— Не нужно, — попросил Дронго, — вы нас только что спасли. А теперь хотите убить? Или сдать вашим коллегам, что примерно одно и то же.

— Мы не можем вас отпустить. — Виньес закрыл глаза. Было заметно, что он слабеет с каждой минутой.

Тогда стреляйте, — решил Дронго, — нас все Равно живыми отсюда не выпустят. Неужели вы этого не поняли? Они не зря прислали столько убийц.

Виньес посмотрел на свою напарницу. И уже теряя сознание, очень тихо сказал:

— Отпусти их. Скажешь, что я... — Он завалился на бок.

Она убрала оружие и бросилась к раненому. Дронго и Вера стояли не двигаясь. Секунды шли томительно долго.

— Уходите, — сказала им женщина, подняв голову, — только быстрее. И будьте осторожнее, они могут быть на улице.

Дронго наклонился и взял оружие лежавшего на полу убийцы. Другой продолжал стонать, прижимая руки к груди. Рана была смертельной.

— Из этого пистолета стреляли в полицейского, — напомнила офицер, — вы очень рискуете.

— У меня нет другого выхода. Спасибо. Как вас зовут, сеньора?

— Мария. Мария Чавес.

— У вас изумительное имя, Мария. Спасибо вам за все. Вы нас спасли.

Он подошёл к ней, наклонился и поцеловал её в щеку. Она покраснела. Вера улыбнулась сквозь слезы. Дронго взял её за руку, и они вышли из номера. В коридоре уже толпились редкие гости, не понимавшие, что здесь произошло. Беглецы осторожно спустились вниз на первый этаж. У трупа убийцы уже стоял гордый сеньор Фалья, которого освободили из подсобного помещения. Все трое его племянников стояли рядом и слушали рассказ своего уважаемого дяди, как он боролся с этими бандитами. Из рассказа сеньора Фальи выходило, что это он взял штурмом отель, перебил всех бандитов, освободил всех заложников и застрелил нападавших, даже не умея стрелять и не имея оружия. Но это были мелкие частности, на которые восторженные племянники и прибывающие зеваки уже не обращали внимания.

Дронго свернул направо, чтобы выйти через ресторан, находившийся в правой части здания. Вера тенью следовала за ним. Они вышли через пустой ресторан и поспешили к автобусной станции.

— Все мои вещи остались в отёле, — напомнила Вера, — придётся снова покупать вещи по третьему кругу.

— Мои вещи тоже там остались, напомнил Дронго, — но вы не волнуйтесь. Ничего не пропадает. Все опишут и передадут в полицию, а оттуда в российское посольство. И месяца через три или четыре мы получим эти вещи. Если, конечно, Виньес не умрёт, а его спутница сумеет дать показания и объяснить, что мы ни в кого не стреляли.

— Вы вели себя молодцом, — кивнула Вера, — я восхищалась вашим самообладанием.

— Верну вам комплимент. Вы тоже вели себя очень неплохо.

— Правда? — обрадовалась она. — А мне казалось, что я такая трусиха.

— Для трусихи экзамен вы сдали на «четвёрку с плюсом».

— А почему на «четвёрку»? — недовольно уточнила она.

— «Пятёрку» не ставлю принципиально. Если бы вы не позвонили, то ничего бы не случилось. Поэтому «пять» вы не заслужили в любом случае.

Она улыбнулась, но не стала спорить.

— Куда мы едем? — спросила она. — Где ещё нам предстоит прятаться, прежде чем мы наконец сможем вернуться домой?

— Не знаю, — ответил Дронго. — Если вы не будете больше никому звонить, у нас есть шансы продержаться ещё три дня. А сейчас мы поедem в Мадрид.

— Почему именно в Мадрид?

— Там есть наше посольство, — объяснил Дронго, — если понадобится, мы сможем к ним обратиться и спрятать вас в здании посольства. Хотя бы на три дня.

— Там не может быть предателей? Или все наши дипломаты альтруисты?

— В отличие от полицейских, они обычно не носят оружие, — ответил Дронго, — и любому сотруднику посольства, если он не офицер службы безопасности, будет трудно объяснить своим коллегам, откуда у него появилось оружие.

— Понятно. А вы сами?

— Как-нибудь выберусь. Для меня самое главное — ваша безопасность.

Они взяли билеты в Мадрид и сели в переполненный автобус. Все обсуждали происшедшую перестрелку в парадоре «Кастильо де Санта Каталина». Дронго и его спутница протиснулись в самый конец салона. Все сходились во мнении, что этих ненормальных иностранцев нельзя пускать в Испанию. Через десять минут автобус тронулся в путь. Но в салоне ещё долго обсуждали трагические события в небольшом испанском городке Хаэн.

Примерно в это время Алваро и его друзья прибыли в город, направляясь в отель. Уже весь город знал о перестрелке и двоих убитых иностранцах. Ещё один из нападавших был тяжело ранен, как и офицер Виньес, проявивший чудеса героизма: вместе со своей напарницей Марией и портье они сумели остановить и расстрелять целую банду. Особым героем считался сеньор Фалья. Алваро, знавший размеры местного бахвальства, лично поднялся в номер и все сам осмотрел. И только затем позвонил Борису Самуиловичу и сообщил, что они опоздали. Ни Дронго, ни его спутницы уже не было ни в отёле, ни в городе. В этом сам Алваро был убеждён.

Шестнадцатое октября

Каплунович, получив сообщение о бойне в Хаэне, думал ещё около часа. Двое нападавших были убиты, один тяжело ранен. По рассказу Алваро, ранение получил и один из офицеров полиции.

Борис Самуилович в который раз подумал, что его родственница напрасно влезла в эти политические разборки. Но отдавать такой материал Феоктистову он не мог и не хотел. Нужно было помнить о случившемся в Хаэне. Судя по всему, они смогли подключиться даже к его личному мобильному аппарату, казалось бы надёжно защищённому от всякого прослушивания. Именно поэтому Каплунович решил, что не может больше никому доверять. Вызвав машину и приказав усилить охрану, он отправился в известный ему салон красоты, чтобы найти массажистку, с которой успела так близко сойтись Вера.

Конечно, в салон он не вошёл, это было бы слишком опасно. Но вместо него туда отправился Аслан Танеев, который быстро нашёл Зою и уговорил её выйти вместе с ним, чтобы сесть в просторный салон «Мерседеса» Каплуновича. Она вышла из здания: в своём сером плаще, небольшого роста, худая, некрасивая, коротко остриженная. Подошла к автомобилю и села на заднее сиденье, рядом с Каплуновичем.

— Добрый день, Зоя, — торжественно начал Борис Самуилович, — я родственник Веры, муж её старшей сестры. Может, она вам обо мне говорила?

— Я вас знаю, — тихо ответила женщина. Ей могло быть и тридцать, и сорок лет. Неопределённость её возраста несколько смущала Каплуновича.

Она позвонила мне сегодня утром и попросила забрать документы, которые оставила у вас, — пояснил Борис Самуилович, решив, что длинное предисловие только помешает выяснению всех обстоятельств. Зоя молчала.

— Вы поняли, о чем я говорю? — немного нервно спросил Каплунович.

— Поняла. — Заторможенность массажистки начинала его злить.

— Где документы? — ласково спросил он, изо всех сил сдерживаясь.

— Она не говорила, что их нужно передать вам, — ответила Зоя.

— Конечно, не говорила. Она их у вас спрятала, — согласился Борис Самуилович, — и они лежали у вас почти месяц. Но сейчас она позвонила мне и попросила их забрать. Вы меня понимаете? Сама позвонила и попросила их забрать.

Зоя опять замолчала.

— Откуда я знаю про документы? — Чудовищным усилием воли он заставил себя улыбнуться. — Если бы она сама мне не позвонила, я бы про них никогда не узнал. Но сейчас я узнал, и она просила их забрать. Вы меня понимаете?

— Да. Но она мне ничего не сказала.

— Она не может вам ничего сказать, — чуть повысил голос Каплунович, и Танеев, сидевший рядом с водителем, повернулся, понимая, что его шеф начинает заводиться.

— За ней следят, и она скрывается в Европе, — пояснил Борис Самуилович. — Если она попытается вам позвонить, то её могут сразу вычислить. А вас могут убить из-за этих документов. Вы все поняли?

— Да, — тихо ответила Зоя, — эта папка лежит у меня дома. Но она просила её никому не отдавать и не показывать.

— А сейчас обстоятельства изменились, — согласно кивнул Каплунович, — поехали к вам домой.

Она опять молчала. Эти томительные театральные паузы доводили его до исступления.

— Поехали, — приказал он водителю, называя адрес.

Зоя удивлённо взглянула на него:

— Откуда вы знаете мой адрес?

— Вера сказала, — ответил он, уже не глядя на неё. — Танеев, поднимешься вместе с ней, — приказал он своему помощнику, — и заберёшь эту папку.

Его уже не интересовала эта пигалица, которая так заторможенно отвечала на его вопросы. За все время пути они молчали. Машины попали в пробку, и ехать пришлось более часа. Наконец они подъехали к её дому.

— Быстрее, — приказал Каплунович. Он даже не мог предположить, насколько он ошибался, решив лично отправиться за этим докладом. Танеев вышел из автомобиля вместе с Зоей. За ним из машины сопровождения вышел ещё один телохранитель. Они скрылись в подъезде дома.

Борис Самуилович оглянулся по сторонам. Кроме его водителя здесь были ещё два автомобиля с четырьмя оставшимися вооружёнными телохранителями. Ему казалось, что ничего не может помешать изъять эту папку из дома массажистки. Танеева и его сопровождавшего не было довольно долго. Наконец они вышли из подъезда. Каплунович улыбнулся, все правильно.

И в этот момент раздались выстрелы. Телохранитель, вышедший первым, упал на асфальт, даже не успев вытащить оружия. Это спасло жизнь Танееву. Он успел пригнуться и избежать ранения. Телохранители Каплуновича, сидевшие в автомобилях, сразу высыпали из машин. Но из «БМВ», который преградил им путь, стреляли сразу из двух автоматов.

«Сволочи, — недовольно подумал Борис Самуилович, пригибаясь в бронированном лимузине, — уже устраивают бандитские разборки прямо на улицах. Куда смотрит милиция?»

Перестрелка продолжалась ещё около минуты. Поняв, что охрана слишком многочисленная и вооружённая, нападавшие уехали в своём «БМВ», а Танеев, прихрамывая, подошёл к машине и сел на заднее сиденье, рядом с Каплуновичем.

— Все, — уставшим голосом сообщил он, — все Документы у меня.

— Очень хорошо, — улыбнулся Борис Самуилович. — Они решили, что могут нас испугать.

— Двоих ранили, — сообщил Танеев, — одного тяжело.

— Не страшно, — отмахнулся Каплунович, — главное, что у нас есть эта папка. Теперь пусть побегают. Поехали к нам в офис. Я думаю, к нам они не залезут. Нужно будет усилить охрану.

— Я всех соберу, — пообещал Танеев, — только пока лучше останусь здесь и позабочусь о раненых.

— Ты с ума сошёл? — У Каплуновича стали оловянные глаза. — Отпускаешь меня одного? А если они опять нападут? И по дороге меня убьют? Тебе жизнь этих двух придурков важнее, чем моя?

Танеев молчал. Он понял, что допустил ошибку, потрясённый ранением своих людей.

— Оставь им одного человека, — холодно приказал Каплунович, — пусть вызовет милицию и «Скорую помощь». А мы уезжаем. Ты меня понял?

Танеев кивнул. Он все понял. Борис Самуилович откинулся на спинку кресла. Он посмотрел на раненых и вдруг подумал, что никогда бы не сделал этого несколько лет назад, когда был перспективным учёным. «Тогда бы не сделал, — сам себе ответил разозлившийся Каплунович. — А сейчас я другой человек. Тогда я был нищий учёный, никому не нужный и не имевший денег в кармане. А сейчас я глава крупной корпорации и обязан заботиться о своей безопасности. От меня зависят судьбы сотен и тысяч людей. Без меня они останутся без работы и без средств к существованию». В глубине души он хорошо понимал, что лукавит: он изменился, стал совсем другим человеком. Но не хотел в этом признаваться даже самому себе.

Вышедший из салона автомобиля Танеев дал указания своим людям, оставил одного телохранителя с машиной, а остальным приказал следовать за ними. Но на этот раз, подойдя к автомобилю, он сел не на заднее, а на переднее сиденье, подчёркивая иерархическую разницу между хозяином компании и его телохранителями. Каплунович понял этот скрытый вызов и только усмехнулся. Когда машина наконец тронулась, он открыл папку. Первый лист был чистым. Второй тоже. «Зачем она положила сюда столько листов чистой бумаги?» — раздражённо подумал он, поднимая всю пачку листов. И обомлел от изумления. В папке лежала пачка чистой бумаги. Здесь не было ни одного исписанного листа!

— Танеев, — сумел прохрипеть Каплунович, — где обзор?!

Помощник обернулся к нему и смотрел непонимающими глазами. На коленях у Бориса Самуиловича лежала папка с чистыми листами бумаги.

Шестнадцатое октября

В Мадрид они прибыли вечером. Было ещё достаточно светло. Автобусная станция в Мадриде находилась южнее вокзала Аточа, на юго-востоке города. Они вышли из автобуса с одной сумкой в руках. Дронго поднял голову. Тучи над городом обещали грозу.

— У меня нет никаких вещей, — напомнила Вера, — и у вас тоже ничего нет, кроме костюма и куртки, которые на вас надеты. Может, подумаем, как быстрее найти отель?

— Рядом есть «Ритц» и «Палас», — вспомнил Дронго, — великолепные пятизвездочные отели, в которых можно снять хороший номер.

— Вы всегда селитесь в таких отелях? — поинтересовалась Вера.

— Во всяком случае, стараюсь выбирать лучшие.

— И об этом все знают? — Она выразительно смотрела на него.

Он улыбнулся.

— Неплохо, — одобрительно произнёс Дронго, — вы начинаете думать. Это меня радует.

— Не нужно меня оскорблять на каждом шагу, — обиделась Вера и подняла руку, — кажется, дождь собирается. Мы будем разговаривать или поедem искать отель?

— Пройдём на станцию и закажем оттуда отель, — предложил Дронго, — и дайте мне вашу сумку. Будет лучше, если я сам её понесу.

Им удалось довольно быстро заказать номер в отёле «Инглес», находившемся недалеко от Пуэрта-дель-Соль, одной из главных площадей старого Мадрида. Потом они пообедали в небольшом ресторане на Виа Гранде. Сильный дождь начался, как только они решили взять такси, чтобы ехать в отель, и продолжался все время, пока искали свободную машину. Наконец автомобиль удалось найти. Уже сидя в салоне машины, Вера ровным голосом поинтересовалась, почему Дронго взял один номер на двоих, а не сдвоенный номер, о котором она просила ещё в Хаэне.

— Там таких номеров не было, — вспомнила Вера, — а здесь наверняка есть отели с

проходной дверью между номерами. Или вам нравится пользоваться со мной одной ванной?

— Всегда об этом мечтал, — в тон ей ответил Дронго, — только одно обстоятельство. Наши преследователи прекрасно знают, что мы не муж и жена и даже не любовники. И поэтому будут искать в первую очередь отели со смежными номерами, решив, что мы с вами выберем именно такой. Ваш балл за находчивость я снимаю, на этот раз вы ошиблись.

— Назло им нужно стать любовниками, — усмехнулась Вера.

— Только через три дня, — мрачно отозвался Дронго, — или уже через два, если мы сегодня наконец доедем до нашего отеля.

«Инглес» оказался небольшим отелем, в котором им дали средних размеров комнату и небольшую двуспальную кровать. О кровати в парадоре Хаэна оставалось только мечтать.

Это двуспальная кровать? — возмущилась Вера. — По-моему, вы не поместитесь на ней даже в одиночку.

— Придётся потерпеть. Дронго положил сумку на пол. — Между прочим, я промок до нитки, и у меня нет ни сухой рубашки, ни лишней пары брюк.

В ванную первой иду я. — Вера бросилась в ванную комнату. Он повесил куртку и вышел из номера, забрав с собой карточку-ключ. В этой небольшой гостинице были узкие коридоры и относительно маленькие комнаты. Он прошёл до конца по коридору, осмотрел выход на пожарную лестницу. Спустился к портье. Это был мужчина средних лет с потухшим взглядом. Есть такие взгляды у мужчин в тридцать пять, когда они точно знают, что жизнь в общем закончилась и все оставшееся время они проведут за стойками похожих отелей. Когда им самим точно известно, что за оставшиеся тридцать или сорок лет в их жизни не произойдёт никаких кардинальных изменений. Дети вырастут и уедут. Появятся внуки. Сварливая жена будет одна и на всю жизнь. А работа позволит лишь нормально существовать и не мечтать о большем. Для таких мужчин уже в тридцать пять закрыты все театры и библиотеки. У них никогда не будет любовниц, если на них не обратит внимание стареющая соседка или взбалмошная экзальтированная гостья отеля, пятидесятилетний юбилей которой отмечался ещё в прошлом веке. Время будет идти параллельно судьбе такого мужчины, и на смертном одре он вспомнит всю свою долгую и однообразную жизнь, чтобы пожалеть о том, как она прошла. Но будет уже слишком поздно, подумал Дронго.

Словно вся жизнь этого человека промелькнула у Дронго перед глазами. Ему стало грустно. Не всем дано открывать новые земли или путешествовать по миру. Очевидно, что не всем.

— У вас можно заказать чай или кофе? — поинтересовался Дронго.

— Да, сеньор, — грустно кивнул плохо выбритый портье. У него был большой нос и крупные выразительные глаза. — Вам чай или кофе?

— Один чай и один кофе. Пусть принесут к нам в номер, — попросил Дронго, оставив на стойке бумажку в сто евро.

Портье был честным человеком. Очевидно, это качество тоже мешало ему в жизни.

— Простите меня, — грустно сказал он на хорошем английском, — вы дали слишком много. За чай полагается платить пять или десять евро. Возьмите ваши деньги.

Дронго обернулся.

— Я дал правильно, — возразил он, — оставьте эти деньги себе, и пусть они принесут вам удачу.

Спасибо, сеньор, — улыбнулся портье, — я не очень верю в удачу. Удача часто делает дураком того, кому она отдаёт своё предпочтение.

Дронго замер. Он знал похожую фразу Френсиса Бэкона. Неужели этот портье читал Бэкона? Сеньор Антонио Сертада, прочёл Дронго табличку.

— Где вы изучали английский, сеньор Сертада? — спросил он.

— В Англии, — ответил портье, — я изучал философию. Но потом у меня погиб отец, и я вернулся в Испанию, чтобы кормить семью. У меня было шестеро братьев и сестёр. Пришлось много работать.

— А сейчас?

— Сейчас у меня трое детей и больная жена, — признался портье, — поэтому я не могу бросить свою работу и вспомнить о своей любви к философам прошлого. Я уже давно не читаю

книг, только газеты, которые остаются после наших гостей.

Дронго достал ещё сто евро.

— Это для ваших детей, — пояснил он.

— Не возьму, — спокойно и с гордым достоинством ответил портье, — мы не нищие. Заберите свои деньги, сеньор, вы уже один раз заплатили за чай. Дважды в нашем отёле платить не принято.

Он был удивительно гордым человеком, как и его соотечественники. Дронго понял, что своей настойчивостью может только оскорбить своего собеседника. И положив вторую купюру в карман, повернулся к лестнице. Затем снова обернулся к портье:

— Вы можете организовать мне в наш номер дополнительную кровать?

— Да, — удивился портье, — могу. Но за отдельную плату.

— В таком случае возьмите мои деньги.

— Только тридцать пять евро, — снова возразил портье.

Он принял купюру в сто евро и вернул сдачу. Точно шестьдесят пять евро. Три купюры по двадцать и одна в пять евро. Дронго забрал деньги, чувствуя неловкость момента. И не выдержав, все-таки спросил:

— И вы не планируете больше вернуться к вашей философии, сеньор Сертада?

— Нет, сеньор, — ответил портье, — философия не кормит моих детей. И все книги, которые я прочёл или прочту, не помогают мне покупать лекарства для моей жены. Поэтому я решил прекратить бесполезные занятия и пришёл на работу в этот отель. Философом или писателем может быть только богатый человек, сеньор. Для такого, как я, это непозволительная роскошь.

Дронго, ничего больше не спрашивая, пошёл к лестнице. Когда он поднялся наверх, Вера была ещё в ванной. Ему пришлось терпеливо ждать, когда она наконец закончит свои процедуры и покажется в комнате. Вера намотала на себя большое полотенце и прошмыгнула в кровать.

— Как нам быть завтра утром? — поинтересовалась она. — У меня ничего нет. Нужно все купить заново.

— Купим, — кивнул он. После свидания с портье ему не хотелось ничего обсуждать. Он сел на стул.

— Идите в ванную, — предложила она.

— Нет, — сказал он, — давайте немного подождём.

Она удивлённо взглянула на него:

— Чего мы должны ждать?

— Я попросил портье принести ещё одну кровать, — пояснил Дронго, — чтобы вам было удобно спать.

— Мне и так удобно, — быстро ответила Вера, чуть покраснев, — я не совсем понимаю логику ваших действий. С одной стороны, вы говорите, что нам нельзя выдавать себя, а с другой — просите принести вторую кровать. Как вас понимать?

— Я увидел глаза нашего портье и решил, что ему можно доверять, — пояснил Дронго.

— Вы читаете по глазам? — Она натянула одеяло до носа и насмешливо фыркнула.

В этот момент в дверь постучали. Дронго достал из сумки оружие и подошёл к двери. Осторожно посмотрел в глазок. Там стояли двое молодых ребят с раскладной кроватью. Он открыл дверь. Ребята внесли кровать и, получив чаевые, быстро удалились. Почти сразу следом за ними появилась темнокожая горничная, которая застелила постель, получила свои чаевые и, пожелав им спокойной ночи, вышла из комнаты. Все это время Вера лежала под одеялом, молча наблюдая за происходящим. Были видны только её глаза. Когда он закрыл дверь, она возмущённо фыркнула:

— Я догадалась. Вы просто женоненавистник.

— Можно, я пройду теперь в ванную? — поинтересовался Дронго.

— Идите куда хотите. Может, вы решили, что я буду приставать к вам, когда вы ляжете со мной в постель? Не дождётесь...

— Вы ведёте себя как маленькая девочка, — заметил Дронго, — а вам уже столько лет.

— Это очень невежливо, напоминать женщине о её возрасте, — гневно заметила Вера.

— Согласен. Но, во-первых, вы лет на пятнадцать моложе меня, а во-вторых, достаточно молодая и красивая женщина.

— Первая приятная фраза из ваших уст за все время нашего знакомства, — заметила Вера. В дверь снова постучали.

— Ещё одна кровать? — саркастически поинтересовалась она.

Дронго подошёл к двери и снова осторожно посмотрел. Затем молча открыл. Молодой человек внёс поднос с чайником и кофейником. Дронго улыбнулся. Портье снова настоял на своём, прислал явно не одну чашечку кофе и не одну чашку чая. Проводив посыльного, он закрыл дверь.

— Хотите кофе? — спросил он у Веры, снова натянувшей одеяло до самых глаз.

Ужасно. — Она села на кровати. — Большое спасибо.

Он взял кофейник и налил ей кофе:

— Молоко добавить?

— Если можно. Только совсем немного. И одну чайную ложку сахарного песка. Спасибо. — Она приняла свою чашку и благодарно ему кивнула. — Когда хотите, вы можете быть очень любезным и внимательным, — заметила Вера.

Он налил себе чай. Взял чашечку.

— И вы никогда не звоните Джил? — вдруг спросила Вера.

Не звоню, ответил Дронго. Ей не обязательно знать, что в подобных случаях они читают сообщения в газетах. Но это его личный секрет.

— Странные у вас отношения, — заметила Вера, — а вы её любите?

— Люблю. У вас есть ещё вопросы?

— Нет. У меня больше нет никаких вопросов. И спасибо вам за кофе. И за то, что вы меня сегодня спасли. И за вашу вторую кровать, которую вы демонстративно подняли в номер, чтобы не ложиться рядом со мной. За все спасибо. — Она поставила чашку кофе на тумбочку рядом с собой и вдруг заплакала.

Он растерянно замер. Хотел подойти к ней, успокоить. Но почувствовал, что ей нужно выплакаться. И ему сейчас лучше уйти в ванную. Сказывался шок этого дня, смертельная опасность, которой они подвергались. Она держалась весь день и вот сейчас не выдержала. Удивительно, что она продержалась так долго. Дронго поднялся и пошёл в ванную. Когда через двадцать минут он вышел, она уже спала. С заплаканным лицом обиженного ребёнка. Он поправил её одеяло и улыбнулся. В другое время и в другом месте такая отважная и смелая девушка могла бы ему понравиться. В другое время и в другом месте...

Он проверил оружие и положил пистолет под подушку. Затем лёг в свою постель и ещё долго не мог уснуть. События этого дня выбили его из привычного равновесия. Даже если этого никто не заметил. Он старался изо всех сил, чтобы никто не заметил, как именно он боялся за неё и пытался спасти. Кажется, ему удалось сохранить лицо. Или ему только так кажется?

Семнадцатое октября

Со вчерашнего дня Борис Самуилович не мог успокоиться. Эта пустая папка вывела его из себя. Он послал Танеева к Зое, опасаясь сам звонить и сорваться на крик. Но несчастная массажистка ничего не понимала. Вера передала ей эту папку, попросив спрятать у себя дома. Никто не знал об этом обзоре и никто его не видел, в этом Зоя была убеждена. Более того, она была убеждена в том, что никто не мог влезть к ней домой и заменить имеющиеся материалы на чистую пачку бумаги. Папка лежала в кухне, в шкафу под кастрюлями, и её сложно было найти. Оставалось сделать только один-единственный вывод. Эту пачку чистой бумаги спрятала сама Вера. Но сделать такое предположение Каплунович не мог. Вера же попросила его передать эту папку Феоктистову. А значит, там должны быть какие-то записи. Он даже отправил листки бумаги в лабораторию, подозревая, что там могут быть записи бесцветными чернилами. Он готов был поверить в любую чушь. Но чистые листы бумаги не хранили никакой тайны.

Нужно было позвонить Феоктистову и передать ему эту пачку чистой бумаги. Но Каплунович медлил. Он все пытался понять, что происходит, вычислить, как ему лучше

действовать. Днём позвонила Кира.

— Как там у Веры? — тревожно спросила она. — Ты что-нибудь узнал?

— Твоя полоумная сестра уже всех достала, — зло огрызнулся Борис Самуилович. — Она прятала у своей массажистки копию доклада, который готовила для Репникова. И можешь себе представить, что вместо нужных документов в папке лежала пачка чистой бумаги.

— Ну и что? — спросила Кира. — При чем тут Вера? Я тебя спрашиваю, у неё все в порядке?

Нет, у неё не все в порядке. Вчера её хотели убить в Хаэне, и подозреваю, что именно за такие глупые шутки. Там двое убитых и двое раненых. Устроили настоящую резню в городке. Об этом сегодня пишут все испанские газеты. Мне уже звонил из Испании Алваро и рассказал, что Веру ищут по всей стране.

— Значит, у неё все в порядке. — Логика жены поразила Каплуновича. Её не интересовали другие проблемы, ей была важна безопасность младшей сестры. Возможно, что она была более последовательна в своих рассуждениях, чем её супруг.

— Она с этим Дронго, — заявил Борис Самуилович, — и думаю, что пока жива. Если она вдруг вам позвонит, то скажи, чтобы срочно перезвонила мне. У меня к ней очень важное дело. Поняла?

— Передам обязательно. И ты тоже не волнуйся. Ничего страшного не происходит.

— Происходит, — закричал, не выдерживая, Каплунович, — вчера напали и на мою машину, ранили двух охранников! А ты говоришь, что ничего страшного не происходит. Дура...

Она бросила трубку. Он поднялся и прошёл по своему кабинету, усилием воли пытаясь успокоиться. Напрасно он так глупо сорвался. Напрасно вообще обсуждает подобные дела со своей супругой. Ей из Парижа непонятны все нюансы этой большой проблемы.

Зазвонил телефон. Это была его секретарь. Он подошёл к столу.

— Извините, Борис Самуилович, — раздался голос секретаря, — вас спрашивает господин Феоктистов. Вы будете говорить или сказать ему, чтобы перезвонил позже?

Буду говорить, — обречённо выдохнул Каплунович, поднимая трубку. И услышал знакомый голос:

— Добрый день, Борис Самуилович.

— Добрый день, Павел Александрович. — Он чуть поморщился, вспоминая отчество Феоктистова, некогда всесильного чиновника при бывшем премьере. Говорили, что в случае избрания экс-премьера главой страны Феоктистов вполне может рассчитывать получить пост руководителя его администрации. А с таким человеком нужно быть очень осторожным.

— Простите, что беспокою вас, — продолжал Феоктистов, — но сегодня из газет я узнал, что вчера вас пытались убить.

— Стреляли... — неопределённо сказал Каплунович. Он вспомнил, что примерно так же говорил Сайд в известном фильме «Белое солнце пустыни», и разозлился на себя. словно он какой-то кинематографический персонаж.

— Хотел выразить вам своё сочувствие. И поддержать вас, — продолжал Феоктистов.

— Спасибо, — поблагодарил его Каплунович. Слава богу, что он ничего не знает. А Вера тоже хороша. Решила взять себе в любовники такого человека. Не могла найти никого попроще.

— Сестра вашей супруги все ещё в Европе? — уточнил Феоктистов.

— Да, — ответил Борис Самуилович, — ещё отдыхает.

Прекрасно. Я хотел только уточнить одно обстоятельство происшедшего. Газеты указали точный адрес, где это произошло.

— Я сидел в машине, — нахмурился Каплунович. Он почувствовал, что этот поворот будет самым неприятным в их разговоре.

— Понимаю. Газеты так и написали. А ваши люди в это время выходили из дома. Все правильно?

— Журналисты пишут разную ерунду, — уклонился Борис Самуилович, но его собеседник безжалостно продолжал:

— Дело в том, что в этом доме, в том самом подъезде, откуда выходили ваши помощники,

проживает массажистка вашей родственницы. И по случайному совпадению именно о ней говорила мне Вера.

«Знает, — обречённо закрыл глаза Каплунович, — откуда он все знает? Будь прокляты эти журналисты.

— Может, и проживает, — сумел выдать он. Врать больше не имело смысла. Очевидно, Феоктистов точно знал, где именно хранилась копия обзора. Пусть тогда получит пачку чистой бумаги и объяснит, куда делась эта проклятая копия.

— Вы приехали вместе с ней, — продолжал неприятный разговор Феоктистов, — и хотели забрать...

«Господи, — взмолился Каплунович, — неужели он все знает? Откуда? Или среди моих людей есть предатели? Может, сам Танеев?»

— Вы хотели забрать... копию обзора, который Вера готовила вместе с Денисом Викторовичем, — закончил позвонивший, — верно?

Больше лгать не имело смысла. Это могло быть опасно.

— Откуда вы все знаете? — жалобно спросил Каплунович.

— Вы не ответили на мой вопрос, Борис Самуилович, — напомнил Феоктистов, — вы действительно приехали туда за копией доклада?

— Возможно. — Он ещё хотел оставить себе путь к отступлению.

— Ваши люди поднялись и забрали у массажистки чёрную папку, — продолжал Феоктистов, — и она сейчас у вас. Ведь нападавшие уехали и ничего не смогли сделать.

— У меня ничего нет, — упавшим голосом произнёс Каплунович, — они успели заменить папку.

— Правильно, — неожиданно произнёс Феоктистов, — там была пачка чистой бумаги. И ни одного слова. Вы получили пачку хорошей чистой бумаги. Все верно?

— Откуда вы знаете? — второй раз прошептал Каплунович.

— Эх, Борис Самуилович, дорогой вы наш. Вы даже не представляете себе, как вы рисковали жизнью, решив забрать эту копию. А если бы они вас убили? И Москва лишилась бы такого цветущего и деятельного бизнесмена, как вы...

— Откуда вы знаете? — в третий раз спросил Каплунович.

— А я думал, что вы все поняли. Когда Вера сбежала из дома, это я помог ей взять билет, обналичить деньги и уехать из страны. Мы договорились, что оставим у её массажистки якобы копию её доклада, вложив туда чистые листы бумаги. Если сейчас нас слушают, то могу представить, как они ругаются, прослушивая наш разговор. По договорённости с Верой там ничего не было. Но эта папка была важна для меня как сигнал. Если она сообщала, что можно взять папку, это означает, что положение стало весьма сложным и обзор нужно публиковать, независимо от выступления одного из наших знакомых. Так мы с ней договорились. Так она и сделала. А вы решили сыграть сами и лично полезли за папкой, ничего мне не сообщив. И в результате едва не получили пулю. Нельзя быть таким беспечным, дорогой Борис Самуилович.

— Идите к черту! — закричал Каплунович, осознав, как его обманули. Обиднее всего, что его обманула эта девчонка, младшая сестра жены. Выставила его дураком. К тому же жадным дураком.

— До свидания, — вежливо попрощался Феоктистов, — привет вашей очаровательной супруге. И ещё один вопрос. Вы не знаете, где сейчас находится Вера?

— Не знаю. И знать не хочу, — разозлился Каплунович и, не прощаясь, положил трубку. — Дрянь, — с чувством произнёс он, вспоминая Веру, — какая хитрая дрянь!

Он понимал, что это был план, предложенный самим Феоктистовым, и Вера никогда бы не смогла придумать подобную хитрость. Но обида на родственницу все равно росла.

— Нужно будет найти Дронго и отозвать его из Европы, — неожиданно решил Борис Самуилович, — я думал, что ей нужна моя помощь. А у неё такие связи и такие благодетели! Вот пусть они ей и помогают. И платят за её спасение. Достаточно того, что я сделал. И пусть Кира сходит с ума. Это уже не моё дело.

Он набрал номер мобильного телефона Алваро.

— Здравствуй, — сказал Каплунович, услышав знакомый голос, — забирай своих людей и возвращайся в Париж. Все уже закончилось. Веру нашли, она в полном порядке.

Закончив разговор, он позвонил Танееву:

— Найдите этого эксперта и скажите ему, чтобы возвращался в Москву. Дело закончено. С сегодняшнего дня мы ему больше не платим ни копейки. Веру нашли, и у неё все в порядке.

— Но если... — что-то хотел сказать Танеев.

— Сделай, как я приказал, — зло прервал его Каплунович.

Семнадцатое октября

Утром она опять проснулась раньше его. Он услышал, как она встала с кровати, и, не открывая глаз, предупредил:

— Надеюсь, вы не будете никому звонить? И дайте мне возможность немного поспать.

— Можно, я пойду по магазинам? — спросила Вера.

— Нельзя, — отрезал Дронго, — я посплю ещё немного, а потом мы пойдём вместе.

Он закрыл глаза, проваливаясь в сон. Вера покорно вздохнула и пошла в ванную комнату. Ровно через час он открыл глаза. Она сидела на кровати и смотрела телевизор, выключив звук, чтобы не беспокоить его. Он благодарно кивнул и пошёл в ванную. Приняв душ и побрившись, он вышел к ней.

— Пойдём завтракать, — предложил Дронго, — а потом отправимся в магазины. Лучше всего делать покупки в «Эл Корте Инглес», это их знаменитые универмаги. Там мы сможем купить все, что нам нужно.

Они позавтракали в небольшом баре, расположенном недалеко от их отеля, и отправились в универмаг за покупками. Дронго обратил внимание, что с самого утра у Веры было плохое настроение, словно её что-то беспокоило. Волосы она собрала на затылке и снова неуловимо изменилась, превращаясь в угловатого подростка в джинсах. Он заметил, как она осторожно смотрит на часы, но ничего не спросил. Наконец, когда они подходили к отелю с большими пакетами в руках, Вера не выдержала.

— Можно, я сделаю один звонок? — попросила она. — Это очень важно.

— Опять? — спросил Дронго. — Вы все-таки что-то скрываете от меня. Признайтесь честно: что вы мне не сказали.

— Все, — убедительно ответила Вера, — или почти все.

— Зачем вы звонили Каплуновичу рано утром? — спросил Дронго. — Только не говорите мне, что вы решили меня не тревожить. Ваш родственник в это время тоже спал, но вы решили ему позвонить. Если вы сказали правду, то могли бы подождать несколько часов. И позвонить самому Феоктистову. Но вам почему-то необходимо было позвонить именно мужу своей сестры. Почему?

Она нахмурилась.

— Вы всегда такой умный или притворяетесь? — спросила Вера.

— Притворяюсь, — ответил он. — Значит, была причина.

— Конечно, была. Вы же сразу поняли, что мне помогал именно Павел Феоктистов. Иначе бы я не смогла так быстро обналичить свои деньги, купить себе билет через Берлин в Париж и вообще спокойно пройти границу. Он даже заказал мне VIP-зал, но потом отменил его, иначе все могли догадаться, что мне кто-то помогает. Но меня провели через границу, и я улетела в Берлин.

Это я понимаю. Но почему насчёт копии обзора вы позвонили Каплуновичу? Вы ведь могли позвонить днём самому Феоктистову. У вас наверняка был его прямой мобильный телефон. К чему такая срочность? И почему нужно передавать через Бориса Самуиловича? Это все равно что чесать левое ухо правой рукой. И не нужно мне врать, что вы боитесь его жены. Встречаться с ним вы не боитесь, а его жены опасаетесь. Позвольте мне не поверить вам.

— Какой вы циник, — всплеснула руками Вера, — не верите в мои лучшие побуждения.

— Конечно, не верю.

Она тяжело вздохнула.

— Все придумал Павел, — сообщила Вера, — он был уверен, что меня просто так не оставят в покое. И предложил такой вариант. Я оставлю копию аналитического обзора у своей массажистки, а в случае опасности позвоню Борису и передам через него, что Феоктистов

может забрать эти материалы. Это будет условным знаком для него, что меня преследуют, а наш обзор нужно печатать.

— Интересно, — согласился Дронго, — а если копия вашего обзора попала бы в чужие руки? Или Каплунович решил бы не отдавать такую бомбу? Этот вариант вы предусмотрели?

Она снова остановилась и посмотрела на него. Потом вдруг сказала:

— Как жаль, что вы женаты. Я бы вышла за вас замуж. Всегда мечтала иметь такого мужа. Солидного, сильного, умного. У нас были бы хорошие дети. Как вы считаете?

— Я бы не женился, — сразу ответил Дронго.

— Почему? Я вам не нравлюсь?

— Именно поэтому. Слишком нравитесь. Иметь рядом такую жену — значит потерять покой на ближайшие тысячу лет.

— Значит, не женились бы?

— Мы потом обсудим этот важный вопрос. А сейчас объясните — почему Феоктистов так доверял Каплуновичу и вообще считал, что хранить такие материалы у вашей массажистки — верх благоразумия?

— Он так не считал, — улыбнулась Вера, — и поэтому забрал копию обзора. А у Зои оставил только пачку чистых листов бумаги, вложенных в папку. Мой звонок Борису должен подсказать Феоктистову, что ему нужно делать. А если мой родственник вдруг решит не отдавать копию обзора, то может стать обладателем чистой бумаги. Или если Зоя вдруг поймёт, что папку нужно спрятать и не отдавать. Или об этом узнает кто-то посторонний.

— Ваш Феоктистов, похоже, предусмотрел все варианты.

— Он умный, — кивнула Вера.

— За него вы тоже хотели выйти замуж? — недовольно уточнил Дронго, уже входя в отель. Она замерла. Он обернулся. Вера стояла и смотрела на него такими глазами... будто он сделал бестактность.

— Извините, — быстро сказал он, — я не хотел вас обидеть.

— Ничего страшного. — Она прикусила нижнюю губу. — Так мне и нужно. Если я встречаюсь с одним женатым мужчиной, а потом говорю любезности другому, то каждый встречный может решить, что я довольна ветреной женщиной. Все правильно.

Они вошли в отель и прошли к кабине лифта. За стойкой стояла пожилая женщина. Увидев гостей, она кивнула им в знак приветствия. В тесной кабине лифта они молча смотрели друг на друга. Потом вышли в коридор. Дронго посторонился, давая ей возможность выйти первой. Они вошли в комнату. Вера сложила все пакеты на пол и прошла к стулу. Села и скрестила руки, словно давая понять, что больше никуда отсюда не выйдет. Дронго положил свои пакеты и улыбнулся.

— Между прочим, я извинился, — заметил Дронго, — а вы ещё даже не извинились за вчерашнее нападение. Из-за вашей ошибки нас чуть не убили.

— Я ещё должна извиняться! — возмутилась Вера. — Откуда я знала, что телефоны президента телефонной компании могут прослушиваться? Мы ведь думали, что Борис сумеет защитить свои аппараты от чужих ушей.

— Почему вы вчера не рассказали мне о плане Феоктистова? Я бы попытался узнать обо всем у Каплуновича.

— Разве у меня было время? Они сразу начали стрелять, а потом я ползла по полу, умирая от страха. Вы забыли, как они начали сразу стрелять?

— Считайте, что оправдались. — Он посмотрел на часы. — Я думаю, нам пора узнать, что происходит в Москве. Поедем на автобусе в какой-нибудь соседний городок и оттуда позвоним. Лучше Толедо. Отсюда чуть больше часа, зато вы увидите средневековую столицу Испании и побываете в музее Эль Греко.

— Надеюсь, что мы успеем поговорить по телефону до того, как там появятся эти убийцы, — не удержалась она от сарказма.

Когда они находились уже в такси, направлявшемся в Толедо, Дронго тихо спросил у своей спутницы:

— А почему действительно вы до сих пор не вышли замуж?

— Не встретила такого мужчину, как вы, — недовольно ответила Вера. И затем добавила:

— Всегда хочешь иметь идеал. Моя старшая сестра один раз обожглась, а потом нашла Бориса. Я решила не совершать подобной ошибки и долго выбирала. Теперь понимаю, что выбирала слишком долго.

— А Павел Феоктистов?

— Почти идеальный мужчина, — грустно усмехнулась она, — но только почти.

— Почему? Потому что он был женат?

Вы все одинаковые, — вздохнула Вера, — и мыслите одинаково, когда дело касается отношений мужчины с женщиной. Конечно, не поэтому. Но если мужчина, имея жену, может иметь любовницу, то где гарантия, что, женившись на любовнице, он не заведёт другую женщину на стороне? Я не моралистка, честное слово. Но для него семейная жизнь и женщины рядом были не самым важным в его жизни. Карьера и деньги — вот его идеалы, а семья и любовь где-то на десятом месте. Я это сразу поняла. Он ко мне относился очень хорошо, был предупредительным, милым, деликатным. Насколько мог. Но работа была всегда на первом месте.

Она замолчала, словно не решаясь произнести следующие слова. Дронго терпеливо ждал.

— Он ведь меня втянул в это дело, прекрасно понимая, чем я рискую. Но решил, что можно рискнуть. Этот аналитический обзор для бывшего шефа был ему важнее моей жизни. Он, конечно, мне помог, когда я ему позвонила, и сделал все, чтобы я уехала из Москвы. Как вы считаете, можно выходить замуж за такого человека?

— Не знаю, — ответил Дронго, — я вообще предпочитаю не давать советов в подобных случаях.

— Правильно, — кивнула она, — вот поэтому я до сих пор и живу одна.

— А ваш латышский друг? — напомнил Дронго. — Ему, кажется, не так важна его карьера.

Нет. Он несколько прижимист, но в общем ничего. Одна беда — он очень слабый. А мне хотелось бы уважать своего мужа. Пусть он не будет красавцем, как Саша, но он должен быть сильным человеком. Со своим внутренним стержнем. Любая женщина хочет иметь рядом не друга, это абсолютное враньё. Ей нужна скала, которая может её защитить, взять на себя все проблемы, вообще сделать её жизнь беспроблемной. Ей нужен немного отец, немного учитель, немного адвокат и немного психоаналитик, который будет понимающим другом. Вот тогда женщина будет абсолютно счастлива. Одним словом, женщине нужен мужчина, настоящий.

— В таком случае могу вас огорчить, — усмехнулся Дронго, — я никак не подхожу под ваш идеал. У меня ужасный характер, я люблю одиночество и не умею быть деликатным.

— Я заметила, — кивнула она, — поэтому решила не выходить за вас замуж. Вы меня убедили. Вы явно не мой идеал.

Оба улыбнулись друг другу.

— Спасибо, — сказала Вера, — я всегда буду помнить наше необычное путешествие. Такое не забудешь.

Когда они приехали в Толедо, он сразу повёл её в Кафедральный собор, в ризнице которого были выставлены картины Эль Греко, а также Тициана, Ван Дейка и Гойи. Картины они смотрели молча, особенно впечатляли полотна Эль Греко. Вытянутые светлые лица на мрачном тёмном фоне поражали своей одухотворённостью, своим внутренним светом. Через час они вышли из ризницы. Дронго купил карточку для телефона-автомата и подошёл к одному из аппаратов, находившихся недалеко от собора. Сначала он позвонил Эдгару Вейдеманису на его мобильный телефон. Тот сразу ответил.

— Где ты пропадаешь столько дней? — взволнованно спросил Эдгар. — Что у вас случилось?

— Пока живы, — ответил Дронго, — как у вас дела?

— Кружков поправляется, — сообщил Вейдеманис, — но наши телефоны прослушивают.

— Это я знаю.

— Вчера напали на автомобиль Каплуновича. Но ничего с ним не сделали. Пострадали два его телохранителя.

— Что-нибудь ещё?

— Девятнадцатого ожидается выступление экс-премьера. Об этом пишут уже все газеты.

Напряжение растёт с каждым днём. Твоей спутнице лучше здесь не появляться.

— Все понятно. Спасибо, Эдгар, за нас не беспокойся. Я думаю, что мы продержимся.

Он положил трубку и посмотрел на Веру.

— Вчера напали на машину мужа вашей сестры, но его охрана сумела отбить нападение.

Двое охранников ранены, сам Борис Самуилович не пострадал.

Она рванулась к аппарату, набирая номер Каплуновича.

— Алло, Борис! — крикнула она в трубку, услышав знакомый голос. — Как у вас дела? Я слышала, что на тебя напали?

— Меня чуть не убили из-за твоей идиотской выходки, — услышала она злой голос Каплуновича.

— Какой выходки? — не поняла Вера. — При чем тут я?

— Твоя массажистка, — пояснил Борис Самуилович, — я поехал к ней забрать копию твоих документов, и меня чуть не убили. Напала целая банда, была засада. Убили нескольких моих телохранителей, я чудом спасся.

— Подожди, подожди, — не поняла Вера, — а зачем ты поехал к Зое? Я же просила тебя позвонить Павлу и передать, чтобы взял копию сам. Зачем нужно было ехать тебе?

— Я хотел вам помочь, — соврал Каплунович, — думал, таким образом смогу тебя выручить.

— Борис. — Она закусила нижнюю губу. — Ты говоришь неправду. Тебе не нужно было там появляться. Достаточно было позвонить Феоктистову. Он бы все понял без этой поездки.

— Конечно, понял бы, — закричал, не сдерживаясь, Каплунович, — вы ведь забрали копию обзора и оставили мне, дураку, пачку чистой бумаги! А я решил тебя выручить и полез за этими документами, подставляя себя и своих людей под пули.

Она растерянно взглянула на Дронго. Ей больше не хотелось разговаривать. Вера все правильно поняла. Каплунович не сдержался, он решил забрать копию обзора и едва не погиб. Она передала трубку Дронго. Её била крупная дрожь.

— Здравствуйте, — сказал Дронго, — как видите, я выполнил ваше поручение. И даже сумел вытащить вашу родственницу из Хаэна.

— Спасибо, — недовольным голосом произнёс Каплунович, — но на этом действие нашего контракта заканчивается. Я просил Танеева найти вас и сообщить. Можете вернуться в Москву. Я думаю, что Вере уже ничего не угрожает. Копия сделанных ею материалов и сам обзор находятся в надёжных руках.

— Вы не понимаете, — возразил Дронго, — мне сейчас нельзя возвращаться. Если я оставлю её одну, то может произойти трагедия...

Каплунович нахмурился. Он подумал, что Кира не простит ему смерти Веры. С другой стороны, эта дрянь так его глупо подставила. Теперь вся Москва будет над ним смеяться.

— Хорошо, — разрешил он, тогда можете остаться рядом с ней ещё два дня, а девятнадцатого вернётесь. Я думаю, к тому времени вам уже ничего не будет угрожать. До свидания.

— До свидания. — Дронго положил трубку и посмотрел на Веру.

— Какая дрянь, — сказала она с чувством, — он ради денег готов удавиться. Олигарх поганый. Имеет почти миллиард долларов, а ему все мало.

Дронго протянул ей трубку.

— Звоните Феоктистову, — предложил он, — мы хотя бы узнаем, что там происходит.

Она набрала номер. У неё было обиженное лицо. Павел, здравствуй, — быстро произнесла она. — Это Вера.

— Как хорошо, что ты позвонила. Я так волновался за тебя.

— Поэтому сплавил в Европу?

— Как тебе не стыдно. Я хотел тебя спасти. Раз ты позвонила, значит, у тебя все в порядке.

— В полном порядке, — упавшим голосом сообщила Вера, — а как у тебя?

— У нас все нормально. Ждём девятнадцатого. Будет выступление и публикация вашего обзора.

— А как с копией?

Я оказался прав, — ответил Феоктистов, — для мужа твоей сестры этот обзор оказался непосильным бременем. Он мне не позвонил, а решил забрать его сам. И нарвался на пули. Хорошо ещё, что его не убили.

— Он раньше не был таким, — попыталась защитить Бориса Вера.

— Мы все раньше были немного другими, — не согласился Феоктистов, — просто изменились времена. Я ему уже позвонил и объяснил, чтобы он не искал эту копию. Она у меня.

— Кажется, он обиделся на меня.

— Пусть обижается на себя.

— Да. Наверное, ты прав.

— Что ты сказала?

— Ничего. Я говорю, что ты всегда прав. Будь здоров, Павел.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил он напоследок.

— Спасибо. Все, что можно, ты уже для меня сделал. Спасибо. И до свидания.

Она положила трубку. И повернулась к Дронго. В глазах у неё были слезы.

— Все мужики сволочи, — убеждённо сказала она, — и не смотрите на меня такими глазами. Все без исключения. Думаете только о себе и своих проблемах.

Она повернулась и пошла вниз по улице. Дронго улыбнулся и поспешил следом. Он понимал, как плохо она себя чувствует.

Семнадцатое октября

Утром ему позвонили. Быстрянский посмотрел на телефон, точно зная, кто именно звонит. Ему уже доложили о вчерашнем нападении. Олег Степанович взял трубку и ответил. На часах было почти одиннадцать.

Добрый день, — сказал позвонивший. Сегодня он был любезен и вежлив. Быстрянский поморщился. Лучшее время для реванша. Пусть теперь выворачивается, как может.

— Опять ошиблись? — весело спросил Олег Степанович. — Снова ничего не смогли сделать?

Сначала упустили этого эксперта в Хаэне. Пятеро вооружённых мужиков не смогли его взять в отёле. Говорят, что у него не было оружия. Он один сумел положить пятерых твоих вооружённых придурков...

— Не нужно по телефону, — попросил позвонивший.

— Нужно. Тебя все равно никто не будет прослушивать, а меня пусть слышат. Это все равно твои придурки были. Пятеро профессионалов, которым мы платим такие деньги. И против одного. Что вышло? Большой пшик вышел. Ничего не получилось. Всех перестреляли...

— Там появились полицейские. Никто их не ждал.

— А в нормальных странах иногда бывают и полицейские, — торжествующе заметил Быстрянский, — или они об этом не знали? И вчера глупо провалились...

— Не нужно, — снова попросил позвонивший.

— Ты из себя крутого корчил. Все умеешь, все знаешь. А получилось, что ничего не умеешь, — распаяясь, заявил Олег Степанович, — устроил перестрелку в Москве. Здесь тебе не Чечня, свои возможности демонстрировать. Ты слышал, что дело взял под свой контроль генеральный прокурор? Или не слышал? Вот теперь вас за мягкое место цапнут.

Они нас обманули, — пояснил позвонивший, — обе копии обзора у Феоктистова. Завтра приезжает премьер. И послезавтра он будет выступать.

— Тогда зачем ты нужен? — разозлился Быстрянский. — Я столько платил вам денег. Всегда делал все, что вы хотели. Из кожи лез, чтобы вам угодить. А когда у меня проблема, твои ребята ничего не могут сделать. На кой черт мне такие помощники?

— Угрожаешь? Решил, что можешь меня кинуть?

— Куда я тебя кину? — зло спросил Олег Степанович. — Мы с тобой как братья-близнецы из одной утробы вылезли. Только в последнее время у тебя много проколов, «компаньон».

— Ничего, — ответил Чиновник, — мы своё все равно возьмём. Завтра попытаемся

договориться с нашим бывшим премьером. Я думаю, что все будет в порядке.

— Так лучше, — согласился Быстрянский, — нужно было с самого начала с ним договариваться, а не устраивать цирк с его помощниками.

— Мы хотели сделать дешевле, — пояснил Чиновник.

— Дешевле всегда плохо, — резонно заметил Олег Степанович.

— Поэтому я и позвонил. Нужно договариваться. Если обзор опубликуют, у нас будут неприятности. Большие неприятности. И у тебя, и у меня.

— Ты говорил, что все под контролем?

— Не все получилось. Поэтому тебе нужно нам помочь...

— Опять помочь? Сколько?

— Ты не понял. Речь идёт о твоей компании. Если экс-премьер выступит с этим обзором, начнут общую проверку, как ты покупал свои акции. Кто тебе помогал. И тогда ты потеряешь все, что имеешь. Ты меня не хочешь понимать?

— Что я должен делать?

— Позвони Каплуновичу. Отдай ему два или три процента акций. Продай по номиналу. Пусть подавится. Но за этот кусок пусть отдаст нам свою родственницу.

— Три процента?! — закричал Быстрянский, чуть не задохнувшись от гнева. — Ты с ума сошёл?

— Если понадобится, дашь четыре, — безжалостно продолжал Чиновник, — и ещё мы выплатим отступные Феоктистову. Тому самому помощнику.

— Ты хочешь меня разорить? — упавшим голосом спросил Олег Степанович.

— Я хочу тебя спасти и себя тоже. Если сейчас начнём думать о копейках, потеряем все деньги...

— Какие копейки? Ты знаешь, сколько стоит один процент акций? По номиналу и реальная цена? И разницу знаешь?

Сам сказал, что дешевле всегда хуже. Не стоит дёргаться. Сделаешь все, как договорились. И учти, что это наш последний шанс. Нужно убрать последнего свидетеля и договориться с нужными людьми, чтобы забыли об этих материалах. Только так. У нас осталось два дня.

— Ты все провалил, а я должен теперь исправлять твои ошибки своими деньгами?

— Это ты все провалил, — возразил Чиновник, — откуда Репников и Логутина узнали подробности? Как они смогли составить доклад по твоей компании? Кто давал им факты, документы, цифры? Твои кретины, твои беспечные сотрудники! Один твой вице-президент засветился в Куршевиле, когда потратил за неделю полмиллиона долларов. Другой вице-президент полез спонсировать конкурс красоты, а потом забрал с собой сразу двух девочек на курорт в Майами. Продолжать? Это все ваши выкрутасы. Твои и твоих зажавшихся миллионеров. Решили, что вам все дозволено? Вот и получили. Думаешь, наш бывший премьер такой ангел? Конечно, нет. Но выставить нас всех дураками и показать, как вы получали свои миллионы, для него самый лучший козырь. Он на этом такие очки заработает! Борец с олигархами и чиновничьим беспределом. А я твоё дерьмо должен подчищать. Чтобы никто не узнал, откуда у тебя и твоих вице-президентов такие деньги. Как вы залоговые аукционы выигрывали, как за сто тысяч долларов покупали миллионное оборудование. Продолжать?

— Хватит, — прервал его Быстрянский, — надоело. Голова болит. В общем, я все понял. Будем договариваться.

— Вот так лучше. И переведи ещё триста тысяч на тот самый счёт в Германию. У нас в Хаэне двое убитых и тяжело раненный. Я хотя бы их семьям деньги заплачу.

«Все возьмёт себе, — подумал Олег Степанович, — хотя триста тысяч долларов не такие большие деньги».

— Обязательно переведу, — согласился он.

— До свидания. Вечером я ещё раз перезвоню. — Чиновник положил трубку.

Быстрянский тяжело вздохнул. Будь они все прокляты! Он подумал, что три процента — это невозможно много. Сначала он предложит два. Или лучше полтора процента. В конце концов, и это огромные деньги. Которые ему предстоит потерять.

Семнадцатое октября

В Мадрид они вернулись в седьмом часу вечера. Дронго попросил водителя такси остановить машину недалеко от мэрии, где были расположены многочисленные рестораны, в которых любили бывать Хемингуэй и Пикассо. Вера приехала расстроенная. Телефонные разговоры с Борисом Каплуновичем и Павлом Феоктистовым окончательно выбили её из колеи. В ресторане она сидела безучастная, позволив своему спутнику самому заказывать ужин. Дронго попросил принести бутылку вина, но она не притронулась к спиртному.

И ела без особого аппетита. Он понимал её состояние и старался отвлечь от печальных мыслей, рассказывая различные истории, приключавшиеся с ним в разные времена в Испании. Но в этот вечер все его усилия были напрасны.

Из ресторана они вышли через полтора часа. Вера по-прежнему была не в настроении. За столько дней, проведённых вместе, он ни разу не видел её такой задумчивой и мрачной. Даже когда им серьёзно угрожали в Хаэне.

— Если вы будете в таком настроении, я от вас сбегу, — в конце концов пошутил Дронго.

— Не сбежите, — ответила она горько, — вам платят, чтобы вы меня охраняли. И пока платят, вы будете рядом со мной.

В такой момент нужно обидеться, но он понимал её состояние.

— Вы считаете, что я защищал вас только потому, что мне платит ваш родственник? — спросил Дронго.

— Я не хотела вас обидеть, — поняла Вера, — сказала то, что думаю. Наверное, немного бестактно.

— Ничего. Я привык. Вы сказали правду. Мне действительно платят гонорар, чтобы я вас нашёл и привёз живой в Москву. Только я обычно выбираю, чем именно заниматься и кого защищать. Даже если мне платят.

Вы видите, как они все суетятся? — горько спросила Вера. — Каждый думает только о своём кармане. Обидно. Я полагала, что Павел относится ко мне совсем иначе. А сейчас понимаю, что всегда была для него лишь удобным помощником. И не более того.

— Почему они привлекли к работе именно вас?

— Я хорошо знала эти проблемы, могла просчитать финансовые возможности компании «Стил-М» на первоначальном этапе, когда они имели уставный капитал в полтора миллиона долларов. И потом, когда им продали на залоговых аукционах большую часть сталелитейных предприятий и довели капитализацию до трех миллиардов долларов.

— Такие темпы роста не свились ни одному миллионеру, — посчитал Дронго, — с полутора миллионов долларов до трех миллиардов. Рост в две тысячи процентов.

— И учтите, что первые полтора миллиона тоже были не самыми праведными, — улыбнулась Вера, — хотя мне все равно. Я отдала все свои данные Репникову, он все обобщал. По-моему, ему нравилось заниматься подобными проблемами. Теперь я думаю, что напрасно согласилась помочь Денису Викторовичу по просьбе Феоктистова. Это была моя большая ошибка.

— Ничего, — попытался успокоить её Дронго, — скоро все закончится.

— Только не для меня, — упрямо сказала Вера, — я буду помнить об этом всю свою жизнь.

Он не стал комментировать её слова.

— Можно, я задам вам личный вопрос? — вдруг остановилась она, глядя на него снизу вверх.

— Какой?

— Вы сознательно меня избегаете?

— В каком смысле?

— В физическом. Все эти дни и ночи вы ведёте себя так, словно я прокажённая. Входите в ванную комнату, пятась спиной, лежите рядом в постели, отодвигая ноги, приносите вторую кровать. Вам неприятно со мной оставаться?

Он не успел ничего ответить.

— Вы, наверное, помните об этом вибромассажере, с отвращением сказала она, — и вам

противно со мной общаться?

Он наклонился и осторожно поцеловал её. Она улыбнулась.

— Вы даже целуетесь осторожно, словно опасаетесь, что я вам отвечу. Не бойтесь. Насчёт замужества я шутила. Вы не в моем вкусе. Пожилой и лысеющий мужчина с отвратительным характером и глупыми шутками. Нет, господин Дронго. Мне нужен красавчик типа Александра Линдта, богатый, как Олег Быстрианский, влиятельный, как Павел Феоктистов, и умный, как... — Она усмехнулась: — Как Борис Каплунович.

В таком случае не сомневаюсь, что вы скоро найдёте свой идеал, — кивнул Дронго, — идёте быстрее. Два раза попадать под дождь в одном городе — это уже непростительная роскошь.

В этой части города он знал каждую улицу, почти каждый дом. И поэтому повёл её самым коротким путём. Много лет назад в любви к этому городу ему признавалась пани Моника, польский дипломат, работавшая в посольстве Польши в Испании. Она тогда показывала ему Мадрид. Сколько лет с тех пор прошло? Может, Вера права. Он действительно пожилой человек. Или он кажется пожилым для тридцатилетней женщины, когда в свои сорок семь он старше её почти на целую вечность?

Кажется, Моника тогда мечтала выйти замуж за богатого человека, бросить работу и на всю жизнь остаться в Испании, в которую была влюблена. Интересно, что с ней произошло? Сумела она найти себе такого мужа? Или вернулась в Польшу?

— Вы о чем-то задумались? — спросила Вера, когда они вошли в здание отеля.

— Подумал о нашем возвращении в Москву, — ответил Дронго, — надеюсь, что послезавтра все закончится.

Вечером за стойкой дежурил уже знакомый сеньор Антонио Сертада. Дронго кивнул ему, пропуская вперёд Веру.

Они поднялись к себе в номер по лестнице. В коридоре Дронго увидел молодого человека, осторожно выходящего из их номера. Тот закрыл дверь и обернулся к ним. В руках он что-то держал. Дронго оттолкнул Веру и достал оружие. Незнакомец испуганно охнул. В руках у него были две банки пива. Он проверял их мини-бар.

— Все в порядке, — сказал Дронго, убирая оружие, — извини.

По-испански это слово произносится почти так же, как и по-французски. Только если французы говорят «пардон», испанцы говорят «пэрдон». Ошалевший от неожиданности парень закивал головой, роняя банки пива на пол. Дронго шагнул к нему, помогая их поднять и собрать. Затем дружески хлопнул его по плечу. Когда они вошли в отель, она повернулась к нему, не давая протянуть руку и включить свет.

Он почувствовал её губы на своём подбородке.

— Нет, — решительно сказал Дронго, чуть отстраняясь, — так нельзя.

Она замерла.

— Только через два дня, — предложил Дронго, — когда у нас не будет никаких других отношений. Я думаю, так будет честнее. Иначе получается, что я воспользовался своим положением. И вместо того чтобы охранять вас...

— Вам никто не говорил, что нельзя быть таким старомодно добропорядочным? — поинтересовалась Вера.

— Никто, — ответил Дронго, включая свет.

Она направилась к своей кровати. Села на неё.

— Честное слово, это просто возмутительно, — заявила она, — получается, что я вас домогаюсь. Никогда не была в таком идиотском положении. Даже немного странно.

— Я тоже, — сказал Дронго, усаживаясь на свою кровать, — никогда не работал в роли телохранителя. И пока я таковым являюсь, то обязан охранять ваше тело от всяческих посягательств. В том числе и от собственных.

— Все, — сказала она, поднимаясь с кровати, — иду в ванную. На сегодня достаточно.

Она прошла в ванную комнату. Дронго сидел на кровати, полагая, что все их приключения закончились. И в этот момент зазвонил телефон. Он устало взглянул на аппарат. Наверное, кто-то из сотрудников отеля. Может, тот парень рассказал, что встретил в коридоре сумасшедшего гостя с пистолетом? Дронго поднялся и подошёл к телефону. Снял трубку.

— Добрый вечер, сеньор, — услышал он знакомый голос сеньора Антонио Сертады, с которым разговаривал вчера вечером, — я думаю, что мне нужно вас предупредить. Дело в том, что несколько минут назад сюда позвонил неизвестный, который расспрашивал меня о вас. О вас и о вашей спутнице. Он уточнял, в каком номере вы живёте и сколько у вас кроватей. Таких справок мы не даём по телефону, но он точно знал, что вы в нашем отёле. Он даже попросил меня задержать вас, если вы вдруг решитесь покинуть наш отель. Мне не очень понравился этот сеньор. И я решил, что мне лучше перезвонить к вам.

— Спасибо. — Дронго бросился в ванную комнату. Вера уже успела снять свои джинсы и стояла перед зеркалом в нижнем белье. Он открыл дверь.

— Иногда я не понимаю логики ваших поступков, — испуганно сказала она, прикрываясь полотенцем, — что случилось? Вы передумали?

— Быстрее одевайтесь! — крикнул Дронго. — Мы уходим! Они нас вычислили.

— Отсюда тоже? — не поверила Вера. — Но я никому больше не звонила.

— Потом все обсудим. Одевайтесь.

— Только не говорите, что нам нужно оставить пакеты, — взмолилась Вера.

— У вас тридцать секунд, — грозно заявил Дронго, — потом я вытолкну вас в коридор прямо в таком виде. Быстрее одевайтесь.

Через полторы минуты они выбежали из номера с пакетами в руках. Дронго показал ей в конец коридора, где был выход на аварийную лестницу. «В следующий раз поблагодарю сеньора Сертаду», — подумал Дронго. Ещё через несколько минут они уже сидели в машине, направлявшейся в сторону вокзала.

— Почему мы так быстро сбежали? — поинтересовалась Вера. — Что случилось?

— Нас опять вычислили, — мрачно пояснил Дронго.

— Но каким образом? — изумилась она. — Мы ведь звонили из Толедо?

— Я даже боюсь об этом подумать, — признался Дронго, — иначе можно сойти с ума.

— Вы не хотите мне ничего объяснить? — спросила она.

— Потом, — отмахнулся он, — надеюсь, мы успеем на вечерний поезд в Барселону. Он отходит через час. Нужно взять билеты. Поезд стоит на станции Аточа не так много времени. Он идёт из Севильи в Барселону через Мадрид. Нужно будет успеть на этот поезд.

Восемнадцатое октября

Состав тронулся точно по расписанию. Дронго закрыл дверь, немного успокаиваясь. Билетов первого класса не было, и они взяли обычное купе на двоих во втором классе. Вера уселась на сиденье и молчала, ожидая, когда наконец он объяснит ей, что происходит. Дронго устало сел рядом с ней.

— Никогда в жизни я столько не бегал, — признался он.

Почему? — спросила Вера. — Как они нас опять смогли вычислить? Вы же говорили, что это невозможно. Мы поехали в Толедо и разговаривали оттуда.

— Верно. Но нельзя считать, что ваши противники дураки. Это всегда опасное заблуждение. Они тоже умеют считать и понимают, что мы будем маскироваться. Мы сделали три звонка в Москву, и они могли прослушать все три телефонных разговора. Определить, что мы звоним из Толедо. И вот здесь начинается самое неприятное для нас. Им нужно было за несколько часов проверить не только все отели Толедо, но и все отели Мадрида, чтобы точно узнать, где именно мы находимся.

— Почему вы сказали мне в отёле, что даже боитесь подумать об этом?

— Именно поэтому. Если наши противники смогли так быстро нас вычислить, это может означать только одно. У них был доступ к информационной системе городской полиции Мадрида. Они проверили все отели города и получили данные, где именно мы находимся. Значит, после событий в Хаэне кто-то на государственном уровне сделал запрос по нашему поводу и получил право на розыск. Именно этого я и боялся. Против нас действует не группа бандитов, а профессионалы, подчиняющиеся государственному лицу, у которого довольно большие возможности. И этот человек прикрывает Быстрянского и его команду. Хорошо, что мне позвонил портё и предупредил, что нас ищут незнакомцы, которые скоро будут в отёле.

— Что нам делать?

Позвоним ещё раз Феоктистову. Нас может спасти только срочная публикация вашего обзора. И конечно, нам нельзя оставаться в Испании. Как только поезд прибудет утром в Барселону, мы должны уехать во Францию. Немедленно. Иначе нас сразу вычислят.

Он посмотрел на пакеты, сложенные на полу.

— И завтра нам нужно купить чемодан, — предложил Дронго, — или два чемодана. Чтобы хранить в них наши вещи.

— Я думала, что приключения уже закончились, — призналась Вера.

— Мне тоже так казалось. Но, как видите, мы ошибались. Нужно быть готовыми к любым неожиданностям. Я думаю, что нам нужно вернуться во Францию и поехать в Париж. Вам лучше остаться у своей сестры. Это единственный человек, которому мы можем доверять. Лучше переждать у неё некоторое время, а уже потом вы сможете вернуться в Москву.

— У меня закончится виза на право пребывания в Шенгенской зоне, пояснила Вера.

— Её можно продлить. У вашей сестры и её детей есть право на постоянное проживание во Франции. Вам могут продлить визу в случае болезни. Можно что-то придумать, договориться с врачами. Или продлить вам визу. Можно спрятать вас в Англии, куда вы можете въехать со своей английской визой. В общем, что-нибудь придумаем.

Он принялся развязывать галстук.

— Я буду спать на верхней полке, — показал Дронго, — и постарайтесь ночью не открывать дверь и не выходить в коридор. Даже если очень захотите в туалет. Они могут организовать проверку всех поездов, вышедших ночью из Мадрида. Стучать в двери, конечно, не будут. Но встретить вас в коридоре будет для них несомненной удачей.

— Не пойду даже в туалет, — согласилась Вера. — Если бы вы знали, как я устала от этой дурацкой погони.

— Я устал не меньше вашего. Надеюсь, что уже завтра все закончится. Ваш обзор будет опубликован, или с ним выступит бывший премьер-министр.

Он полез на верхнюю полку, не забыв взять с собой оружие. Посмотрел на пистолет и вспомнил слова сеньоры Чавес в Хаэне.

«Из этого пистолета стреляли в офицера полиции», — сказала она тогда. Если их задержат с этим оружием, то он получит пожизненное заключение в Испании и уже никогда отсюда не уедет. Нужно избавляться от этого пистолета. Но сделать это сейчас невозможно. Слишком опасно. Оставлять такую улику против себя тоже глупо. И пистолет ему не поможет, если их найдут. Но избавляться от него лучше немного позже. Он стащил с себя брюки, рубашку, повесил все на вешалку. И растянулся на постели.

— Вы спите? — спросила снизу Вера.

— Пытаюсь, — честно ответил Дронго.

У вас железные нервы. А я не могу спать. Все время думаю об этом портье. Почему он нас предупредил? Ведь вполне мог и не предупреждать. Тогда почему?

— Наш портье учился на философа и может цитировать Бэкона, — пояснил Дронго, — обычно такие начитанные люди не бывают подлецами. Это исключено. Они не бывают даже равнодушными. И поэтому он не мог просто так отмолчаться. Сеньор Антонио Сертада оказался порядочным человеком и спас нам жизнь. Как видите, не все мужики сволочи. Среди них встречаются и порядочные люди.

— Возможно, — согласилась она, — но очень редко. Будем считать, что этот портье приятное исключение.

— Будем считать, — согласился он, закрывая глаза.

Через некоторое время она снова позвала его: Простите, что я мешаю вам спать. Вы действительно думаете, что если они нас найдут, то сразу убьют? Может, они начнут торговаться?

Судя по тому, как они вели себя в Хаэне, они не станут торговаться. Они выберут дешёвый и обычный способ избавиться от свидетелей. Пристрелят нас обоих. У вас есть ещё вопросы или я могу уже спать?

— Можете спать, — ответила Вера, — спокойной ночи.

— Спокойной ночи. — Он повернулся на бок и снова закрыл глаза. До Барселоны было

ещё далеко.

Восемнадцатое октября

Когда утром они прибыли в Барселону, шёл проливной дождь. Небо было затянуто тучами. Прямо на вокзале они приобрели билеты до границы. Электричка уходила через полчаса к Порту-Боу, и они, сложив все пакеты, успели занять свои места. Поезд шёл до границы почти три часа, останавливаясь на каждой маленькой станции. Это изматывающее путешествие закончилось на границе Испании с Францией. Когда-то давно здесь находились пограничные стражи и таможенные службы обеих стран. Сейчас границы не охранялись, так как страны входили в общую Шенгенскую зону. Отсюда до Тулузы шёл скорый поезд. Он был почти пустой, и они пересели в него, чтобы ещё через два с половиной часа оказаться в Тулузе.

Во время этого длинного пути он дремал, а она приобрела газеты на французском языке и читала их, стараясь не поднимать головы. Наконец днём они прибыли в Тулузу и сразу отправились пешком к «Софителю», который находился примерно в четырехстах метрах от вокзала. Молодой портье оформил им один номер на двоих, при этом Дронго умудрился написать свою фамилию так, что её не смог бы правильно прочесть даже лучший графолог Франции. Они поднялись в номер. На столике стояла бутылка воды «Эвиан» и лежал красный персик. Это был своеобразный презент отеля гостям. Дронго усмехнулся.

— Персик ваш, — сказал он, обращаясь к Вере.

— Не хочу. — У неё опять испортилось настроение.

— Позвоним из города вашей племяннице, — предложил Дронго, — наверняка этот телефон не прослушивается.

— Хорошо, — согласилась она.

Они вышли в город и позвонили из первого автомата, находившегося совсем неподалёку от отеля. Постоянное чувство опасности притупляет страх, делая человека более равнодушным даже к собственной смерти. Как на войне, когда знаешь, что можешь погибнуть в любую секунду. Или когда работаешь монтажником на большой высоте и понимаешь, что все может кончиться падением. Но даже к такому человек постепенно привыкает. На этот раз Алла была уже дома, рядом с матерью, и поэтому сразу передала трубку Кире.

— Где ты находишься, Вера? — закричала её старшая сестра. — Мы все сходим с ума.

— У меня все в порядке, — сообщила Вера, — завтра буду у вас в Париже. Где мы можем встретиться?

— Приезжай сразу к нам, — предложила Кира.

— Это опасно, сказала Вера, взглянув на своего спутника, — давай лучше рядом с Лионским вокзалом. Помнишь место, где мы встречались? Там недалеко есть кинотеатр.

Конечно, помню. Я подъеду в своей машине. До свидания. Будь осторожна. Целую тебя. Когда ты приедешь в Париж, сразу перезвони мне, и я приеду за тобой. Ты меня поняла?

— Лучше договориться прямо сейчас, — предложила Вера. — Когда мы будем завтра в Париже? — спросила она у Дронго.

— Примерно в три часа дня, — ответил он.

В три часа дня, — передала Вера, — я тебя целую. Увидимся завтра.

Она положила трубку. Потом посмотрела на Дронго.

— Я все время думаю о Борисе, — призналась она, — он ведь был хорошим учёным, доктором наук. У него семья нормальная. Почему он таким стал? Ненормально жадным хапугой. Зачем ему ещё деньги? У него и так их много. Почти миллиард долларов. Куда ему столько? Успеет их проесть или потратить? Купит десять домов или сто костюмов? Зачем? Зачем он полез за копией обзора сам и не сказал ничего Павлу? Не понимаю.

— Деньги портят человека, — убеждённо сказал Дронго, — и не делают его счастливым. Чем больше денег, тем больше зависимость человека от них. Если вы обладаете миллиардным состоянием, то уже не можете позволить себе вести себя как хочется. Нужно соответствовать этому капиталу. Чтобы его сохранить, приходится пускаться во все тяжкие. Лгать, воровать, предавать, убивать. Огромные деньги идут к тем, кто готов ради них отдать свою душу и тело, поставить их вместо Бога и сделать главной целью и радостью в жизни.

Борис изменился, вы просто не захотели этого заметить.

— Да, — печально согласилась она, — он очень изменился.

Они повернули к отелю.

Вы хотите поужинать? — спросил Дронго.

— Не хочу. Она больше ничего не сказала.

В их номере были две просторные кровати. Она легла на кровать, которая была ближе к окну. И сразу укрылась одеялом. Он прошёл в ванную, чтобы принять душ. Когда он купался, ему показалось, что он слышит чей-то сдавленный голос. Накинув полотенце, он быстро вылез из ванной. Вера лежала, накрывшись одеялом, повернувшись лицом к окну, и плакала. Он видел, как она беззвучно плачет, и только иногда были слышны её стоны. Он видел, как дёргается одеяло. Ему захотелось подойти, погладить её по голове, успокоить, обнять. Как много раз потом в жизни он жалел, что не поддался в эту минуту своей слабости и не подошёл к ней. Не успокоил её. Но он стоял и смотрел, как она плачет, не решаясь сделать ни одного шага по направлению к Вере. А потом повернулся и пошёл в ванную. Когда он вышел во второй раз, она уже спала.

Он положил рядом оружие, с ненавистью взглянув на пистолет. Такой тяжёлый и холодный, он обжигал ему руки. Давно следовало от него избавиться. Завтра он сдаст Веру её сестре и выбросит этот пистолет в Сену. Дронго осторожно посмотрел на спящую молодую женщину. Кажется, она немного успокоилась. В последние дни было слишком много стрессов. Даже для него. Нужно заканчивать с подобными делами. Нужно перестать копаться в чужом дерьме, зло решил для себя Дронго. В конце концов, ему не обязательно самому скакать по всей Европе, подставляя себя под выстрелы профессиональных убийц и устраивая гонки с препятствиями. В его возрасте уже опасны подобные кульбиты.

Он закрыл глаза, понимая, что не сможет сразу уснуть. Завтра утром экс-премьер должен прилететь в Москву и дать большую пресс-конференцию. Если они все рассчитали правильно, то, возможно, уже завтра копия аналитических материалов, подготовленных Репниковым и Логутиной, появится в центральных российских газетах. Копия есть у Павла Феокистова, и он может её опубликовать уже в завтрашних номерах.

Дронго вспомнил Хаэн. Кажется, никогда он не был так близок к костлявой старухе, которая явилась вместе с убийцами. Если бы эти молодые ребята из полиции опоздали на несколько минут, все было бы кончено. В таких случаях пленных не берут, их убивают с последним контрольным выстрелом в голову. Он тяжело вздохнул. Пострадал Кружков, об этом он сожалел более всего. А вот с Джил у них явно не получилось. Она успела уехать вместе с детьми в Швейцарию. Сегодня на вокзале он взял газету и прочёл её послание. У них все в полном порядке. Он улыбнулся. Его система защиты, которую он придумал достаточно давно, все ещё работала. С Эдгаром он может поддерживать связь по «четвёртому варианту» через компьютеры. Передавая сообщение друг другу в зашифрованном виде и так, чтобы другие не поняли, от кого и кому пойдёт это электронное письмо. А проверять все письма, поступающие посредством Интернета, не сможет даже самая сильная спецслужба мира.

«Утром все закончится, — подумал он перед тем, как заснуть, — завтра утром».

Девятнадцатое октября

Скорый поезд ТЖВ номер тридцать семь вышел из Тулузы утром в девять часов шестнадцать минут. Отсюда до Бордо было около двух часов пути. Подобные поезда больше нигде не останавливались, развивая очень приличную скорость. А из Бордо до Парижа поезд шёл три часа, также нигде не останавливаясь. Они сидели в небольшом купе, друг против друга. Все их пакеты были сложены наверху. Они так и не успели приобрести новых чемоданов. Сегодня с утра у Веры было превосходное настроение. Слово присутствие Дронго начинало её тяготить и она радовалась самой возможности избавиться от напарника, перейдя под покровительство своей старшей сестры.

Она даже позавтракала с удовольствием в отёле Тулузы, выпив две чашки кофе. Дронго подумал, что молодой женщине было достаточно сложно все время оставаться в номерах, где рядом с ней находился посторонний мужчина. Он всего лишь выполнял свои

профессиональные обязанности, а ей было тяжело выносить подобное соседство. Ему следовало давно учесть это обстоятельство и заказывать спаренные номера. Но он боялся вызвать подозрения тем, что два отдельных номера берут мужчина и женщина. В таком случае первыми подозреваемыми, которых станут проверять, будут они.

Все было уже сказано, обо всем они говорили. Поэтому Вера читала свои газеты, а он привычно дремал, не поднимая головы, даже когда в вагоне появились проверяющие проводники. Вера протянула им билеты, он даже не раскрыл глаза, прислушиваясь к их шагам. Все прошло благополучно. У них проверили билеты и пожелали счастливого пути.

Ровно в четырнадцать часов тридцать минут поезд прибыл на вокзал Монпарнас. Оставалось выйти из вагона, забрав свои многочисленные пакеты, что они и сделали. Вера смущённо улыбалась, предчувствуя расставание. До назначенного времени оставалось около двадцати минут. Эти последние минуты как-то тяготили обоих, словно они желали поскорее расстаться друг с другом и забыть про это путешествие, как про кошмарный сон. Дронго подошёл к газетному киоску и купил несколько газет, в том числе и на русском. Уже в такси он раскрыл газеты, просматривая заголовки. Нигде не было ни одного слова о пресс-конференции бывшего премьер-министра, о которой столько писали различные газеты в предыдущие дни.

«Странно, — подумал Дронго, — или они не успели? Возможно, что сама пресс-конференция назначена на полдень или на два часа дня, тогда сообщение о её проведении появится либо в вечерних, либо в завтрашних газетах».

— Они опубликовали обзор? — поинтересовалась Вера.

— Нет, ответил он, — наверное, он выступит сегодня и они ждут его пресс-конференции, чтобы завтра в газетах опубликовать все подробности. Обычно они так и делают.

Она кивнула, посмотрев на часы. До назначенного времени оставалось около восьми минут. Отсюда было не так далеко. Оба вокзала были на одном берегу Сены, и даже с учётом парижских автомобильных пробок можно было доехать за пять-десять минут.

— Я хотела вас за все поблагодарить, — сказала Вера, сжимая ему руку, — вы ради меня рисковали жизнью. Иногда я говорила глупости или вела себя не очень умно. Вы меня простите. И выкиньте из головы все, что я вам говорила. Я иногда болтаю такие чудовищные глупости, а потом сама не понимаю, почему так говорила. Возможно, у меня комплекс старой девы.

— Надеюсь, не в буквальном смысле? — пошутил Дронго.

— Не знаю. Мне теперь кажется, что раньше я ничего не понимала. Как будто вместе с вами я прошла новый курс обучения. И многое осознала. Узнала и взглянула иначе на свои отношения с разными людьми. Спасибо вам за все.

Он молчал. Когда женщина говорит такие слова, она выражает не благодарность. Она прощается со своей молодостью, с человеком, которого никогда больше не увидит. Или не захочет видеть. Возможно, она подсознательно чувствует, что они больше никогда не увидятся. Слишком тяжёлые воспоминания будут фоном их новой встречи. Наверное, лучше избежать подобных воспоминаний в будущем.

У Лионского вокзала такси свернуло направо. Они проехали ещё немного и остановились у кинотеатра, находившегося напротив отеля «Холидей Инн». Она увидела подъехавшую машину сестры и улыбнулась Дронго, показывая на серебристую «Ауди».

— Это машина Киры. До свидания. И всего вам хорошего.

Она ещё раз пожала ему руку и вышла из такси.

Он хотел помочь ей, но она забрала все свои пакеты. И уверенным шагом направилась к «Ауди». Внезапно она остановилась, словно что-то увидев. Затем повернулась к Дронго и как-то неловко помахала ему. И снова подошла к машине. Почему-то не села. Наклонилась и начала разговаривать, будто проверяя, кто именно за ней приехал. Дронго насторожился. Он начал выходить из салона такси, когда увидел, как кто-то сидевший на заднем сиденье «Ауди» схватил Веру за руку и втащил в машину. Дверца захлопнулась. Машина начала набирать скорость. Кроме водителя там был кто-то ещё на заднем сиденье. И за рулём находилась явно не Кира. — За ними, — крикнул Дронго таксисту, — быстрее за ними!

Тот, не понимая английского, резко крутанул руль и врезался в другое такси, проходившее рядом. Дронго бессильно опустил руки. «Ауди» уже скрылась за поворотом.

Таксист взглянул на Дронго, словно спрашивая, кто именно будет платить за аварию. Ещё через несколько минут Дронго уже звонил по телефону, успев купить карточку в кафе, на котором было написано: «Табак». По правилам французской торговли, сигареты и телефонные карты могли продаваться в тех кафе и барах, на которых было слово «Табак». Очевидно, для их продажи требовалась специальная лицензия.

Дронго набрал личный телефон Каплуновича и долго ждал соединения, пока любезный голос не сообщил ему, что абонент недоступен. Затем набрал номер Аллы и выяснил, что этот телефон тоже отключён. Затем вспоминал другие номера, набирая их раз за разом. Наконец он набрал номер домашнего телефона семьи Каплуновича в Париже, и ему кто-то ответил.

— Позовите мсье или его супругу, — попросил Дронго. Вместо ответа просто положили трубку.

Чувствуя себя почти убийцей, он перезвонил Эдгару и попросил найти любой телефон, по которому можно соединиться с Борисом Каплуновичем. Вейдеманис искал такой телефон минут двадцать. Наконец он дал номер Танеева. Дронго перезвонил помощнику Каплуновича.

— Веру похитили! — крикнул он в трубку, услышав голос Танеева. Но тот был спокоен.

— Где вы находитесь? — спросил он.

— В Париже, на улице, — ответил Дронго. Он озирался, пытаясь понять, на какой именно улице он находится.

— Не нужно кричать, — сказал Танеев, — лучше приезжайте в Москву. Можете считать, что ваше дело закрыто. Вы нашли нужного нам человека и привезли в Париж. Этого достаточно.

— Где Кира?

— Я не уполномочен отвечать на подобные вопросы, — сухо ответил Танеев.

— Соедините меня с Борисом Самуиловичем. — Он чувствовал, как начинает заводиться.

— Его нет в Москве. До свидания.

Дронго услышал, как Танеев отключился. Оставалось только положить трубку. Дронго сделал несколько шагов, сел прямо на тротуар и вдруг заплакал. Он не плакал уже много лет и поэтому с удивлением чувствовал, как непривычные слезы обжигают ему лицо. Прохожие обходили его стороной, напуганные видом сильного и высокого мужчины, плачущего посередине улицы.

Эпилог. Спустя несколько дней

Он прилетел в Москву, словно постаревший на несколько лет. В аэропорту его встречал Эдгар. Они молча обнялись. Вейдеманис повёл его к своей машине.

— Как Кружков? — спросил Дронго.

— Нормально, — ответил Вейдеманис, — он уже выписался.

По дороге домой они все время молчали. Словно им не о чем было говорить. Они подъехали к дому, поднялись в квартиру, прошли в гостиную. Дронго сел на диван. Эдгар в кресло.

— Никакого обзора не было? — спросил Дронго. — Нигде и ни одного слова об этих материалах?

— Да, — ответил Эдгар, — подобного следовало ожидать. Бывший премьер отказался от намеченной пресс-конференции. Говорят, ему звонил очень высокопоставленный Чиновник и сумел с ним договориться. Они прекращают преследование бывшего главы правительства, закрывают все его дела, а он отказывается от своей пресс-конференции и президентских амбиций.

— И получает полную индульгенцию?

— Правильно.

— А остальные?

— Феоктистов получил новое назначение в аппарат правительства. Теперь он первый заместитель в администрации. Говорят, что также получил место в совете директоров компании

«Стил-М». Я пока не читал официальных подтверждений, но вчера в газетах напечатали, что его назначение уже согласовано. Он будет представлять в совете директоров правительство.

— А Каплунович?

— Он получил четыре процента акций компании «Стил-М», выплатив деньги по номиналу. Насколько мне удалось узнать, разница в цене составила около сорока миллионов долларов. Это его чистая прибыль...

— Плата за бесчестье, угрюмо перебил его Дронго, — и за жизнь младшей сестры его жены.

— Кира переехала в Майами вместе с детьми. Но не развелась с мужем. Говорят, что он купил ей там огромную виллу за пятнадцать миллионов долларов. Публиковались снимки этой виллы.

— Что ещё?

— Я узнал, почему убрали журналиста Оглобина, — продолжал невозмутимо перечислять все факты Вейдеманис, — он работал сразу на обе стороны. Брал деньги и с тех, и с других. Поэтому и вызывал недовольство. Обслуживал тех, кто ему больше платил. В какой-то момент стал просто неуправляемым, и его решили убрать. Ты ведь знаешь, убивают не тех, кто мешает, а тех, кто нарушает правила игры. А Репников?

По поручению Феоктистова он готовил этот обзор вместе с Верой Логутиной. Подробности всех материалов могли знать только они двое. У неё не было шансов, Дронго, ни единого шанса. Её сдали одновременно и Борис Каплунович, и Павел Феоктистов. Оба. И сдал её бывший шеф. Порядочных людей рядом с ней не оказалось ни одного. Ты бы не смог её спасти, даже если бы очень хотел.

— Один был мужем её сестры, а другой любовником, — мрачно прокомментировал Дронго, — и эти подонки считают себя людьми после подобного предательства!

— Я думаю, для них это был обычный бизнес.

Жизнь одной молодой женщины, пусть даже родственницы или бывшей любовницы, в обмен на деньги и карьеру. У политиков одна, у других иная плата. У каждого были свои мотивы. Своя цена. И каждый сам решал для себя, что ему делать. Но в итоге они все сдали её. Все вместе.

— Ты знаешь, как она умела улыбаться, — печально спросил Дронго, — какие планы у неё были? Каким светлым человеком она была...

— Хочешь, я принесу тебе чай? — спросил Эдгар вместо ответа. И поднявшись, пошёл в кухню.

Раздался телефонный звонок. Дронго сидел не шелохнувшись. Вейдеманис подошёл к аппарату и выслушал чьё-то сообщение. Затем положил трубку. Взглянул на своего друга.

— Звонил Танеев, — пояснил он, — они перевели деньги на твой счёт.

Дронго почувствовал, как от боли сводит скулы, так сильно он сжал зубы.

— Нужно найти в Хаэне офицера Виньеса, раненного при нашем освобождении, и его коллегу — Марию Чавес. Переведи им все деньги, — попросил он, — я думаю, так будет правильно. Мне такие гонорары не нужны.

— Сделаю, — кивнул Эдгар, проходя в кухню.

И ещё, — крикнул Дронго, повышая голос, — нужно найти телефон этой виллы в Майами. Я хочу рассказать Кире, как погибла её младшая сестра и кто её предал. А потом мы с тобой начнём искать все факты по компании «Стил-М». Я думаю, мы можем написать новый аналитический обзор, гораздо более интересный, чем первый. И заставить их пожалеть о том, что они сделали. Как ты считаешь?

Вейдеманис, выйдя в коридор, только развёл руками и улыбнулся. Он почти никогда не возражал своему другу.